

В. А. Кутайсов

ОТ КЕРКИНИТИДЫ К ЕВПАТОРИИ

В.А. КУТАЙСОВ

ОТ КЕРКИНИТИДЫ К ЕВПАТОРИИ

Симферополь
«Бизнес-Информ»
2016

ББК
К

Под редакцией д.и.н. Т.Н.Смекаловой

Кутайсов В.А.

От Керкинитида к Евпатории. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 208 с., цв. илл.

ISBN 978-5-9906382-

Книга рассказывает об одном из загадочных древнегреческих городов Таврики, расположенном в центре современной Евпатории. Античный полис был основан в VI в. до н.э. ионийскими эллинами в процессе греческой колонизации северных берегов Черного моря, во второй половине IV в. до н.э. он был включен в состав дорийского Херсонесского государства. В середине II в. до н.э. город был захвачен скифами, а в конце II в. до н.э. вновь возвращен в лоно Херсонеса, но больше никогда не восстановлен как городской центр. Огромный интерес отечественной науки к Керкинитиде и к античным древностям обозначился еще в XIX веке: особенно среди знатных вельмож и меценатов, что было вызвано не только общими для всей Европы веяниями классицизма, но и присоединением к России Северного Причерноморья — так называемой Новороссии. Ныне Керкинитида — один из главных брендов Евпатории, имя которой неоднократно встречается на многочисленных памятных знаках, рекламных щитах, стендах и плакатах.

Автор знакомит читателей с результатами археологических раскопок за 100-летний период изучения памятника и вводит в курс основных научных проблем, разрабатываемых учеными, раскрывает малоизученные вопросы истории древнего эллинского города.

Для широкого круга читателей.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
гранта Российского государственного гуманитарного фонда
№ 15-41-93008 по теме «От Керкинитида к Евпатории»*

ISBN 978-5-

© В.А. Кутайсов, 2016.
© «Бизнес-Информ»,
макет, оформление, 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евпатория, как известно, один из самых популярных всероссийских курортов. Имя города восходит к глубокой древности и связано с почетным титулом одного из выдающихся исторических деятелей античной эпохи, царя Причерноморской Понтийской державы Митридата VI Евпатора*, получившего особую популярность своей активной борьбой против республиканского Рима. Однако этот топоним происходит не прямо от царского прозвища, а от названного в честь Митридата города Евпатория, основанного на земле тавров, подчиненных Диофантом, полководцем понтийского царя. Впрочем, точное местоположение этого пункта до сих пор остается неизвестным: его локализуют на значительном отрезке побережья от современной Евпатории до Балаклавы.

Каким же образом это название получил турецко-татарский Гезлев, которому предстояло сделаться одним из черноморских портов России? Переименование, происшедшее во времена правления императрицы Екатерины Великой, диктовалось государственными соображениями. Но к выбору античного топонима, известного по свидетельствам древних авторов, привел целый ряд социально обусловленных взглядов и настроений русского общества конца XVIII — начала XIX в.

Огромный интерес отечественной науки того времени, а особенно вельможных меценатов к античным древностям, был вызван не только общими для всей Европы веяниями классицизма, но и присоединением к России Северного Причерноморья — так называемой Новороссии. Наконец-то просвещенное российское общество смогло соприкоснуться с античными памятниками непосредственно в своей стране, увидеть собственными глазами легендарную Таврику, описанную и воспетую древнегреческими и римскими историками и поэтами. И недаром в этот период сюда хлынул целый поток путешественников и просто представителей образованной элиты российского общества. Паломничество в Крым стало особенно модным в высшем свете после его посещения Екатериной II в 1787 г.

Русская официальная идеология, как известно, трактовала подчинение Крыма России как освобождение христианского населения полуострова от турецкого ига и приобщение его к цивилизованной Европе. Наиболее ярко проявилось это в возвращении целому ряду крымских городов древнегреческих названий или переименование их на эллинский лад. Так, Гезлев стал Евпаторией, Ак-Мечеть —

* *Εὐπάτωρ* — *Эвпатор* — с древнегреческого — рожденный славным отцом, иначе — знатный, благородный.

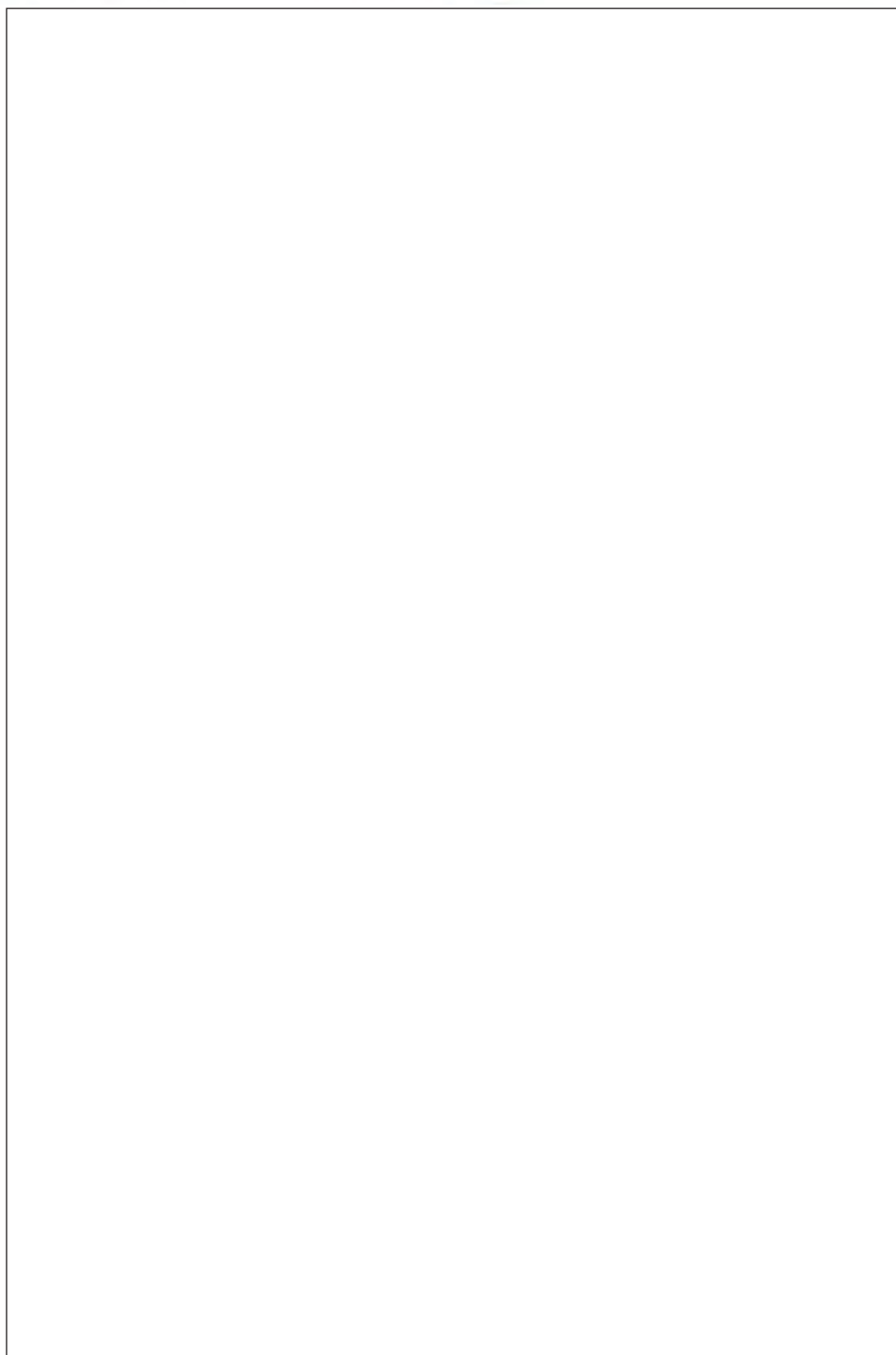

Симферополем, генуэзская Каффа (она же турецкая Кефе) снова сделалась Феодосией; получил античное имя и основанный Россией военный порт Севастополь от римского названия древнегреческой Диоскуриады, локализация, которой в те времена была не ясна.

Таким образом, топонимическое творчество было вызвано не только увлечением классической древностью, а имело вполне определенный политический смысл. К примеру, сказать, упоминаемая в письменных источниках времен Тмутараканского княжества Керчь (Корчев) сохранила старое свое название, несмотря на то, что ее предшественник Пантикапей был крупнейшим античным городом и столицей Боспорского царства. В переименовании Гезлева (сначала прозванного — по созвучию — Козловым) была своя логика: хотя город и не являлся столицей Крымского ханства, но именно в нем, в мечети Джума-Джами, происходила своего рода коронация татарского хана — мусульманский церемониал посвящения в сан по прибытии морем из Стамбула после назначения турецким султаном.

Как вытекало из «Географии» Страбона, где-то в районе Гезлева в конце II в. до н. э. происходили боевые действия между ионийскими войсками во главе с Диофантом и скифами под предводительством Палака, после поражения которых и был основан город Евпатория. Керкинитида же подавляющим большинством ученых локализовалась в XVIII веке за пределами Крыма. При этом следует иметь в виду, что такой ценнейший источник, упоминающий Керкинитиду в связи с походами Диофанта, как херсонесский декрет в его честь, был найден значительно позже, в 1878 г. Неизвестно, на чем бы остановила свой выбор российская администрация, если бы она располагала всеми полученными теперь данными. Не исключено, что Гезлев мог получить имя Керкинитиды. Надеемся, что читатель простит автору такое, пусть и произвольное, но все же достаточно вероятное предположение: оно — к слову сказать — высказано было М. Сосногоровой более ста лет назад¹.

Имя далекой предшественницы Евпатории — Керкинитиды до недавнего времени можно было встретить, помимо экспозиции местного музея, в декоративном украшении стен городского почтамта, на купольном перекрытии скромного охранного павильона над фрагментом крепостной стены (на набережной им. Горького), а может быть, еще и в оформлении одного-двух курортных кафе. Такое положение резко изменилось в 2003 г. после празднования 2500-летия Евпатории. Ныне Керкинитида — один из главных брендов Евпатории, имя которой неоднократно встречается на многочисленных памятных знаках, рекламных щитах, стендах и плакатах. Кроме того, Керкинитида обязательно упоминается во всех, в том числе и самых первых путеводителях по Евпатории. Самому же памятнику не повезло: ему уделяется мало внимания, ибо это античное горо-

дище пока практически недоступно, так как находится на закрытой санаторной территории.

Предлагаемая книга познакомит читателей с некоторыми результатами исследований Керкинитида 80-90 годов прошлого века, введет их в круг связанных с древним городом общеисторических проблем и покажет всю уникальность этой древнегреческой колонии для понимания социально-исторических процессов, протекавших в классическое и эллинистическое время.

В научно-популярной серии «Археологические памятники Крыма» Керкинитида стала объектом внимания в двух вышедших одна за другой книгах: А. Н. Щеглова «Полис и хора» (1976 г.) и В. Драчука, Я. Кара, Ю. Чельшева — «Керкинитида — Гезлев — Евпатория» (1977 г.) Однако обе эти работы базировались на материалах неполных, а теперь и в какой-то мере устаревших. Полевые исследования 80-х гг., проведенные на городище экспедицией Института археологии Академии наук УССР, расширили и углубили наши знания об античном городе.

Главные итоги полевых и кабинетных исследований Керкинитида отражены в монографиях автора «Античный город Керкинитида» (1990 г.), «Керкинитида в античную эпоху» (2004), «Античный полис Керкинитида» (2013) а также многочисленных статей, напечатанных в сугубо специальных сборниках. В них приведена обширная научная литература и дана подробная аргументация наиболее дискуссионных положений. При желании можно обратиться к ним, для этого в конце книги приводятся источники и достаточно доступная, преимущественно отечественная литература. Представленная на суд читателей работа является переработанным вариантом ранее опубликованной книги «Керкинитида. Археологические памятники Крыма» (1992). Побудительным мотивом для переиздания стали многократные обращения организации «Крымкнига». Подготовка рукописи к изданию осуществлена при финансовой поддержке гранта Российского государственного гуманитарного фонда № 15-41-93008 по теме «От Керкинитида к Евпатории».

Один или два?

Античные авторы употребляют наименование (этникон) интересующего нас города в двух формах (ΚΑΡΚΙΝΙΤΙΣ или ΚΕΡΚΙΝΙΤΙΣ), очень близких, но все же различающихся написанием первой гласной буквы: в одном случае через альфу (Α), в другом — через эпсилон (Ε). Именно это с учетом некоторых нумизматических данных породило длительную дискуссию по вопросу о существовании в Причерноморье — по одной версии одного, а по другой — двух почти одноименных городов и, естественно, их локализации.

Уже в древнегреческом географическом атласе (первом в мире) — «Землеописании» Гекатея Милетского (около 500 г. до и. э.), наряду с несколькими другими топонимами, упоминается и Каркинитида, которую античный географ поместил на северном берегу Понта и назвал «городом скифским». Дважды об одноименном городе и в такой же транскрипции сообщает в своей четвертой книге «Мельпомена» отец истории Геродот, используя этот населенный пункт каждый раз в качестве топографического ориентира — для пояснения географического описания Скифии.

В одном случае он подчеркивает, что именно у Керкинитиды впадает в море шестая по его счету река Гипакирис.

Второе упоминание в силу его особой значимости для выяснения местоположения апойкии* приведем полностью: «Начиная от Истра, — пишет Геродот, — я буду описывать приморскую часть самой скифской страны с целью измерения. От Истра идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, населяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым; этот полуостров выдается в море, обращенное в сторону восточного ветра» (перевод И. А. Шишовой)².

Более поздние сведения источников еще менее информативны. Так, Плиний Старший (I в. н. э.) помещает Каркину на побережье одноименного залива, за которым сразу начинается Таврика³. На северном берегу Каркинитского залива размещает город Каркину Помпоний Мела (I в. и. э.)⁴, а также известный астроном Клавдий Птолемей (конец II — III вв. н. э.). Он расположил город на берегу одноименной реки Каркинит и указал его точное местоположение в градусах⁵. Сложность исчислений александрийского ученого, к сожалению, не позволяет точно определить местоположение этого пункта: где-то на побережье, немало к северу от Херсонеса.

Важную историческую информацию мы можем извлечь из описания Понта Эвксинского претором римской провинции Каппадокия (ныне часть Малой Азии) Флавием Аррианом. В составленном им в 134 г. н. э. для императора Андриана «Перипле» он приводит точное расстояние от Херсонеса до Керкинитиды и от нее до Калос-Лимена. Сам римский наместник в своем плавании по Черному морю достиг лишь Диоскуриады, а его сведения о Кавказском побережье исключительно достоверны. К сожалению, сказанное выше нельзя отнести к его экскурсу о западной части Понтийского бассейна, где он сам не был. Для нас также имеет значение употребление Аррианом наименования города через «эпсилон»⁶. Приведенные выше данные с небольшими изменениями были воспроизведены в «Перипле» безымянного автора (так называемого Псевдо-Арриана), в компиляции V в. н. э.⁷.

Приведенные выше отрывочные упоминания Каркинитиды — Каркины Керкинитиды в нарративных (то есть письменных) источниках на протяжении XVIII — первой половины XIX в. оставались единственным указанием на существование в Северном Причерноморье этого античного полиса. Однако подобные сведения оставляли широкий простор для самых различных, в том числе и взаимоисключающих суждений и догадок о его локализации. В то же время какие-либо конкретные археологические данные в пользу той или

* А п о й к и я — буквально с древнегреческого — поселение, колония.

иной гипотезы отсутствовали; а, следовательно, местоположение Керкинитиды оставалось практически неизвестным.

В середине XIX в. были найдены монеты этого полиса, а в последней четверти того же столетия при раскопках Херсонеса были обнаружены уникальные памятники лапидарной эпиграфики — «Херсонесская присяга» и декрет в честь Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора⁸.

Они позволили по-новому осветить историю Херсонесского государства и всех входящих в него территорий (*Рис. 1*). В присяге, относящейся к рубежу IV–III вв. до н. э. — периоду обострения политической борьбы внутри гражданской общины херсонеситов и внешней угрозы народу, граждане его клялись не предавать Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной Гавани и других укреплений. В декрете же отражен заключительный этап скифо-херсонесских войн. В нем упоминается освобождение Керкинитиды от захвативших ее скифов понтийскими войсками. Причем в обоих документах этникон города соответствует его написанию у Арриана и Анонимного автора.

Важность проблемы заставляет нас кратко рассмотреть историю развития взглядов на локализацию древнего города. Необходимость проверки кабинетных гипотез привела, в конечном счете, к поискам реальных остатков античного памятника на местности; их логическим завершением и явилось открытие городища, отождествляемого с Керкинитидой. Поскольку в современной литературе утвер-

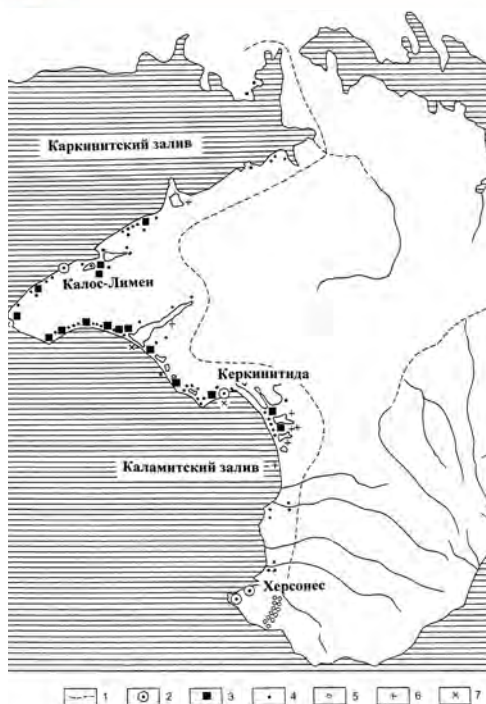

Рис. 1. Археологическая карта Западного Крыма в античную эпоху.

1 — приблизительные границы херсонесской хоры; 2 — города; 3 — укрепления; 4 — поселения; 5 — зависимые от Херсонеса варварские поселения; 6 — пункт обнаружения подъемного материала IV–III вв. до н.э.; 7 — места кораблекрушения.

(По С.Б. Ланцову, 2003, рис. 1)

дилось мнение о существовании в Причерноморье одного города с таким названием, в предложенной работе будет использоваться более позднее имя полиса, встречаемое помимо письменных источников и монет в местных эпиграфических документах.

Итак, уже в начале XVIII в. один из первых российских академиков немецкого происхождения

Ф. 3. Байер предпринимает попытку спроецировать данные Геродота на местность⁹: на карте, приложенной к его статье, он помещает Керкинитиду в устье реки Каланчак. К такому же выводу пришел несколько позже французский посол к Крымскому хану Пейсонель и д'Анвиль¹⁰. Однако уже вскоре — в 1784 г. — другой, немец — Тунманн располагает Керкинитиду Арриана у современной Евпатории¹¹.

Таким образом, с самого начала мнения ученых об интерпретации античных источников, а, следовательно, и локализации города, разделились: одни располагали его на северном побережье Каркинитского залива, другие — на северо-западном берегу Крымского полуострова. К сожалению, оба эти предположения были сделаны лишь попутно с рассмотрением других более общих вопросов и основывались не на анализе всей совокупности данных, а лишь на сообщениях отдельных письменных источников, в которых назван этот город. Впрочем, определение местоположения последнего не входило в задачу ни одного из исследований, посвященных более общей проблематике. Кроме того, следует всегда помнить, что авторы XVIII — первых трех четвертей XIX в. не знали таких важнейших эпиграфических памятников, как декрет в честь Диофанта и «Херсонесской присяги», а также монет Керкинитиды, которые еще предстояло открыть.

Приведенная выше точка зрения Тунманна осталась незаме-

ченной; продолжало господствовать первое мнение, обязанное своей популярностью широко известному в Европе произведению Пейсонеля. Наряду с тем появлялись и совсем неудачные попытки локализовать Керкинитиду в других местах, например, возле г. Николаева или на Кинбурнской косе.

Единственным принципиально новым дополнением к этим двум основным позициям явилось предположение немецкого ученого Г. Фридлендера о существовании в Причерноморье двух соименных городов, различающихся в написании первой гласной буквы: одного на побережье Каркинитского, или Тамиракского, залива и другого на западном побережье Крыма¹².

К этому выводу известный нумизмат пришел на основании сопоставления между собой названия колонии на трех публикуемых им монетах из Минцкабинета Берлинского музея (с аббревиатурами КЕРКІ, КЕР) и данных письменных источников.

Оспаривая выводы Г. Фридлендера, отечественный нумизмат Г. Спасский настаивал на отнесении всех данных — как античных авторов, так и монет — независимо от несущественных, с его точки зрения, транскриптических различий к одному и тому же пункту, расположенному в устье Гипакириса-Каланчака¹³.

Таким образом, к середине прошлого века были исчерпаны все возможные варианты интерпретации древних источников, крайне незначительный круг которых, к сожалению, зам-

Рис. 2. Немецкая аэрофотосъемка Евпатории и ее окрестностей от 29 августа 1941 г. Стрелкой обозначен Карантинный мыс в центре современного города, на котором расположена древняя Керкинитида

кнулся. С этого времени всем последующим ученым, писавшим о Керкинитиде, оставалось лишь присоединиться к одной из двух сформулированных точек зрения: часть из них, следуя за Г. Фридлендером, допускали существование двух соименных городов в Северном Причерноморье. Другие, напротив, вслед за Г. Спасским признавали наличие только одного города, располагая его либо на севере Каркинитского залива, либо в Западном Крыму. Попыткой связать эти две противоположные точки зрения явилось предположение В. Ф. Гайдукевича о том, что указанный населенный пункт в IV в. до н. э. был перенесен из-за пределов Крыма на полуостров в связи с передвижением части скифского населения¹⁴.

Местоположение Керкинитиды на западном побережье

Таврики вне зависимости от того, признавали ли исследователи наличие одного или двух городов, определялось с незначительными различиями. Подавляющее большинство сходилось во мнении, что древняя колония располагалась вблизи Евпатории (Рис. 1). И. Ф. Романченко, а вслед за ним Е. Миннз, В. В. Латышев назвали конкретные ориентиры между Биук-Мойнакским озером и Карантинным мысом (тогда еще на пригородную территорию, вошедшую уже в черту курорта). Упомянутое озеро, по мнению Н. Ф. Романченко, было в античную эпоху заливом, использовавшимся в качестве древней гавани (Рис. 2).

Другие ученые помещали тот же полис около Донузлавского озера, которое вполне могло приниматься в период греческой колонизации за одну из рек

Скифии. Причем П. О. Бурачков конкретно связывал Керкинитиду с античным поселением у так называемого Беляусского трактира (Рис. 1)¹⁵. Однако, как показали раскопки последних десятилетий, городище Беляус ни по своему характеру, ни по размерам и датировке не может отождествляться с Керкинитидой¹⁶. Оно представляло собой куст из четырех сблокированных вместе усадеб с башнями¹⁷.

Попробуем суммировать все изложенное выше. Главным основанием для сторонников существования в Северном Причерноморье двух близких по названию городов послужило его различное написание на монетах, у античных авторов и в эпиграфических документах. Из них становится якобы очевидным, что Каркинитиды Геродота, Каркина Плиния Старшего и Птолемея находились в преддверии Таврики; Керкинитиды же Арриана, «Херсонесской присяги» и декрета в честь Диофанта определенно размещалась на западном берегу полуострова - на хоре Херсонеса, не столь уж от него отдаленной (Рис. 1). Причем, если исходить из приведенных Аррианом и компилирующим его автором расстояний, то город должен был находиться на самой западной оконечности Тарханкутского полуострова, на мысе Кара-Бурун¹⁸, где и в действительности располагался один из крупных античных памятников — Караджинское городище¹⁹.

Сторонники второй точки зрения исходили из логически

маловероятного факта расположения в ближайшем соседстве двух практически одноименных апойкий — факта для античности, если не исключительного, то, во всяком случае, редчайшего. Обоснование своего мнения они выводили из анализа все тех же письменных источников, что и заставляет нас еще раз сгруппировать и сопоставить все имеющиеся в настоящее время данные.

Одной из причин столь различной интерпретации одних и тех же письменных свидетельств могло послужить, во-первых, отсутствие достаточно убедительных археологических данных; во-вторых, то немаловажное обстоятельство, что сообщения античных авторов проецировались на современную топооснову, тогда как в представлении греческих мореплавателей (а, вероятно, и в действительности) очертания побережья в античную эпоху несколько отличались от нынешних. Сказанное в наибольшей степени относится к мелководному и непригодному теперь для плавания в верховьях Каркинитскому заливу. Он в античный период, если и не был лиманом, отделяющимся от моря пересыпью, то, по крайней мере, перегораживался подводным баром, обозначенным в настоящее время Джарылгачской и Бакальской косами²⁰. При более низком уровне моря (а также учитывая продолжающееся в настоящее время тектоническое погружение дна залива) этот поперечный вал мог располагаться на столь небольшой глубине, что вопрос

о судоходстве залива к востоку от упомянутых кос в античную эпоху весьма сомнителен. Ведь недаром эта губа у византийских авторов и на итальянских картах называлась некропиллом, т. е. мертвыми воротами, или мертвым входом. Если это так, то возможность основания на северо-восточном берегу залива греческого полиса, а не отдаленных аграрных поселений хоры, довольно сомнительна. Правда, недавно были открыты два античных памятника на севере Перекопского залива, которые относятся, однако, уже к несколько более позднему времени – IV–II вв. до н. э.

С другой стороны, местоположение Керкинитиды у Евпатории полностью соответствует тому приведенному выше месту в описании Геродота, согласно которому от названного пункта начинается горная страна тавров. И, действительно, панорама Горного Крыма с Чатырдагом в центре открывается при плавании на корабле сразу у Евпатории²¹. Скорее всего, древний историк понимал под Таврикой не весь современный полуостров, а лишь ту его горную часть, которая была населена таврами, как это справедливо отмечал ряд отечественных авторов²². Более того, сам этноним «тавры» происходит, вероятно, от древнего названия Крымских гор (т. е. оронима), являющихся в представлении античных авторов продолжением Малоазийского Тавра, а имя упомянутого народа следует буквально в таком

случае понимать как «горцы»²³. Напротив, предположение о существовании Керкинитиды за пределами Крыма не соответствует экскурсу Геродота. Такое заключение не является произвольным еще и потому, что Перекопский перешеек в V в. до н. э. был наверняка несколько шире современного, а, следовательно, полуостровной характер Крыма был не так четко выражен, как сейчас. Кроме того, конфигурация Каркинитского залива была слабо отражена в античных лоциях, в том числе и более поздних, поскольку греческие корабли от Ольвии, а при необходимости и прямо от Истрии, следовали не вдоль извилистого побережья, а по прямому морскому пути к мысу Херсонес²⁴.

При комментировании Геродота следует учитывать и то немаловажное обстоятельство, что он выбрал Керкинитиду в качестве основного географического ориентира. В таком случае выражения древнего историка «у», «около», «напротив», «против» не следует понимать буквально. Достаточно напомнить читателю весьма оригинальное наблюдение Ф. Бруна о городе Истре, находившемся, по свидетельству того же Геродота, около южного устья одноименной реки, тогда как в действительности он расположен в 500 стадиях от современного места впадения южного рукава Дуная в море²⁵.

Сказанное в значительной степени оправдывает локализацию Керкинитиды не у самой шестой по счету реки Скифии –

Гипакирис, как считали многие исследователи, а на некотором расстоянии от нее.

Вопрос о местоположении Керкинитиды, действительно, прямо связан с идентификацией упомянутого Геродотом Гипакириса, одной из рек и ныне впадающих в Черное море. Большинство комментаторов скифского рассказа Геродота принимает за Гипакирис современную относительно небольшую реку Каланчак. Другие — соглашаясь с таким отождествлением в принципе — принимали за ее нижнее течение сам Каркинитский залив. С этой, обязанной своим происхождением Ф. Бруну точкой зрения, согласились недавно несколько современных исследователей. Однако такое отождествление А. Н. Щеглов вполне справедливо (с нашей точки зрения) назвал «фантастическим»²⁶, не соответствующим достаточно подробным гидрографическим знаниям Геродота.

С не меньшим основанием считаться Гипакирисом заслуживает Донузлавское озеро, прорезающее полуостров на протяжении 27 км и достигающее в глубину до 17 м. Оно имеет вид настоящей речной долины, но еще относительно в геологическом смысле недавно отделялось от моря песчаной пересыпью. Есть все основания полагать, что эта перемычка существовала в античную эпоху. Она могла в отдельных местах иметь промоины и протоки, которые время от времени замывались. С высоты птичьего полета озеро Донузлав практически не отличается от русла реки:

в этом может убедиться каждый при полете к Симферополю, когда самолет заходит на посадку над Донузлавом. Хотя, конечно, древние греки не летали, но и у них были все основания принимать его за устье реки. В рассматриваемом гидрониме, так же как и в обозначении других причерноморских рек, таких как Дунай (Данубиос), Днестр (Данастр), Днепр (Данапр), Дон (Танаис), отчетливо выделяется *dan*, на древнеиранском языке — «река»²⁷. Причем, по мнению лингвиста В. И. Абаева, переход *dan-don* произошел не ранее XIII–XIV вв., когда осетинский элемент массово не был представлен уже на юге России²⁸. Иными словами, в представлении древнего населения, обитавшего в Крыму, описываемое озеро вполне могло восприниматься за устье реки Скифии — шестой в номенклатуре Геродота. Тем не менее, окончательно решить вопрос о Гипакирисе не представляется возможным, и эта река до настоящего времени остается одной из наиболее загадочных у Геродота.

Плиний, как уже было, сказано, вполне определенно помещает Каркинит в преддверии Крыма, у самого перешейка. Описание римского автора может быть объяснено следующим образом. В своей компиляции он использовал источники разнообразные не только по характеру, но и по времени. С одной стороны, он был хорошо знаком с сообщением Геродота о расположении Керкинитиды за пределами Таврики, с другой — от Страбона Плиний получил вполне точное,

Рис. 3. Современная застройка центральной части Евпатории, под которой находятся руины античной Керкинитиды

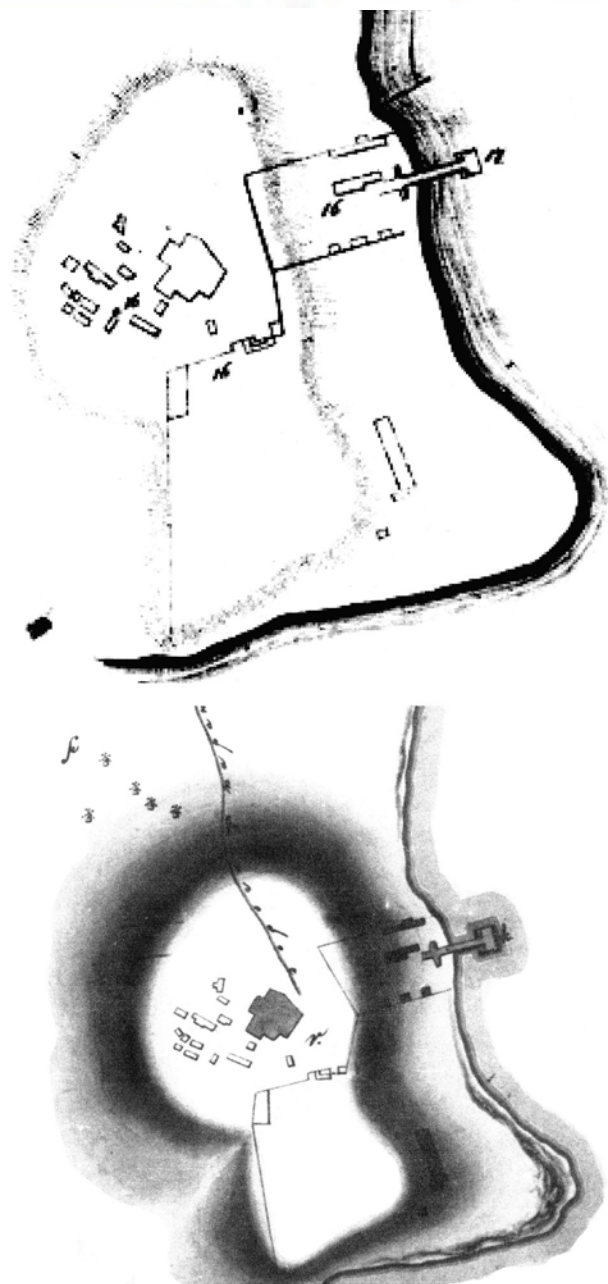
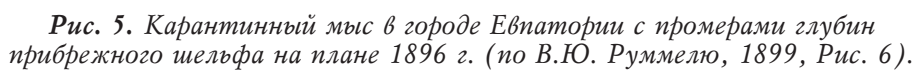

Рис. 4. Карантинный мыс с четко выраженным восхождением, обозначающим руины Керкинитиды на планах первой половины XIX века. — 1836 г. Российский государственный архив древних актов. Ф.1356, ед. хр. 5521; 2 — 1838 г. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.349, оп. 12, ед. хр. 5480.

более достоверное представление о конфигурации полуострова. Однако Плиний не учел того обстоятельства, что под Таврикой Геродот понимал только Горный Крым, а не весь Таврический полуостров, и расположил город перед последним в полном соответствии с географическими представлениями I в. н. э.

Приведенные ниже результаты детального изучения монетного чекана Керкинитиды IV–III вв. до н.э., несмотря на разделение его на две самостоятельные художественно-стилистические группы, однозначно свидетельствуют в пользу их сюжетной и семантической (смысловой) связи между собой. Кроме того, налицо и концентрация исключительно в Евпатории денежных знаков с ранним написанием полисного этника. Из этого вытекает принадлежность всех нумизматических выпусков с неодинаковым начертанием имени города — в первом случае через *КАРК*, во втором — *КЕРК* — монетному производству одного и того же северопричерноморского полиса. Последние сомнения отпадут, если к сказанному добавить, что только из раскопок Евпатории происходят литые монеты, на которых название эллинской колонии воспроизведено в форме *KA(PKINITIS)*.

Заключительным аккордом к более чем двухсотлетней дискуссии по вопросу локализации Керкинитиды совсем недавно прозвучали эпиграфические данные. Так, Ю. Г. Виноградов на большом фактологическом

материале показал, что смена огласовки городского топонима с *КАРКINITIY* на *КЕРКINITIY* вызвана его переводом с ионийского на дорийский диалект древнегреческого языка²⁹. Первоначальное же имя апойкии, как это часто бывает, уцелело в названии соответствующего залива. Такое объяснение снимает кажущиеся противоречия: выходит, что замена «альфы» на «эпсилон» в транскрипции этника отразила изменение политического статуса Керкинитиды, превратившейся из суверенного ионийского полиса в составную часть более крупного дорийского государства.

Таким образом, все приведенные выше данные окончательно убеждают в справедливости отнесения всех сведений письменных и нумизматических источников к одному и тому же пункту Северного Причерноморья. Единственным в настоящее время памятником, существовавшим в VI–V вв. до н. э. на значительном пространстве от Ольвии до Херсонеса, остается античное городище в Евпатории (*Рис. 2 – 5*). И это несмотря на интенсивные археологические поиски, проводившиеся на протяжении более чем столетия. Сторонники наличия на северном берегу Понта (вспомним также) двух одноименных городов полагали, что крымская Керкинитиды была основана Херсонесом во второй половине IV — начале III в. до н. э. Открытие же на Евпаторийском городище культурных напластований архаической эпохи снимает подобный довод.

Сто лет поисков

Судьба Керкинитиды — одного из малых городов Причерноморья — сложилась очень непросто. В отличие от большинства других древнегреческих колоний, местоположение которых было установлено достаточно давно, а, следовательно, так или иначе проводилось их изучение, о существовании Керкинитиды долго судили только по монетам и письменным источникам. В археологическом же исследовании самого памятника можно условно выделить три этапа, принципиально отличающихся по своим целям и задачам, а также по научному уровню проведения полевых работ. Поскольку отсутствовала точная локализация древнего города (то есть привязка его названия к конкретному археологическому объекту), первый этап был, естественно, связан главным образом с поисками Керкинитиды на местности. Он охватил значительный по времени промежуток от 70-х гг. XIX в. до 1918 г.

Уже Ф. Брун пытался отождествить древний город с реальными строительными остатками и источником пресной воды³⁰, где значительно позже (уже в наше время) было открыто античное городище «Чайка». Однако понастоящему первые археологические разведки в Западном Крыму и поиски Керкинитиды предпринял в 1873 г. наш земляк, выпуск-

ник Симферопольской гимназии Платон Осипович Бурачков. Он отметил находки античной керамики на пространстве между Мойнакским озером и Евпаторийским Карантином (*Рис. 2*). Отсутствие достаточно заметных следов построек не позволило ему тогда же предположить расположение именно здесь древнего города³¹. Острота дискуссии, развернувшейся вокруг локализации Керкинитиды, потребовала от П. О. Бурачкова проведения в 1880 г. повторного, более детального обследования всей этой территории. Оно носило на этот раз форму не ознакомительной экскурсии, а настоящего широкомасштабного поиска, во время которого был снят план местности с нанесением на него всех видимых на поверхности следов поселения и участков проведенных раскопок³². Тем не менее, сам характер раскрытых Бурачковым строений, интерпретированных им как остатки селищ, не подтвердил предположение некоторых авторов о расположении здесь античного города (*Рис. 6*). Из раскопок П. О. Бурачкова наибольший интерес вызывает открытое им укрепление, состоящее из участка куртины, протяженностью около 150 м, фланкируемое двумя круглыми башнями.

В 1893 г. в связи со случайными находками памятников

Рис. 6. Общий план пространства между г. Евпаторией и Буюк-Мойнакским озером с обозначением выявленных здесь археологических объектов (по П.О.Бурачкову, 1881)

античного искусства эта территория была вновь обследована инженером Н. Ф. Романченко (Рис. 7)³³. Результаты работ в окрестностях Евпатории (большей частью визуальных) вызвали настолько большой интерес, что Таврическая Ученая архивная комиссия (ТУАК) попросила этого петербургского коллекционера прислать подробное сообщение о них для публикации в «Извести-

ях» общества.³⁴ Однако это предложение не было реализовано.

В 1895 г. тем же Н. Ф. Романченко были проведены раскопки могильника у Евпаторийского Карантина и остатков ранее обнаруженной античной постройки у Мойнакского озера (Рис. 8)³⁵. Во время раскопок у последнего был найден рельеф с изображением апофеоза (обожествления) Геракла (Рис. 9). Изучение тех

же объектов было продолжено Н. Ф. Романченко и в 1896–1897 гг. Были раскрыты остатки античных сельскохозяйственных усадеб на побережье упомянутого выше озера, а также получены новые данные о некрополе у западной окраины тогдашнего города с захоронениями, относящимися к V–II вв. до н. э. (Рис. 8). Здесь были зафиксированы как трупосожжения, так и трупоположения в плитовых гробницах. Несмотря на значительную территориальную удаленность открытых Н. Ф. Романченко археологических объектов, он сделал заключение о том, что обнаруженный им некрополь и архитектурные остатки принадлежат Керкинитиде³⁶.

Против этого предложения свидетельствует, прежде всего, рустифицированный характер раскрытых построек, разбросанных к тому же на значительном расстоянии друг от друга, в то время как для античных городов и других памятников городского типа свойственна достаточно плотная застройка. Иными словами, у Н. Ф. Романченко не было веских оснований для локализации древнего города на берегу Мойнакского озера, являвшегося, по его мнению, в античную эпоху морским заливом.

Свою работу в Евпатории Н. Ф. Романченко совмещал с отдыхом на тогда уже хорошо известном крымском курорте, поручив наблюдение за самим процессом раскопок одному из своих рабочих. Из попадавших в ходе работ археологических находок выбирались только целые

Рис. 7. Исследователь некрополя и округи Керкинитиды: Н.Ф.Романченко (1871 – 1923)

эффектные вещи, а, например, терракотовые статуэтки с отбитыми деталями, сколами просто выбрасывались. Зато древние монеты, страстным собирателем которых был образованный инженер, вызывали у него особый интерес. Часть из них он приобрел у местных торговцев древностями. Именно так был найден абсолютно новый монетный тип Керкинитиды – с изображением головы Геракла на аверсе и орла на молнии на реверсе. Читатель может сделать вполне справедливый вывод о дилетантском, любительском уровне раскопок Н. Ф. Романченко. Но с профессиональной точки зрения такая оценка не умаляет значения их результатов для понимания исторической значимости северо-западного побережья Крыма, густо

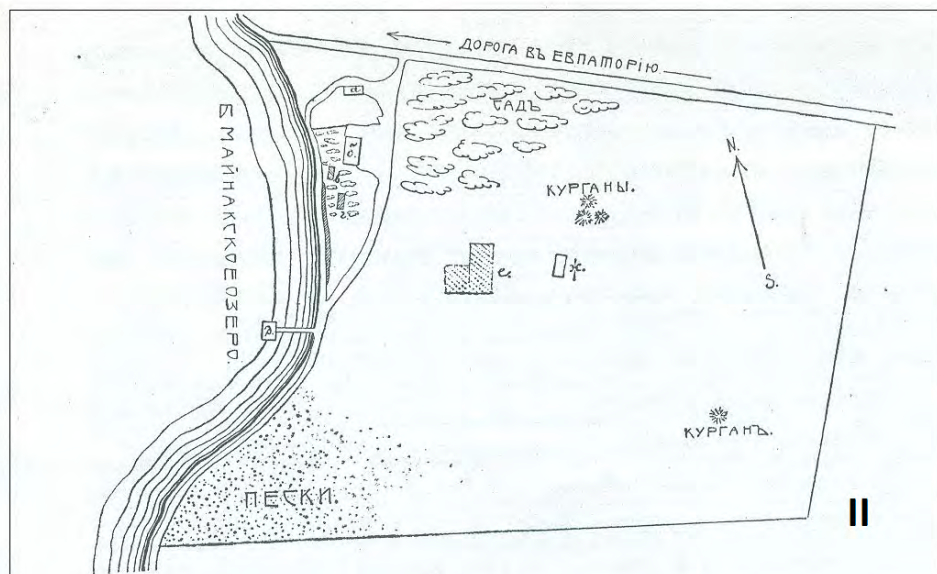
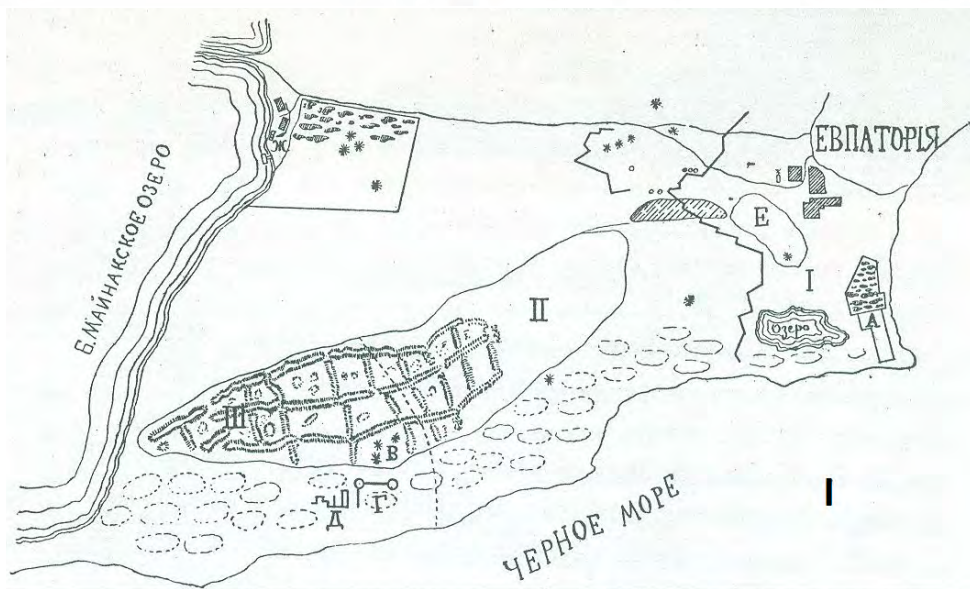

Рис. 8. I — взятый за основу план П.О.Бурачкова с обозначением на нем мест раскопок Н.Ф.Романченко. Условные обозначения: А — Карантин; Б — три кургана; Г — следы крепостной стены и башни; Е — места раскопок 1895 — 1897 гг.; Ж — место раскопок 1895 г., где была найдена плита с изображением Геракла (по ИАК, № 25, с. 172). II — места раскопок на берегу Бюок-Мойнакского озера: а — грязелечебница; б — гостиница; в — место раскопок 1895 г.; г — место раскопок 1897 г.; д — купальня; е, ж — фундаменты, открытые в 1897 г. (по ИАК, № 25, рис. 16)

заселенного в античную эпоху: они показали перспективность проведения здесь дальнейших археологических поисков. Вместе с тем, открытие целого ряда перво-классных образцов античного искусства (например, краснофигурного кратера со сценой трапезы в андроне*, позолоченного лаврового венка в гидрии) и древних монет самым прямым образом указывали на существование тут весьма значительного археологического объекта, возникшего еще в V в. до н. э., который, однако, тогда еще предстояло открыть (Рис. 10–11; 82).

К сожалению, начатые Н. Ф. Романченко работы в дальнейшем никем не были продолжены, а сам он увлекся изучением и реставрацией архитектурных памятников северного зодчества. Дальнейшее же активное развитие Евпатории и связанная с тем распродажа участков земли под дачную застройку привели к разрушению как некрополя, так и остатков эллинистических построек. Кроме того, уничтожению их в значительной степени способствовал постоянный коллекционерский спрос на античные предметы прикладного искусства, и особенно монеты, со стороны многочисленных отдыхавших тут любителей старины, таким способом приобщавшихся к античной культуре, не покидая великолепных песчаных пляжей евпаторийского побережья. Кладовисательство и ограбление древних могил стало основным занятием

Рис. 9. Рельеф с изображением апофеоза Геракла, найденный в 1895 г. Н.Ф.Романченко в развалинах одной из усадеб на берегу Биюк-Мойнакского озера

Рис. 10. Гидрия, использованная в качестве урны для праха кремированного покойника. 425 – 400 гг. до н.э.

Раскопки 1897 г. Н.Ф.Романченко

* Подробно об андроне см. ниже.

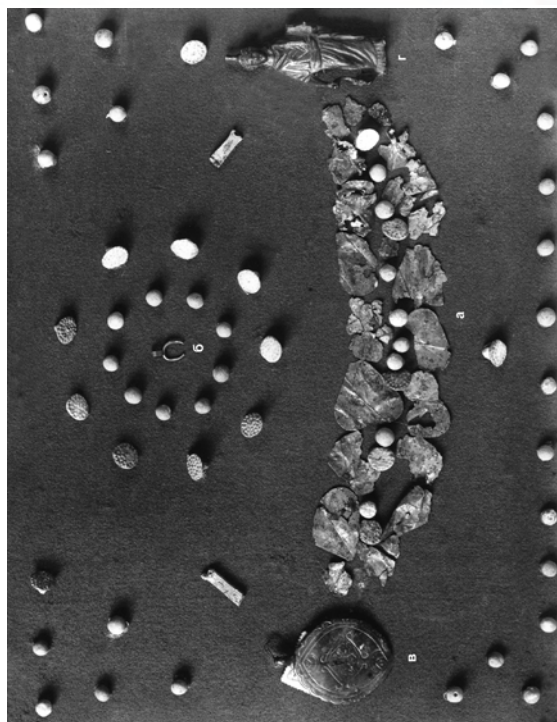

Рис. 11. Погребальный венок, обнаруженный в гидрии. Бронзовые позолоченные листья плюща с керамическими ягодами и цветами. Последняя четверть V в. до н.э. Слева от венка на снимке — средневековый амулет, справа — бронзовая статуэтка

целых семей. Этот «промысел» и тогда обеспечивал относительно безбедное существование.

Тревожные сигналы о бедственном положении античных древностей стали поступать не только из Евпатории, но и многих других мест Северного Причерноморья. Время от времени в Императорскую Археологическую комиссию передавались отдельные разрозненные находки, случайно приобретенные тут известным историком Ю. Кулаковским или другими учеными (Рис. 12–13). Часть рядовых

Рис. 12. Керамические клейма Фасоса и Синопы, купленные Ю. Кулаковским в Евпатории в 1902 г.

по значимости археологических предметов Комиссия переправила в музей Одесского общества истории и древностей. Наиболее же интересные изделия передавались в столицу — в коллекцию Эрмитажа. Особый интерес, безусловно, представляет случайно открытое в 1903 г. при земляных работах надгробие Амбатии, дочери Геродота, последней четверти IV в. до н. э. с надписью (эпитафией) на дорийском диалекте (Рис. 14). Оно остается до сих пор единственным памятником лапидарной эпиграфики Керки-

Рис. 13. Античные предметы, приобретенные Ю. Кулаковским в Евпатории в 1902 г. Терракота и херсонесское клеймо

Рис. 14. Стела Амбатии, дочери Геродота. Обнаружена случайно в 1903 г. при земляных работах. Хранится в Государственном историческом музее

нитида. Эта погребальная стела явилась одним из аргументов дорийского происхождения апойкии. Отдельные керамические материалы с клеймами (вероятно, большей частью из разграбленных погребений) были собраны и опубликованы учителем местной гимназии В. Ф. Штифтаром (Рис. 15). Им же в 1916 г. был раскопан (с привлечением гимназистов) один из курганов вблизи города.

Новые, настоящие в прямом смысле археологические изыскания были вызваны планировавшимся в 1916 г. строительством

Всероссийской грязелечебницы у Мойнакского озера³⁷. Несмотря на отсутствие достоверной информации о характере памятника, его топографии, на основании лишь ранее полученных данных начало строительства, несмотря на продолжавшуюся войну, было приостановлено с целью проведения археологических исследований. Деятельное участие в этом приняли выдающийся историк и искусствовед, профессор Петербургского университета М. И. Ростовцев и глава Московского археологического

*Рис. 15. Учитель латинского
языка местной гимназии
и археолог-любитель.
В.Ф. Штифтар*

общества графиня П. И. Уварова; они обратились непосредственно к императору и таким образом предотвратили разрушение памятника. Тем не менее, сами раскопки вряд ли стали возможными без активного содействия евпаторийского головы — человека незаурядного — С. Э. Дувана, организовавшего финансирование этих работ в сумме 3 тыс. рублей из бюджета города. Кроме того, евпаторийская управа опубликовала отдельной брошюрой ею полученную записку М. И. Ростовцева, в которой обосновывалась необходимость таких исследований³⁸. Официальным руководителем раскопок был назначен известный археолог — антиковед Б. Ф. Фармаковский — приятель М. И. Ростовцева по

стажировке в Афинах; фактически же работы проводил член Археологической комиссии, руководитель раскопок Херсонеса Л. А. Моисеев (*Рис. 16*), который долгое время участвовал в изучении Ольвии под руководством Б. Ф. Фармаковского. Полевые работы проводились в течение двух археологических «кампаний» с 25.XII. 1916 по 14.VI. 1917 г. и с 28.XI. 1917 по 16.I.1918 г.

Раскопки Моисеева, как и следовало ожидать, начались на берегу неоднократно упоминавшегося выше озера с единственной целью — проверки наблюдений Н. Ф. Романченко. Здесь были открыты на значительной площади остатки большого «эллинистического загородного дома», прекратившего существование в конце II в. до н. э. Он перекрывал какие-то еще более ранние постройки культового характера. В действительности же, как сейчас мы можем заключить, тут были выявлены развалины не одной, а двух типичных (как мы знаем теперь) сельскохозяйственных усадеб, примыкавших одна к другой. Чисто сельский облик раскрытых Л. А. Моисеевым сооружений привел его к вполне справедливому выводу, что они не являются остатками самого города, который следует искать в другом месте. Работы были срочно перенесены в район старого Евпаторийского Карантина, возведенного еще во второй половине XVII в., туда, где в свое время Н. Ф. Романченко были открыты древние погребения (*Рис. 2–5; 17*).

Некрополи античных городов, как правило, начинались за городскими стенами и развивались в противоположную от них сторону. На основе столь, казалось бы, простого соображения осуществилось открытие 16 марта 1917 г. по старому стилю или 8 апреля названного года по новому на Карантинном мысу весьма выразительных архитектурных остатков античного города, сразу же отождествленных Л. А. Моисеевым с Керкинитидой³⁹.

В процессе дальнейших раскопок здесь, за так называемым Шакаевским садом, на западной окраине Евпатории, были раскрыты западная оборонительная стена города с двумя квадратными башнями и примыкающий к ним участок городской застройки с мощенной плитами улицей, а также небольшой фрагмент южной (прибрежной) крепостной стены (*Рис. 17–19, 48*). В выявленной жилой застройке Л. А. Моисеевым были выделены и одном случае три, а в другом — четыре разновременных строительных периода, которые он первоначально относил в целом ко времени от V до рубежа II—I вв. до н. э., отмечая при этом полное отсутствие более поздних сооружений. Спустя некоторое время в публичной лекции им была предложена более дробная и, как стало теперь ясно, менее точная периодизация строительной застройки городища: наиболее ранние сооружения археолог на этот раз отнес к концу VI—V вв. до н. э., следующие — к IV—концу II в. до н. э. и, наконец, позднейшие — к I—II вв. н. э.⁴⁰.

Рис. 16. Член Императорской археологической комиссии, заведующий раскопками Херсонеса, открыватель Керкинитиды — Л. А. Моисеев (1882 — 1946).

В датировке последнего периода он исходил на этот раз уже из общеисторических взглядов того времени, противоречащих археологическим наблюдениям, полученным ранее в процессе полевых работ.

Л. А. Моисеев не ограничился изучением древнего городища: он провел также исследование некрополя Керкинитиды, где им были выделены различные типы погребальных сооружений: обычные грунтовые могилы, склепы, погребения младенцев в амфорах, сооружения под курганной насыпью. Особенно важна для нас намеченная Л. А. Моисеевым самая предварительная схема пространственного развития античного могильника — от оборонительных стен в западном направлении.

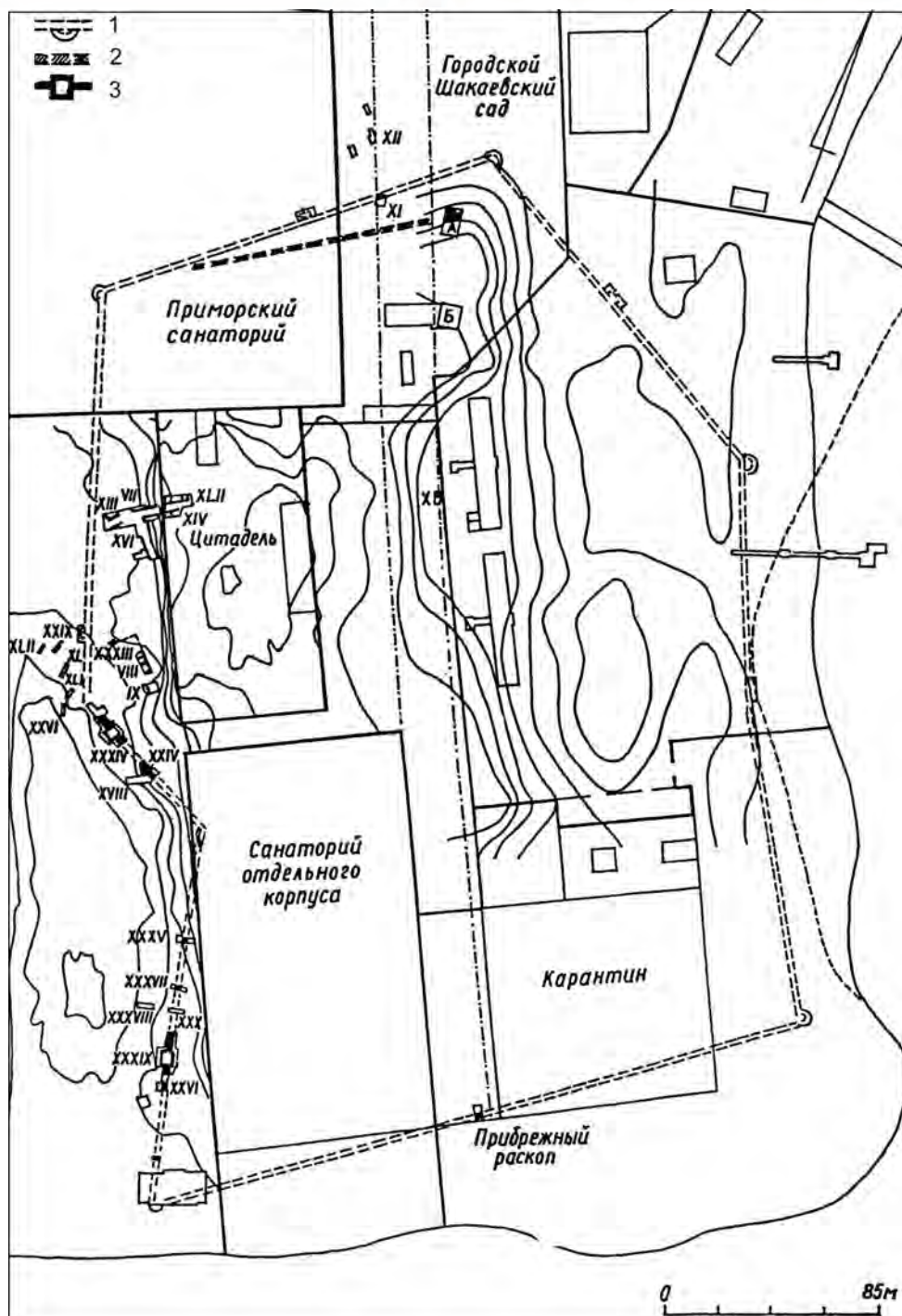

Рис. 17. План карантинного мыса в Евпатории 1915 г., на котором были обнаружены остатки Керкинитиды. Римскими цифрами обозначены участки раскопок Л.А.Моисеева в 1917 г., прописными буквами – 1929 г.

Рис. 18. Строительные остатки башни № 1 второй половины IV в. до н.э. на юго-западной окраине Керкинитиды Раскопы – XXVI и XXXIX. На дальнем плане – водолечебница. Вид с севера

Таким образом, Моисеевым было проведено, в достаточно короткие сроки, комплексное археологическое изучение новооткрытого градостроительного памятника, включающего городище с его фортификационными сооружениями, некрополь, а также аграрную округу, что само по себе могло бы послужить целой исследовательской программой для работы современной археологической экспедиции, с той лишь весьма существенной разницей, что большинство античных объектов в те времена еще не были застроены. Основное внимание он сосредоточил на изучении оборонительных строений

с целью выявления конфигурации и площади древнего города. Однако методика полевых работ на городище оказалась на недостаточно высоком уровне. Это, прежде всего, проявилось в откладе А. А. Моисеева от успешно примененного им при раскопках сельскохозяйственных усадеб и хорошо известного ему по работам в Ольвии метода изучения античных городов широкими площадями. Он ограничился здесь прокладкой нескольких траншей в разных направлениях и зачисткой всех естественных обнажений грунта. Такой подход не позволил археологу с должной полнотой раскрыть хотя бы один объект.

Рис. 19. Остатки жилой застройки второй половины IV в. до н.э. западной части городища. Раскопы VII, XIII, XIV, XVI, XLII. Вид с северо-запада. Раскопки Н.Ф.Романченко

Сложное положение, в котором оказался А. А. Моисеев в годы интервенции и гражданской войны, не позволило ему подготовить и вовремя сдать в Археологическую комиссию научный отчет о раскопках в Евпатории и опубликовать основные их результаты. Они остались почти не известными как для специалистов, так и публики, интересующейся древностями. Тем не менее, достаточно полное представление о работах тех лет можно получить при знакомстве с напечатанной публичной лекцией А. А. Моисеева, а также с его, к счастью, сохранившимися

письмами в Археологическую комиссию, чертежами и фото-снимками, дневниками и описями находок. Подробность и высокое качество экспедиционной документации позволяет извлечь из этого материала ценнейшую информацию по интересующему нас вопросу.

Как видно из всего сказанного, первый период многолетнего исследования явился этапом поисков и сопоставлений между собой различных по своей сути точек зрения. Его закономерным итогом стало открытие ранее не известного древнегреческого города и некрополя, получена первичная информация об этом памятнике. К сожалению, приходится признать, что результаты наиболее важных раскопок 1917–1918 гг. не получили должного отражения в печати. Не восполняет такой пробел и единственная упомянутая выше публикация А. А. Моисеева, страдающая нечеткостью изложения, лишенная чертежей и фотографий. Приходится констатировать — первые раскопки Керкинитиды остались практически незамеченными, а результаты их почти не использовались исследователями Северного Причерноморья.

Второй этап (1929–1978 гг.), по продолжительности примерно равный первому, начался с очень скромных раскопок Керкинитиды, вновь проведенных А. А. Моисеевым, в которых принимала участие и М. А. Наливкина (ее мы будем вспоминать еще не раз). Тогда были открыты остатки северной оборонительной стены, которые позволили уточнить

не только ее местоположение, но и совсем по-иному, исходя из особенностей ландшафта, реконструировать направление всей восточной крепостной линии города. Немного времени спустя М. А. Наливкина, анализируя результаты последних работ, пришла к выводу об основании древнего поселения на совершенно пологом месте на берегу залива. Само же всхолмление на территории городища было воспринято как результат накопления культурных отложений⁴¹. В цитируемой здесь статье М. А. Наливкина дала крайне субъективную, определяемую какими-то личными мотивами оценку работам А. А. Моисеева, назвав их недостаточно научными и прямо дилетантскими.

Вскоре после всего этого, несмотря на то, что Евпаторийское городище находилось в ведении местного городского музея, его территория была включена в парковую зону ближайшего санатория, а затем стала интенсивно застраиваться. В 1932 г. местный краевед, преподаватель гимназии до революции и школьный учитель после нее, упомянутый выше В. Ф. Штифтар (*Рис. 15*), обследовав дно большого (около 500 м²), вырытого на территории памятника котлована, сделал ряд очень ценных археологических наблюдений и занес их в дневник. Он же, как того и требует археологическая методика, выполнил схематические обмеры каменных кладок и собрал значительный вещественный материал. Однако, к нашему большому сожалению, перечисленная выше полевая до-

*Рис. 20. П.Н.Шульц (1899 – 1982) –
организатор исследований
Керкинитиды*

кументация не сохранилась до наших дней, а сам исследователь, вероятно, разделил печальную участь своих земляков: был расстрелян фашистами в числе мужского населения г. Евпатории в январе 1942 г. Единственным, хотя и достаточно существенным, но очень кратким источником информации о его раскопках может послужить их сжатое (в надежде на скорую публикацию) описание, сделанное П. Н. Шульцем (*Рис. 20*)

Важность подобной работы авторитетнейшего советского ученого заключается в выделении им трех строительных горизонтов раскрытого участка Керкинитиды, которые в целом относятся ко второй половине

IV – I вв. до н. э. В нижнем ярусе — на самом дне котлована, обследованного Штифтаром, был открыт мощный плитам двор с колодцем, окруженный постройками. Исходя из подобных наблюдений, П.Н. Шульц пришел к интересным выводам общего характера, сводящимся к следующему: древний город возник на отлогом песчаном берегу, что топографически резко отличается Керкинитиду от остальных пунктов колонизации, а площадь памятника достигает 10 га⁴². Причем, по мнению ученого, «плоский песчанистый берег позволил придавать плану города геометрическую правильность», но, с другой стороны, это неминуемо потребовало создания огибавших его со всех сторон оборонительных сооружений⁴³.

Приведенное выше описание раскопок 1932 г. было сделано П.Н. Шульцем попутно, в процессе комплексного обследования Северо-Западного Крыма возглавляемой им Евпаторийской экспедиции ГАИМК*. В процессе этого обследования ученым была выдвинута концепция одновременного появления здесь в IV в. до н. э. двух противостоявших одна другой оборонительных систем — греко-скифской и скифо-сарматской. Первая из них, включая и Керкинитиду, прекратила существование на рубеже II–I вв. до н. э., вторая — дожила до III–IV вв. н.э. Эта на первый взгляд стройная модель получила

полное признание современников, но отражала слабую степень изученности (буквально — почти неисследованность) археологических объектов района. На самом же деле все эти памятники оказались разновременными и разнохарактерными, возникшими в разные исторические эпохи⁴⁴. Такое чисто логическое построение основывалось на предположении одновременного выдвижения греков и скифов на побережье Северо-Западного Крыма. На самом же деле эти процессы не совпадают и разделены относительно длительным промежутком времени.

В марте–апреле 1941 г. сотрудник Евпаторийского краеведческого музея П. И. Филонычев обследовал в округе Керкинитиды (тогда еще дачном районе курорта) место находки светильника с 30-ю медными древнегреческими монетами, одна из которых была очищена и оказалась херсонесской. Тут было открыто основание круглой башни, сложенной из крупных блоков известняка (*Рис. 23*)⁴⁵. Судя по топографии объекта, он мог быть одним из остатков тех круглых сооружений, которые обозначены на плане у П. О. Бурачкова.

В 1950–1952 гг. археологические исследования античного города и его ближайшей округи проводила уже упомянутая М. А. Наливкина (*Рис. 21*) при самом прямом содействии, а вернее благодаря таковому, П.Н.

* Г А И М К — Государственная Академия истории материальной культуры — предшественник Института археологии АН СССР.

Шульца. Ее работы начались с открытия участка юго-западной оборонительной стены укреплений города, в так называемом раскопе I (*Рис. 22*)⁴⁶. Затем она продолжила изучение круглого сооружения П. И. Филонычева, расположенного уже теперь в курортной зоне здравницы (*Рис. 23*). Оно было интерпретировано ею первоначально как круглая башня IV–III вв. до н. э.⁴⁷. С последним согласился и А. Н. Щеглов.

Наиболее интересные результаты были получены в 1952 г. в самой возвышенной части городища (раскоп II), где культурные отложения были вскрыты на всю их глубину и доведены до стерильного в археологическом отношении песка (до 5,5 м), а также выявлена разновременная жилая застройка центра Керкинитиды (*Рис. 24–25*). М. А. Наливкина выделила в толще древних напластований четыре строительных периода, самый ранний из которых относится к рубежу VI–V вв. до н. э., а позднейший – к рубежу нашей эры: I в. до н. э. – I в. н. э.; промежуточные же архитектурные сооружения она отнесла к эллинистическому времени – IV – III и II вв. до н. э. Предложенная хронологическая схема, как нетрудно заметить, в своей основе почти полностью соответствует стратиграфической периодизации П. Н. Шульца с той лишь разницей, что им были зафиксированы строительные остатки VI–V вв. до н. э.

Особенно впечатляющим оказалось подвальное помещение одного из жилых городских домов, построенных в IV в. до н. э.

*Рис. 21. Руководитель
Евпаторийского отряда
Тавро-Скифской экспедиции.
М.А. Наливкина (1904 – 1981)*

с широким лестничным маршем (*Рис. 25*). Причем последнее оказалось не единственным, судя по дверному проему, оно соединялось еще, по крайней мере, с одной подвальной комнатой. Таким образом, мы имеем дело с целым подвальным этажом. Такое архитектурное решение получило большое распространение в Ольвии; известны такие подвалы, хотя и в меньшем количестве в Херсонесе. Не меньший интерес представляет жилой комплекс начала V в. до н. э. – установленный своими стенами на чистый песок. Иначе говоря, постройка принадлежит к самому древнему ярусу многослойного памятника.

Рис. 22. Участок крепостной стены IV в. до н.э., открытый М.А.Наливкиной в 1950 г. в юго-западном углу Керкинитиды

В небольшом раскопе III, заложенном внутри траншеи для прокладки инженерных коммуникаций, были раскрыты остатки монументального здания, сложенного из крупных рустованных плит. К ним примыкал колодец (Рис. 26–27). Рустованная стена в свое время была включена в кладку ныне действующей теплоцентрали. Если пройти по туннелю последней, то можно и сегодня лицезреть античное сооружение.

Результаты раскопок 50-х гг. получили широкое освещение в литературе: именно они познакомили научную общественность с одним из малых и почти неизвестных городов Северного

Причерноморья, каких являлась Керкинитида. После же 1952 г. археологическое исследование памятника, к большому сожалению, долго не возобновлялось, а его территория на виду всего населения города, сотрудников краеведческого музея и многочисленного штата санатория стала интенсивно застраиваться. Особенно губительным для древнего города и непростительным для нашего поколения было развернувшееся в 60–70-е гг. санаторное строительство, проводившееся без какого-либо предварительного научного обследования. Весьма удручающим является и тот факт, что в Евпатории не нашлось ни одного человека, который бы сообщил о безобразиях, творящихся на территории памятника. Увы!!! Можно лишь с сожалением вспоминать нескрываемую радость Л. А. Моисеева по поводу отсутствия в его время современных зданий на Евпаторийском городище. Невосполним ущерб, нанесенный памятнику античной цивилизации, которой гордятся все европейские страны. Проводившиеся в наше время раскопки смогли лишь отчасти компенсировать понесенные утраты.

В 1975 г. молодой сотрудник городского музея (к сожалению, сейчас уже покойный) Б. Ю. Михлин (Рис. 28) провел небольшие охранные раскопки участка некрополя на месте строительства кафе «Театральное». Им были выявлены погребения двух типов: труположения (грунтовые могилы, плитовые гробницы, захоронения младен-

Рис. 23. Остатки круглой башни IV в. до н.э. вблизи Керкинитиды, раскрытой в 1951 г. (по М.А.Наливкиной, 1957, рис. 2)

цев в амфорах) и кремация. В 1977 г. при прокладке траншеи по ул. Гоголя был случайно обнаружен и оперативно исследован каменный склеп IV – III вв. до н.э. с уступчатым перекрытием и повторными скифскими погребениями конца II в. до н.э.⁴⁸. Однако эти раскопки не удалось превратить в постоянные изыскательские работы.

Таким образом, второй этап изучения Керкинитиды сопровождался накоплением новой информации о памятнике, углублением знаний о нем. Однако археологические раскопки и на этом этапе носили в основном эпизодический, если не сказать случайный характер, велись без четко сформулированных целей и задач. Они были, в большинстве

случаев связаны со строительными работами на территории древнего городища и некрополя, проводились различными лицами. Это, в конечном счете, отразило коренным образом изменившуюся градостроительную ситуацию самой Евпатории: в течение относительного короткого времени Карантинный мыс с остатками античной Керкинитиды из западной окраины современного города превратился в самый что ни на есть центр курорта (*Рис. 3*). В этих условиях, когда территория памятника еще не была объявлена заповедной, она неминуемо была включена в хозяйственное пользование. Накопленных данных о Керкинитиде оказалось недостаточно даже для правильного оконтуривания

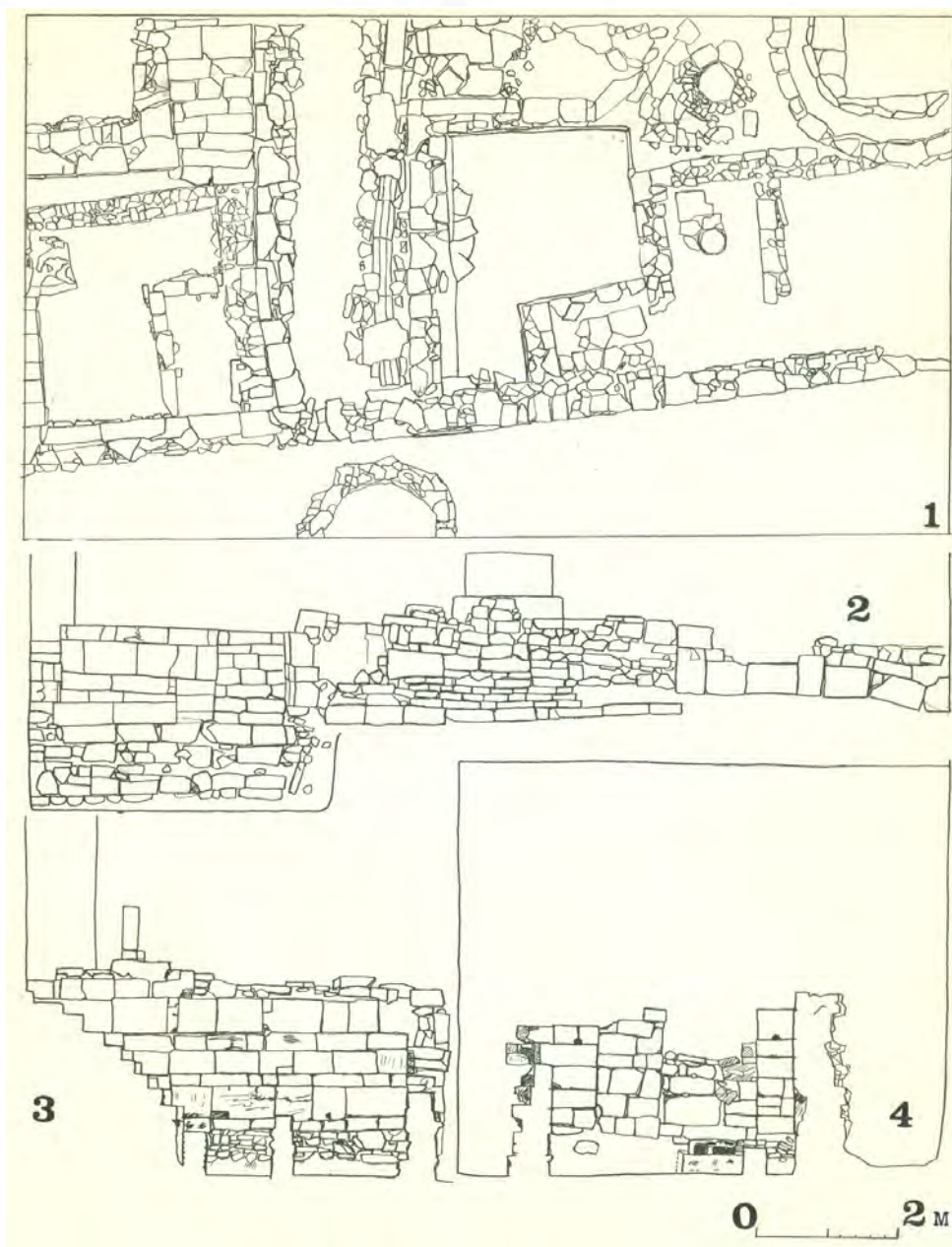

Рис. 24. План и разрезы раскопа II в центральной части городища.
Раскопки 1952 г.

древнего городища, определения его размеров, конфигурации, выяснения характера оборонительной системы и жилой застройки.

Полевые исследования Керкинитиды и на втором этапе не стали систематическими, что отрицательно сказалось и на сохранности памятника. Это в значительной мере объясняется отходом Л.А. Моисеева от археологической деятельности и потерей на какое-то время интереса к Керкинитиде, которая еще не успела стать популярной. Неудивительно поэтому, что случайные раскопки последующих лет как по своим масштабам, так и по целям значительно уступали работам самого Л.А. Моисеева, исследователя, несомненно, незаурядного, который сумел проявить себя, потеряв в силу не зависящих от него причин возможность заниматься археологией, в разработке геологии Крымского Южного бережья. Здесь ему пригодились образование, полученное на естественном факультете Гейдельбергской Академии. Перед нами ярчайший случай того, как порой судьба отдельного ученого влияет на участь открытого (можно даже сказать — рожденного) им памятника.

Печальную судьбу ученого пришлось разделить и основным результатам его раскопок, которые долгое время оставались вне поля зрения исследователей, в том числе и такого знатока крымских древностей как П. Н. Шульца. Например, открытие позднеархаического горизонта Керкинитиды (VI–V вв. до н. э.) долго необоснованно связыва-

Рис. 25. Подвальное помещение IV – III вв. до н.э. с лестничным маршем. В нижнем ярусе – помещение V в. до н.э. Вид с востока. Раскопки 1952 г. (по Наливкиной, 1955, рис. 23)

лось с именем М. А. Наливкиной. Она и сама (складывается такое впечатление) настойчиво это подчеркивала, лишая Л. А. Моисеева приоритета на столь важное наблюдение⁴⁹. Ведь М. А. Наливкина была прекрасно осведомлена об итогах первых раскопок Керкинитиды, поскольку в течение кампании 1929 г., как уже сказано, работала под его руководством. В настоящее время историческая справедливость восстановлена: каждому, кто причастен к изучению Керкинитиды, отдается должное.

Закономерным результатом второго этапа, можно даже

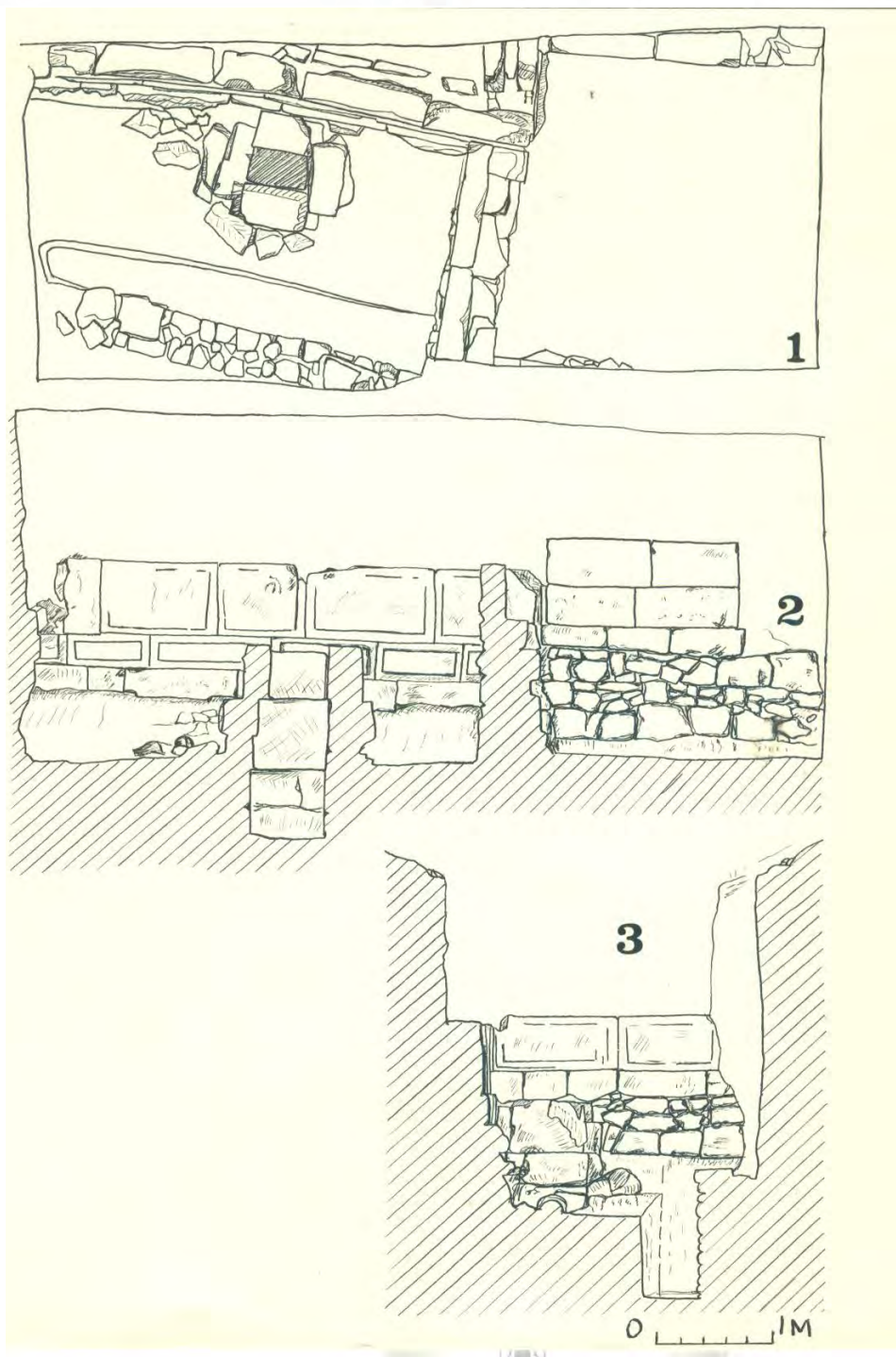

Рис. 26. Архитектурные остатки на раскопе II в центральной части городища. Раскопки М.А.Наливкиной в 1952 г.

сказать событием в области советской античной археологии, явилась монография А. Н. Щеглова «Северо-Западный Крым в античную эпоху» (1978) где был подведен итог изучения древнего города. И хотя упомянутый автор не проводил раскопок на его территории и был вынужден пользоваться лишь материалами своих предшественников, он дал, тем не менее, наиболее объективную оценку Керкинитиды. Вполне понятно, что продолжающиеся в настоящее время работы вносят коррективы и иногда весьма существенные, в предложенные ранее гипотезы и предположения. А. Н. Щеглов единственный из всех авторов, писавший о Керкинитиде, коснулся планировки города в целом. По его мнению, она начиная с V в. до н. э. осуществлялась согласно регулярной «гипподамовой» системе. Он выделил в культурных напластованиях памятника четыре горизонта: 1 — начало V—первая половина IV в. до н. э.; 2 — вторая половина IV—начало II вв. до н. э.; 3 — рубеж II—I в до н. э.; 4 — рубеж нашей эры — середина — вторая половина II в. н. Однако предложенная им периодизация вытекает не столько из анализа культурных отложений, сколько из соображений чисто исторического порядка, базирующихся на оценке общей ситуации в Северо-Западном Крыму. Неудивительно, что эта схема полностью совпадает с главным хронологическими вехами истории всего региона. Нельзя, однако, согласиться с утверждением А. Н. Щеглова о прекращении

существования Керкинитиды во II в. н. э. Оно целиком базируется на монетах, позднейшие из которых принадлежат Фаустине Старшей (138–141 гг. н. э.) Однако сами эти монеты были лишь приобретены Н. Ф. Романченко в Евпатории и никакой уверенности в их происхождении с древнего городища нет. К тому же при раскопках Керкинитиды столь поздние нумизматические находки не сделаны.

Таким образом, несмотря на незначительный объем фактической информации, полученной в 1929–1978 гг. (поскольку данные А. А. Моисеева практически не использовались), главное достижение этого этапа заключается в переходе от литературно-историографического метода к разработкам исторической проблематики на основе археологических данных. Начало такому подходу было положено в 30-е годы П. Н. Шульцем, а развитие свое получил в работах А. Н. Щеглова.

В 1979 г. сотрудниками Евпаторийского краеведческого музея были проведены охранные раскопки по линии уже прорытой траншеи на западной окраине городища. В ней, следовательно, были уже отчасти уничтожены верхние культурные отложения. Здесь были выявлены строительные остатки трех периодов, относящиеся суммарно к V–III вв. до н.э., включая и фундамент оборонительной стены середины IV в. до н.э.⁵⁰. Они предшествовали тем последующим работам, которые коренным образом изменили наши представления о памятнике, о его исторической

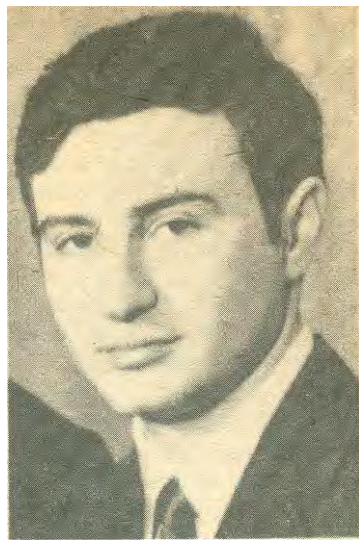
*Рис. 27. Архитектурные остатки
разновременной жилой застройки в
раскопе III на дне траншеи, про-
рытой в 1952 г. поперек городища.
Раскопки М.А.Наливкиной 1952 г.*

судьбе и внесли нечто новое в понимание исторических процессов, протекавших в Таврике в I тысячелетии до н. э.

Когда в конце 70-х гг. прошлого столетия на повестку дня встал вопрос о полной реконструкции Центрального детского клинического санатория, расположенного на территории античной Керкинитиды, и связанным с ней капитальном строительстве, неизбежно влекущим за собой уничтожение древних наслоений. Именно так ранее полностью погибла для науки часть застройки памятника – при сооружении многоэтажных зданий: школы, столовой и прочих

строений (Рис. 3). Как известно, в 1978 г. был принят, но почти бездействовал закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Этот законодательный акт отнюдь не гарантировал охрану памятников от гибели.

Вполне реальная опасность осознавалась нами в те, как теперь принято называть, застойные годы. В таких сложных условиях с немалым трудом и, в основном, благодаря неутомимой и энергичной деятельности известного крымского археолога О. И. Домбровского был создан Евпаторийский отряд Южно-Крымской экспедиции. Работы носили полностью охранный характер и должны были предшествовать строительству новых корпусов санатория, т. е. стояла конкретная задача максимально изучить на полную глубину культурные

*Рис. 28. Исследователь некрополя
Керкинитиды. Б.Ю.Михлин
(1947 – 1982)*

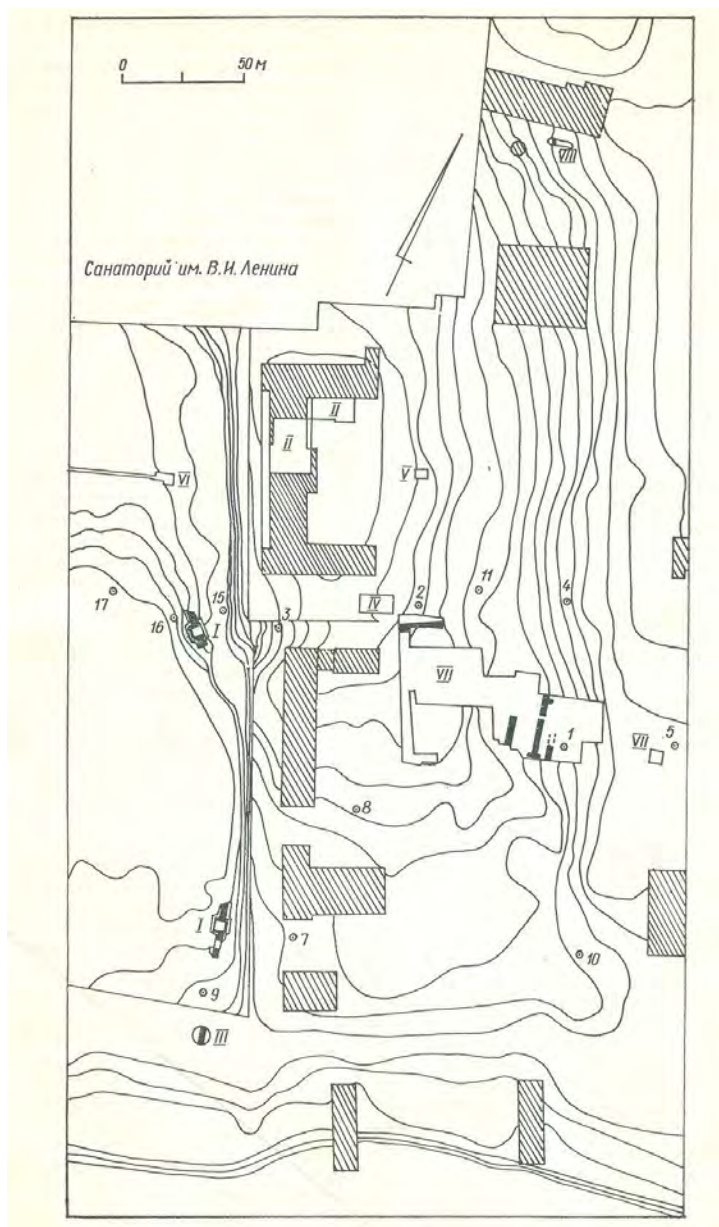

Рис. 29. План городища Керкеникиды с обозначением участков раскопок разных лет и пробуренных на нем скважин. 1988 г. I – башни, раскрытые А.А.Моисеевым в 1917 г.; II – территория, обследованная В.Ф.Штифтаром в 1932 г.; III – раскоп 1 М.А.Наливкиной 1950 г. IV – V – раскопы 2 – 3 М.А. Наливкиной 1952 г.; VI – траншея 1979 г.; VII – участки раскопок 1980 – 1987 гг.; VIII – траншея с остатками восточной крепостной стены города

напластования и строительные остатки памятника перед окончательной застройкой его территории. Иной постановки вопроса перед администрацией военного санатория в тех условиях и быть не могло. Однако с самого начала мы отчетливо сознавали, что открытие новых архитектурных объектов на территории древнего города сможет коренным образом изменить судьбу этого уникального памятника. Надежды наши если не полностью, то в основном оправдались. Территория городища с тех пор уже не застраивается.

Первый «раунд» наших раскопок охватил 1980-1982 гг. Затем они были на год прерваны, а с 1984 г. систематическое изучение Керкинитиды продолжала Западно-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР. Крупномасштабные исследования 80-х гг., по существу, послужили началом третьего, продолжающегося доныне этапа изучения Керкинитиды (Рис. 29). В процессе этих работ на широкой площади и на современном методическом уровне были раскрыты фортификационные сооружения и жилые кварталы восточного района древнего города, получен обширный и разнообразный археологический и эпиграфический материал (граффити на сосудах), позволяющий дать принципиально новое освещение исторического развития Керкинитиды, проследить процесс становления и развития этого небольшого античного государства-полиса⁵¹. Небольшие, но очень важные

для выяснения исторической топографии памятника, раскопки были проведены в северо-западной части городища в 1993, 1997 и 2000 гг.⁵²

В 1985-1986 гг. экспедиция возобновила раскопки некрополя города для выяснения его топографии, погребального обряда и характера этих работ осложнятия удавалось преодолевать, хотя и не всегда легко⁵³. Охранные раскопки могильника по линии прокладки инженерных коммуникаций в центральной части Евпатории были проведены в 1994 г.⁵⁴

Итак, подведем итог сказанному: мы можем выделить в истории изучения Керкинитиды три этапа. Первый из них связан с поисками древнего города на местности и его первыми, в основном разведочными раскопками. Второй характеризуется дальнейшим накоплением источниковедческой информации о памятнике и переходом к историческому осмыслению археологических материалов. И, наконец, третий этап: связан не только с систематизацией, обобщением и исторической интерпретацией накопленных за все годы археологических данных, но и с дальнейшими планомерными раскопками древнего города, рассчитанными на многие годы. Логическим их завершением должны стать музеефикация и экспонирование уникальных по своей сохранности остатков Керкинитиды. Будем надеяться на это.

Экскурс в историю

История Керкинитиды начинается с того самого момента, когда группа греческих переселенцев высадилась на этом участке морского побережья. Конечно, выбор места для новой колонии не был случайным и сиюминутным. Этому предшествовал период (и, вероятно, достаточно длительный) предварительного детального знакомства с предполагаемой территорией колонизации, включая вопросы географической среды и демографической ситуации непосредственно перед ее выводом. Обычно колония в древнегреческом языке обозначалась словом *апойкия* (поселение, колония). Как нам хорошо известно, коллектив переселенцев имел строгую организацию, а во главе общины стоял *ойкист* (в архаическую эпоху — *архагет*), как правило, представитель одного из знатных родов метрополии. Достаточно сказать, что первые ойкисты были сыновьями тиранов. Они пользовались на первых порах жизни *апойкии* практически неограниченной властью, их именами нередко назывались колонии, а сами они почитались как герои⁵⁵. По существу только им предоставлялось право быть погребенными в черте города на *агоре* — центральной площади полиса. В обязанности ойкистов входило воссоздание на новом

месте полисных институтов метрополии, организация почитания ее культов. Колонисты брали с собой огонь от священного очага Гестии (богини домашнего очага) родного города и зажигали от него на новом месте пламя своей общины. Такие ритуальные действия с точки зрения древних греков обеспечивали необходимую преемственность и успех этого по сути своей довольно опасного предприятия.

Поскольку в Евпатории еще не открыто ядро первоначального поселения с самыми древними его постройками и мы не располагаем всей суммой археологических данных из наиболее ранних культурных отложений, следовательно, у нас все еще недостаточно оснований для решения принципиального вопроса о времени появления Керкинитиды. Правда, отдельные находки VI в. до н. э. известны уже и сейчас, но они извлечены из более поздних культурных напластований первой трети V в. до н. э. Самой ранней находкой являются обломки крышки аттической леканы середины VI в. до н. э., исполненной в манере мастера Лидоса (*Рис. 30*). На ней изображены сирена и пантера в геральдической позе, по сторонам которых расположены закутанные в гиматий человеческие фигуры. Рисунок контурный бе-

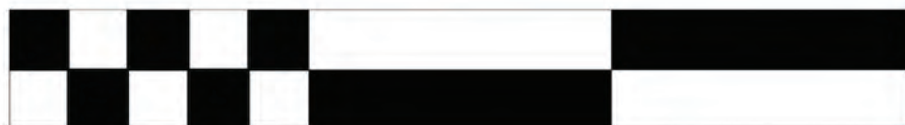

Рис. 30. Аттическая чернофигурная лекана середины VI в. до н.э. с изображением сифены и пантеры в геральдической позе, по сторонам которых размещены человеческие фигуры, закутанные в гиматии

глей с применением гравировки и пурпурной краски⁵⁶. К третьей четверти VI в. до н.э. относится почти целый «лаконский» килик под бурым лаком. На плечах сосуда на уровне косых ручек оставлена узкая полоса в цвете глины, украшенная капельками лака (Рис. 32). К тому же времени принадлежат фрагменты киликов со смещенным краем, расписанными тонкими полоса-

ми и концентрическими кругами бурого лака (Рис. 31). Ко второй половине VI в. до н.э. следует относить обломки стенок клазоменских амфор с чешуйчатым орнаментом и белыми точками внутри (Рис 31). Аттическая чернофигурная керамика конца VI — начала V вв. до н.э. представлена в массовом количестве (Рис. 32–35).

Все сказанное дает основание предполагать, что именно в указанное время, то есть в пределах третьей четверти VI в. до н.э., и была выведена в район современной Евпатории интересующая нас апойкия. Она располагалась на пересечении морских путей, связывающих западный и южный берег Понта с Крымом, причем, как при каботажном плавании, так и при прямом пересечении Черного моря в широтном и меридиональном направлениях. Все это изначально создавало благоприятные условия для торговых отношений с другими городами Причерноморья и Эгеиды. О Керкинитиде дважды упоминает Геродот и оба раза в связи со скифским походом Дария [Herod., IV, 55, 99]. Вторжение персидского войска в скифские степи обычно относится к интервалу времени от 515 и до 511 гг. до н.э. Значит, Керкинитиды тогда уже существовала и, более того, она была названа полисом, что для нас может служить отправным пунктом для решения вопроса о том, когда эта колония появилась. Иными словами, письменные источники не противоречат дате основания Керкинитиды, по крайней мере, в третьей четверти VI в. до н.э.

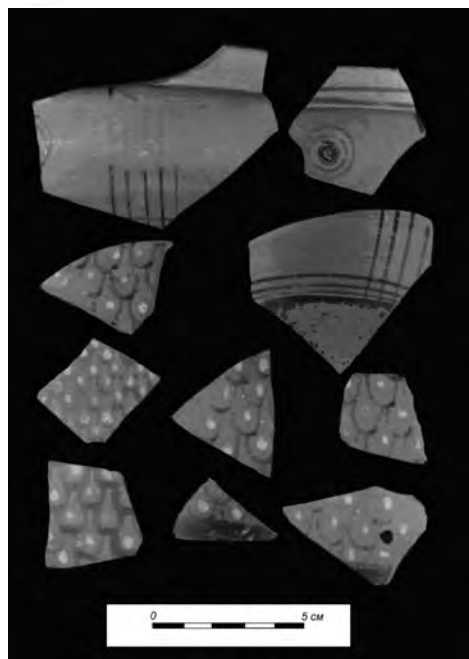

Рис. 31. Фрагменты ионийских кубков и клазоменских амфор из раннего горизонта Керкинитиды. Вторая половина VI в. до н.э.

Рис. 32. Кубки второй половины VI в. до н.э. из раскопок Керкинитиды 1 – ионийская чаша третьей четверти VI в. до н.э.; 2 – аттический килик группы Ланкут последней четверти VI в. до н.э.

Рис. 33. Фрагменты чернофигурного аттического кратера с изображением на лицевой стороне процессии из четырех танцующих менад и магического глаза. Группа Леагра. 520 г. до н. э.

Но тогда встает вполне закономерно второй немаловажный вопрос: откуда прибыли сюда колонисты и кем они были? В литературе, посвященной Керкинитиде, было высказано несколько точек зрения: одни исследователи рассматривали город как колонию дорийского Херсонеса (А. В. Орешников, Н. Ф. Романченко, Э. Миннз, О. Д. Дашевская и др.)⁵⁷, другие (и таких большинство) считали ее ионийским, возможно, даже милетским выселком (Ф. К. Брун, В. Ф. Штифтар, А. И. Тюменев, Д. П. Каллистов, А. Н. Щеглов и др.)⁵⁸. Сторонники обеих точек зрения искали аргументы в свою пользу в еще крайне малочисленных археологических материалах. Неизвестно, сколько бы продолжалась эта затянувшаяся дискуссия, если бы не раскопки последних десятилетий, когда в самом нижнем ярусе памятника, с глубины 4–5 м от современной поверхности, были извлечены обломки керамических предметов с граффити – прочерченными на них острым металлическим предметом надписями. Все они выполнены на ионийском диалекте древнегреческого языка детьми и внуками первопереселенцев и вполне однозначно отвечают на поставленный выше вопрос. Среди них были встречены уникальные памятники керамической эпиграфики, в том числе полностью сохранившееся письма некоего Апатурия к Неимению (Рис. 92). Любовное послание к гике, о которых подробно пойдет речь ниже (Рис. 83), посвящения древнегреческим богам –

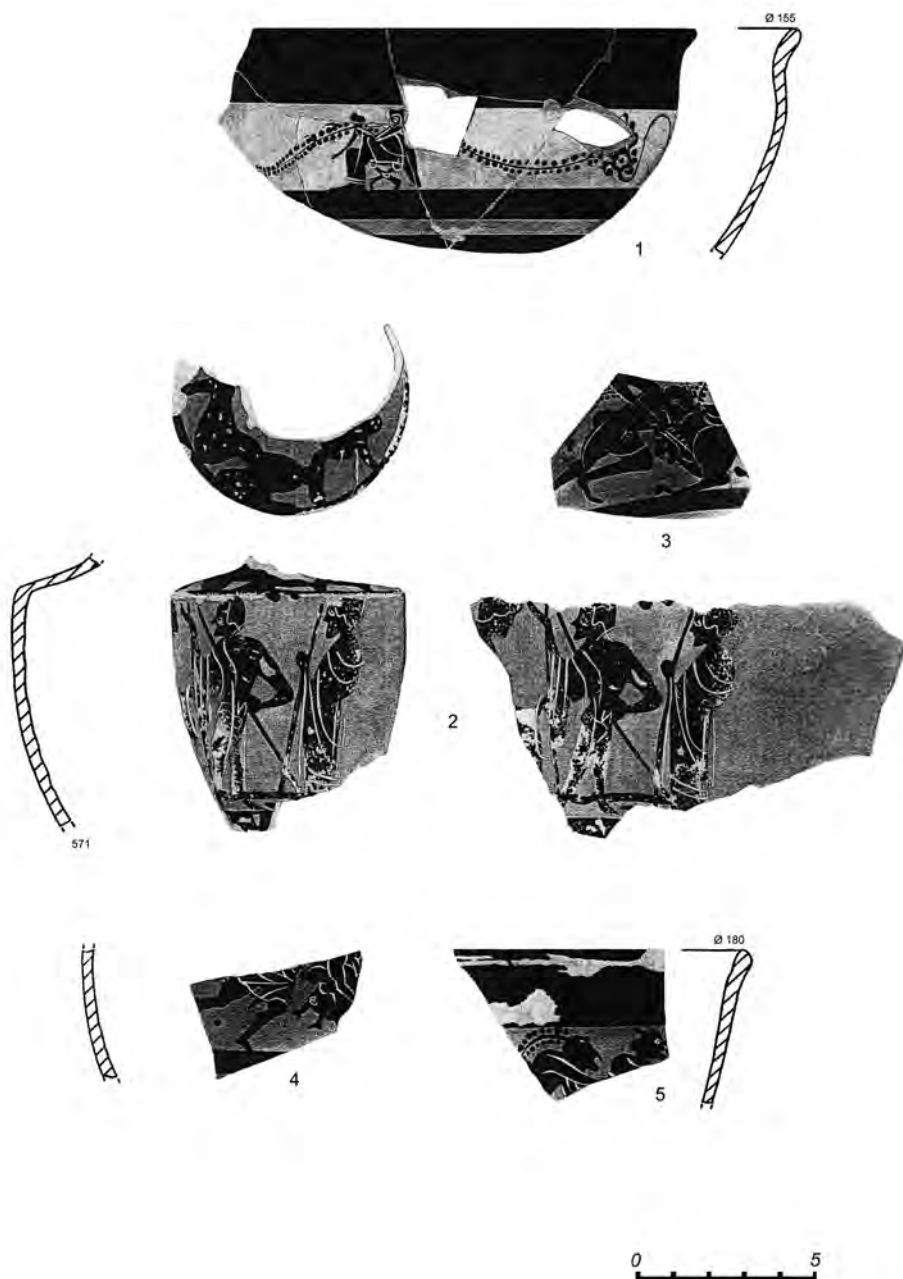

Рис. 34. Чернолаковая аттическая расписная керамика конца VI – начала V вв. до н.э. Керамика группы Хаймон и Гермогеновского типа

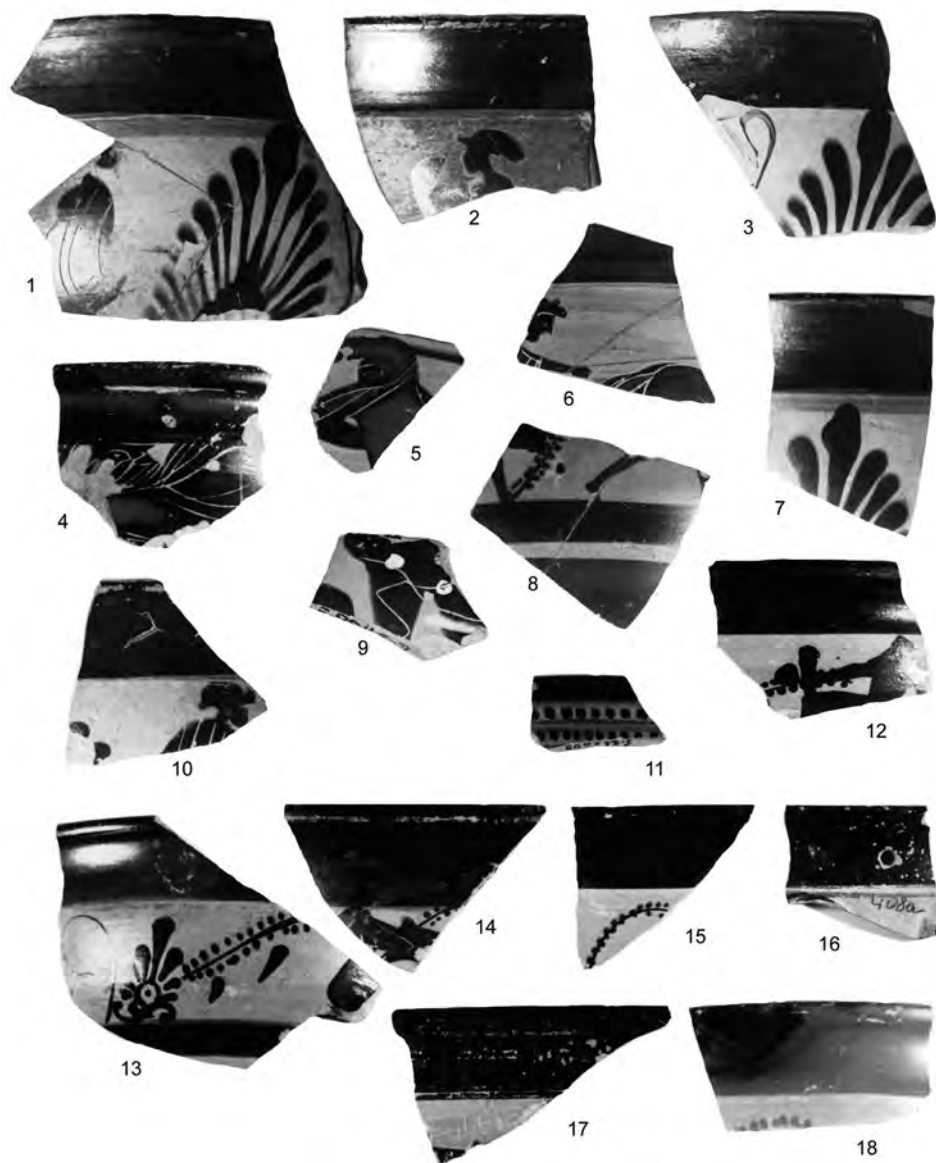

Рис. 35. Чернофигурная аттическая керамика первой четверти V в. до н.э. Группа Хаймона и Гермогеновский тип

Артемиде Эфесской (Рис. 36), Кибеле, Афине.

Как известно, Эфес входил в возглавляемый Милетом Панионион — союз двенадцати ионийских городов, а культ Артемиды

Эфесской, покровительницы земледелия, растительности и вообще природы, в самом широком смысле имел общеионийское значение. Он был популярен в малоазийских городах, не исключая

ионийских колоний Северного Причерноморья. Анализ граффити Керкинитиды дополняется и целым рядом других данных, например, устройством слоевых и песочных оснований под стенами строящихся зданий и самой системой каменной кладки, типичных для соседней ионийской колонии Ольвии. Подтверждаются они и характером денежного обращения, свойственного ионийским полисам Северо-Западного Причерноморья, символикой и эмблематикой ранних монет города.

Признание Керкинитиды ионийской апойкией позволяет нам вновь вернуться к вопросу о времени основания города, для чего обратимся к политической истории исходного района колонизации — ионийского побережья Малой Азии, где конкретная историческая обстановка вызвала миграцию населения на эту отдаленную часть ойкумены. Как известно, в 546/545 г. до н. э., после захвата Лидийского царства Креза, персы приступили к покорению Ионии. Разорение Персидской державой малоазийских земель привело к бегству проживавших здесь эллинов. Свою родину покидали в первую очередь жители периферийных поселений, подвергшихся опустошению. С этой новой волной миграции, организованной и осуществляемой под главенством Милета, связывают появление в Причерноморье таких колоний, как Тира, или в Крыму — Феодосии, Нимфея, Тиритаки, Мирмекия; а на Тамани — Фанагории, Гермонасы и

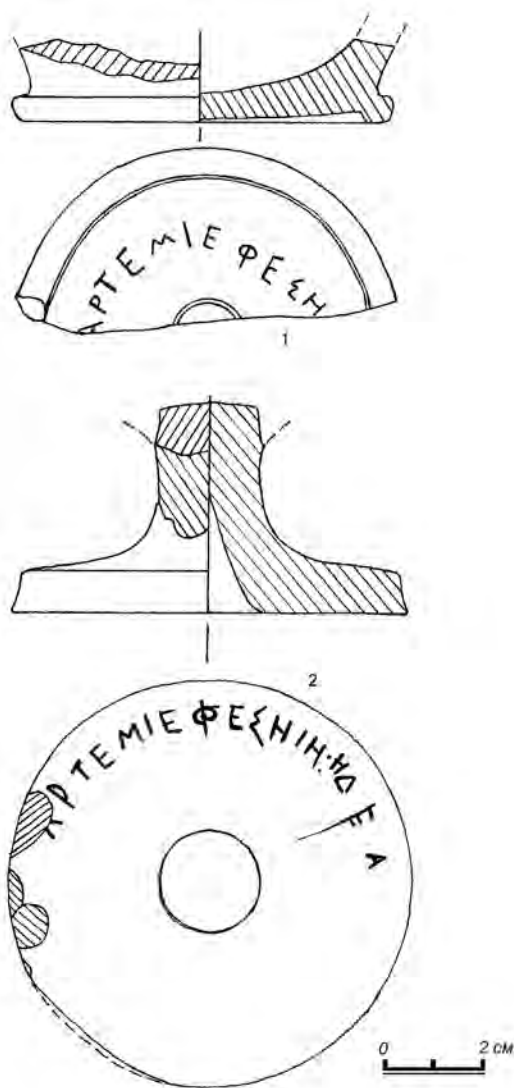

Рис. 36. Посвящения Артемиде Эфесской на дне скифоса V в. до н.э. и на нижней плоскости подставки килика 480 — 460 гг. до н.э.

др.⁵⁹. Принимая во внимание хронологию наиболее ранних, хотя и еще не очень многочисленных археологических материалов из раскопок Керкинитиды, можно

предполагать, что и она возникла в результате этой многочисленной миграции греков из Малой Азии. Если учесть каботажный характер древнего мореплавания в Северо-Западном Причерноморье, то можно признать возможность появления в Западном Крыму Керкинитиды вскоре после основания ближайшей и родственной апойкии — Ольвии, расположившейся в Бугском лимане.

Совсем иная точка зрения была высказана М.А. Колесниковым. Он обратил внимание на то, что Милет был единственным во всей Ионии, который заключил союз с самим Киром и в процессе завоевания персами западного побережья Малой Азии сохранил с ним мирные отношения [Herod., I, 141, 169]. Следовательно, Милет не имел никакого прямого повода для выведения новых колоний, хотя обстановка в целом в регионе оставалась весьма напряженной. Основываясь на данном посыле, на находке в раннем горизонте памятника посвящений Артемиде Эфесской и Кибеле, он высказал предположение об эфесском происхождении Керкинитиды. В истории этого города был один период, который мог способствовать выведению колонии на отдаленную периферию эллинской ойкумены. Данное событие могло быть связано с захватом Эфеса лидийским царем Крезом. Таким образом, вполне возможно, Керкинитиды была основана где-то в 560/559 гг. до н. э. в результате лидийского завоевания Ионии⁶⁰. К сожалению, столь небольшой хронологический разрыв между

лидийским и персидским завоеванием Ионии (всего 14–15 лет) не позволяет разграничить археологический материал на такие небольшие промежутки времени. Поскольку Милет не пострадал от персов, он имел все материальные ресурсы выступить межполисным организатором колонизационного оптока.

Первые годы и даже десятилетия жизни общины древнегреческих переселенцев на новом месте были весьма и весьма напряженными для всего их коллектива. Они вынуждены размещаться во врытых в грунт в данном случае в песок, полуземлянках (*Рис. 58*). Причем этот первый, хотя и временный этап, был достаточно длительным. Уже на нем прослеживаются признаки регламентации застройки: жилища располагались не хаотически, а с определенной выдержанной ориентацией. Во всяком случае, две из открытых нами полуземлянок имеют общую ориентацию по сторонам света. Причем в связанных с ними культурных отложениях найден подставка чернофигурного килика (кубка для вина) начала V в. до н. э. на которой была процерчена надпись — «Артемиде Эфесской — Хедея» (*Рис. 36*). Надпись говорит о совершенном одной из жительниц апойкии посвящении кубка популярнейшему малоазийскому божеству, культ которого был завезен с родины. Этот чернофигурный килик, по всей видимости, явился приношением в святилище или храм Артемиды. Отсюда можно уверенно говорить, что соответствующая

культовая постройка могла быть здесь возведена с первых же дней существования Керкинитиды, когда сама апойкия еще представляла собой поселение, состоявшее из полуземлянок. И хотя реальные остатки святилища, может быть, еще долго не будут открыты, на его присутствие здесь, помимо посвящений, сакрального характера*, уже сейчас указывает и фрагмент архаической архитектурной терракоты — водомета, обрамлявшего один из углов черепичной кровли. Нет сомнений в том, что последний украшал экстерьер пусть и небольшой, но наземной ордерной постройки, например, скромного храма в антах. Ведь не только полуземлянки, но и первые наземные жилые здания Керкинитиды не были покрыты черепицей.

Переломным моментом в развитии Керкинитиды оказались 70–60-е гг. V в. до н. э. В это время, приблизительно через 70 лет существования открытого поселения, его территория была обнесена мощными крепостными стенами, а пространство внутри них разбито по четко выдержанной и регулярной планировочной схеме на кварталы. Последние, в свою очередь, были поделены на приблизительно одинаковые участки, застроенные затем жилыми домами типично греческого облика. Урбанизацией Керкинитиды, произошедшей при жизни третьего поколения колонистов, был завершён период становления еще одного полиса

в Северном Причерноморье, способного теперь отстаивать свою независимость.

Приведенные выше наблюдения, думается, позволяют уточнить наши представления о древнегреческой колонизационной практике. Так, согласно господствующему в настоящее время мнению, одним из первых мероприятий переселенцев после прибытия их к новому месту обитания являлось сооружение оборонительных стен, а затем раздел земельных участков⁶¹. Вместе с тем, в Керкинитиде, Ольвии и других северопричерноморских городах вывод колонии был отдален от укрепления ее оборонительными стенами относительно длительным периодом времени. Это, на первый взгляд, противоречие можно объяснить следующим обстоятельством: для аргументации положения о первоочередном возведении крепостных стен обычно ссылаются на сообщение Диодора Сицилийского (II в. до н. э.) и римского архитектора I до н. э. Витрувия [Diod., XII, 10, 6; Vitruv., 1, 4, 12]. Свидетельства этих античных авторов, как нетрудно заметить, отделены от реальных сроков колонизации значительным хронологическим промежутком. С их позиций действительно выведение апойкии и укрепление ее фортификационными сооружениями могло восприниматься как единовременный акт. Ведь более подробная дифференциация событий не имела для писавших

* С а к р а л ь н ы й — от латинского — священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу.

практического значения. На самом же деле существование некоторого разрыва между появлением колонии и превращением в собственно город диктовалось, вероятно, необходимостью более подробного знакомства с местными природными ресурсами (например, поисками и разработкой карьеров для добычи строительного материала), а главное — увеличением числа жителей общины, обеспечивающей возможность выполнить весь объем строительных работ. В Северном Причерноморье тому благоприятствовало отсутствие в зонах колонизации плотного оседлого населения местных племен, следствием чего явилось ненасильственное освоение побережья и, вероятно, мирный характер взаимоотношений с аборигенами на раннем этапе.

Правда, последнее утверждение итог плодотворных полевых исследований двух последних десятилетий в зонах греческой колонизации Северного Причерноморья. Раннее освоение эвксинских* земель мыслилось как сложный многоступенчатый процесс, распадающийся на три этапа: от случайных полупиратских и полуторговых посещений и с целью знакомства с районом — к созданию торговых факторий — эмпорий для обмена с местными племенами и появление затем на их месте постоянных колоний. Эта впервые четко сформулированная А.А. Иессеном⁶², а затем развитая (к сожалению, без упоминания своего предшественни-

ка) В. Д. Блаватским логически стройная эмпориальная теория оказалась доминирующей на протяжении 50–60-х гг. нашего столетия⁶³. Исходя из такой общепринятой посылки, в археологических материалах искали ее подтверждение, тенденциозно их интерпретируя. Так, находки местной варварской лепной керамики в архаических культурных отложениях памятников автоматически связывались с мнимыми догреческими поселениями, на месте которых якобы возникали сначала фактории, а затем апойкии, выраставшие в крупные города. Не избежала такой участи и Керкинитида. Еще в 1952 г. при раскопках нижнего горизонта городища были обнаружены фрагменты чернолощеной лепной керамики, украшенной врезным орнаментом. Она тут же была использована для доказательства существования туземного поселения, якобы предшествовавшего Керкинитиде⁶⁴. Эта коллекция значительно пополнилась в последние годы, как только в ходе раскопок вышли на уровень раннего яруса древнего города. Однако, как выяснилось, приведенный выше подход не соответствует конкретным археологическим данным: детальное изучение условий залегания каждого фрагмента подобной лепной посуды убеждает в происхождении аналогичных находок в культурных напластованиях, связанных с греческими постройками и, следовательно, могут говорить только о присут-

* П о н т Э в к с и н с к и й — древнегреческое название Черного моря.

ствии здесь, по крайней мере, с начала V в. до н. э. отдельных представителей местного населения, и не более того. Именно такое мнение возобладавало в литературе последних лет по поводу аналогичных ситуаций в других античных городах Северного Причерноморья. И оно, вероятно, близко к действительности, хотя и не полностью исключена возможность возникновения в отдельных случаях греческих колоний на территории аборигенных поселков.

Вместе с тем, процесс контактирования древних греков с варварами в нашем случае первоначально протекал не только в экономической, мы бы даже сказали, не столько в экономической, сколько в социальной сфере. Как известно, главную часть переселенцев составляла мужская молодежь, отобранная по жребию, в принудительном порядке от каждого из домов или самым распространенным способом — набором добровольно пожелавших отправиться на новое место жительства. Вполне естественно, на новой родине колонисты вынуждены были искать себе жен (при отсутствии родственных более ранних общин по соседству) среди туземного населения⁶⁵. Таким образом, уже в период жизни первого поколения колонистов между древними греками и варварами Таврического полуострова (таврами, скифами?) началась, а затем активно продолжалась метисация. Предпочтение в нашем случае следует отдать таврам, являвшимся оседлым населением,

ибо, как сказал Геродот, Керкинитида в его время служила северной границей их обитания. Напомним читателю, что дед известного афинского оратора Демосфена был женат на скифянке. Подтвердить высказанное предположение при отсутствии письменных источников возможно лишь детальным изучением антропологического облика греков метрополии, первопереселенцев и окружающего населения, что, однако, еще предстоит сделать в будущем. Вместе с тем, именно такая постановка вопроса позволяет объяснить появление в ранних культурных отложениях той или иной колонии лощеной керамики: ее изготовление могло традиционно осуществляться женами-туземками в домашних условиях. Могла такая посуда приноситься в качестве своего рода «приданого».

Иными словами, на первых порах наблюдается активный процесс метисации населения, особенно затрагивающий первые два-три поколения. О практике заключения межэтнических браков на раннем этапе существования ионийских колоний сообщает Геродот: «Те же ионяне, которые выступали прямо из афинского Пританея и считали себя самыми благородными, не привезли с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках... Все это произошло в Милете», (то есть в возможной метрополии Керкинитиды). И далее «И было бы даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян» [Herod., I,

146] (пер. Г.А.Стратоновского) [Herod., I, 146]. Экспроприация женщин («наиболее ценного объекта грабительского присвоения в условиях выселения, поскольку с ним была связана возможность непосредственного воспроизводства самих колонистов»), как полагает М.А.Колесников, является одной из основных особенностей аттическо-ионийской колонизации⁶⁶.

Теперь мы с читателем подошли к рассмотрению наиболее сложной проблемы численности той группы эмигрантов, что прибыла сюда из метрополии. Естественно, встает вопрос: какими объективными данными мы реально располагаем? К сожалению, приходится констатировать наличие в нашем распоряжении только археологических данных, которых пока недостаточно и которые не всегда удается адекватно интерпретировать. По мнению В. П. Яйленко, автора одной монографий о греческой колонизации, численность миграционных экспедиций составляла от 100 до 1000 человек⁶⁷. Приведенные цифры фиксируют, по всей видимости, крайние пределы количества переселенцев. Обычно же число колонистов достигало 200–300 человек⁶⁸.

По нашим расчетам, внутри крепостных стен после перехода от земляночного строительства к наземному могло разместиться около 160–170 жилых комплексов. Эта цифра прежде всего отражает общее количество проживающих семей граждан в городе. Принимая во внимание возможность совместного проживания престарелых родителей

со своими взрослыми детьми, можно считать, что численность полноправной мужской части населения при урбанизации исходного поселения могла максимум в два раза превышать число городских домов. Исходя из сказанного, не будет преувеличением сказать, что количество первых колонистов, вероятно, было невелико и состояло, по всей видимости, из минимального для апойкии числа — где-то около 100 человек. В пользу того свидетельствуют скромные размеры как первоначального населения, так и самого города всего периода его существования. Если все вышеизложенное справедливо или хотя бы в целом правильно отражает тенденцию развития, то на первом этапе жизни Керкинитиды должен был произойти своего рода демографический взрыв. Замена однокамерных жилищ-полуземлянок благоустроенными домами создавала те элементарные санитарно-гигиенические условия, которые, сокращая детскую смертность, благоприятствовали росту населения.

На протяжении более чем стотридцатилетнего периода высказывались самые различные точки зрения на значение слова, обозначающего имя города (этимология). Еще Б. Кене предполагал, что наименование полиса происходит от финикийского или еврейского слова КАРКА, означающего почву, участок побережья, занятый городом⁶⁹, Н. Надеждин — от греческого слова «краб», полностью соответствующего раннему названию апойкии⁷⁰, А. А. Моисеев —

от племени керкетов-торетов, обитавших на Кавказском побережье⁷¹, Н. Ф. Романченко рассматривал имя города как чисто греческое и сравнивал его с другими близкими географическими названиями в остальных районах греческой ойкумены⁷². М. А. Наливкина связывала топонимическое обозначение города с тотемным племенным названием⁷³. Рассматриваемая нами колония получила свое название, как полагает А.А.Белецкий, в соответствии с правилами древнегреческого словообразования и смысла (семантики) основы от Каркинистского залива, в основе которых древнеэллинское слово «рак, краб»⁷⁴. По мнению О. Д. Дашевской, город мог быть обязан своим названием ойкисту по имени Каркин. Изменение же второй буквы в имени связано с тем, что уже в древности этим словом стали обозначать некую губительную болезнь⁷⁵. Косвенным подтверждением приведенного предположения О. Д. Дашевской могла бы послужить популярность этого имени в ономастике города. В коллекции граффити из раскопок памятника, тем не менее, это имя пока не зафиксировано.

Попытки некоторыми учеными вывести название апойкии из местного этнонима беспочвенно уже, хотя бы потому, что этот топоним в той же форме засвидетельствован в разных уголках античного мира вспомним, к примеру, гору Керкину в Македонии и озеро Керкиниту вблизи Амфиполиса или два острова в заливе Малый Сирт, у африканского побережья — Керкину

с одноименным городом на нем и Керкиниту. Весьма распространенными были также личные имена Каркин и Керкин.

Ю. Г. Виноградов, подробно проанализировав все доступные филологические данные, предлагает понимать раннее наименование поселения Каркиниту как «Крабий город» — обязанный своим происхождением «обилию водившихся здесь вплоть до недавнего времени крабов»⁷⁶. Правда, автор данной работы не имел возможности убедиться в реальности последнего наблюдения. Ведь само название могло отражать не столько ихтиологические особенности прибрежной фауны, сколько форму бухты, на берегу которой находилась колония. И, наконец, М.В.Скржинская понимает урбоним как «место у Крабового залива»⁷⁷. Как уже сказано выше, изменение морфологии слова, которым обозначен город, совпало по времени с подчинением его Херсонесу и связано с новым положением Керкиниту.

Из четвертой книги «Истории» Геродота мы узнаем, что в его время Ольвия и Каркиниту располагались в пределах древней или исконной Скифии: первый из двух названных пунктов — в центре упомянутой области (между современными городами Очаков и Николаев, у с. Парутино), второй, как уже сказано, на южной ее окраине. Такое их положение ставило эти полисы практически в одинаковое положение по отношению к скифам, а, следовательно, вполне вероятна возможность

совпадения некоторых моментов истории названных родственных ионийских полисов.

Археологическими исследованиями Ольвийской хоры был установлен факт запустения практически всех архаических поселений в конце первой трети V в. до н. э. Это обстоятельство было использовано Ю. Г. Виноградовым для обоснования тезиса об установлении над Ольвией скифского протектората. Для аргументации этого предположения он привлекает все тот же рассказ Геродота о скифах, в частности, о постоянных визитах в Ольвию скифского царя Скила и его дружины⁷⁸. Развивая свою гипотезу, Ю. Г. Виноградов предполагает, что в 80-х гг. V в. до н. э., после мирного договора между скифами и фракийцами, первые направили свою экспансию на Боспор и Тамань. По всей видимости, в таком же положении по отношению к скифской державе, как и Ольвия, оказалась Керкинитиды, да и весь Северо-Западный Крым не остался для них безразличным. Прямое подтверждение сказанному мы находим в упомянутом выше письме Апатурия при раскопках Керкинитиды. В последних строках этого эпистолярного документа самого конца V в. до н. э. прямо указывается на зависимость города от скифов. И хотя это послание отделено от повествования Геродота полувековым промежутком времени, оно могло отражать установившийся характер взаимоотношений скифов и греков.

Концепция Ю. Г. Виноградова получила дополнительное под-

тверждение в последнее время целым рядом новых археологических фактов. Так, в конце первой трети V в. до н. э., вероятно, одновременно были обнесены оборонительными стенами, помимо Керкинитиды и Ольвии, такие города, как Тиритака, Мирмекий, Порфмий. Перечень конкретных примеров может в дальнейшем значительно расширяться в ходе продолжающихся сейчас полевых исследований. И хотя возведение крепостных сооружений в греческих апойках является закономерным итогом их эволюционного развития, само хронологическое совпадение событий, важнейших в истории отдельных полисов, расположенных в различных пунктах Северного Причерноморья, конечно, не случайность. Все это, безусловно, было вызвано резко возросшей военной активностью скифов, реально угрожавшей греческим колониям и, таким образом, стимулировавшей фортификационное строительство.

До середины — быть может второй четверти IV в. до н. э. — Керкинитиды и другие поселения Северо-Западного Крыма обладали по существу неограниченными возможностями для расширения своих аграрных угодий. Их размеры определялись в основном экономическим потенциалом общины (уровнем агрономии и агротехники, плодородием почвы), естественным приростом населения, притоком дополнительных колонистов и т. д. Однако такое поступательное эволюционное развитие самостоятельных апойк было неожиданно прервано

территориальными притязаниями Херсонесского государства.

Среди разнообразных пунктов северо-западного побережья Таврики второй половины IV столетия до н.э. встречаются: малые города, крепости, контролирующие отдельные территории, своего рода локальные центры небольших сельскохозяйственных округов, незащищенные поселения и селища, отдельно стоящие усадьбы с башнями, куст сгруппированных вместе усадебных комплексов, обнесенных единой оградой и, наконец, небольшие поселения, направленность деятельности которых пока не установлена, часть из которых, вероятно, являлась хуторами, кошарами и промысловыми стоянками. Среди такого множества памятников подавляющее большинство из них остается анонимными: античная традиция донесла до нас исторические наименования только нескольких древних пунктов, локализация некоторых из них установлена, остальных — требует уточнения в будущем. Нам остается надеяться на то, что в результате археологических раскопок будут найдены такие эпиграфические свидетельства, которые позволят установить в будущем топонимы того или иного объекта.

Общее количество связанных с вторичной колонизацией северо-западного побережья поселений на археологической карте до недавнего времени составляло всего 86 (Рис. 1).⁷⁹ Однако, как показало сплошное обследование с помощью современных методик

территории Тарханкутского полуострова, здесь было выявлено более сотни новых античных объектов⁸⁰. Столь впечатляющие результаты были получены с помощью анализа космических снимков высокого разрешения с последующей проверкой их на местности.

Иначе говоря, в IV в. до н.э. произошло качественное изменение в характере освоения рассматриваемой приморской полосы: от отдельных разрозненных очагов эллинской культуры — до сплошного освоения пространства. Разумеется, такие крупные перемены в судьбе Таврики ставят перед нами такой важный вопрос: как происходило присоединение территории к Херсонесскому полису, особенно, если принять во внимание факт присутствия здесь нескольких ионийских независимых апоекий.

К сожалению, это событие не получило никакого отражения в письменных источниках и нам приходится извлекать информацию только из археологических, отчасти и нумизматических данных. Во всяком случае, на рубеже IV — III вв. до н.э. в присяге Херсонеса упоминается только два предшествующих дорийской колонизации пункта — Керкинитида и Калос Лимен [IosPE, 1², 401].

Все отмеченные выше мероприятия Херсонеса носили превентивный характер и практически лишали Керкинитиду перспектив дальнейшего самостоятельного развития. По существу, перед ней была поставлена альтернатива: войти на каких-либо заранее оговоренных

условиях в состав более крупного государства или активно воспрепятствовать этому, рассчитывая в последнем случае только на свои собственные силы. И первое и второе не исключают принятия ионийским полисом определенных ответных мероприятий, необходимых для отстаивания своей независимости и приоритетного права на эксплуатацию прилегавшей к городу сельскохозяйственной территории.

Включение Керкинитиды в состав Херсонесского государства явилось важнейшим событием в ее жизни, коренным образом изменившим судьбу полиса, прервавшим естественно-эволюционный ход его развития. К сожалению, само это событие не получило никакого отражения в нарративных источниках, и при освещении его мы можем руководствоваться только археологическими и нумизматическими данными, что само по себе в какой-то степени предопределяет дискуссионность излагаемых ниже положений. Рассматриваемая проблема тем более интересна, что она касается взаимоотношений двух различных по своему генезису полисов ионийской Керкинитиды и дорийского Херсонеса каждому из них в силу исторически сложившейся традиции был характерен ряд особенностей и оригинальных черт. В нашем случае важно то, что дорийская колонизация была, так сказать, военизированной, то есть сопровождалась покорением местного коренного населения.

В середине IV в. до н. э. произошла полная и капитальная реконструкция всей оборонительной системы Керкинитиды в соответствии с новыми достижениями античной фортификации, о чем подробнее пойдет речь ниже, в отдельной главе. Весьма симптоматично, что это важнейшее в жизни полиса событие совпало с началом освоения Херсонесом Северо-Западного побережья Крыма.

Во второй четверти — середине IV в. до н. э. было захвачено в бою и полностью разрушено ионийское поселение Панское I, у Ярылгачского залива (*Рис. 1*), которое появилось здесь в процессе переселения сюда жителей из Нижнего Побужья, то есть из Ольвии и ее округи. По мнению А. Н. Щеглова, это было связано с военным конфликтом между Ольвией и Херсонесом⁸¹. Такое развитие событий могло стимулировать перестройку оборонительных сооружений Керкинитиды. Иначе говоря, процесс вторичной колонизации рассматриваемого побережья начался, по всей видимости, с заселения пустовавшей территории и захвата слабоукрепленных поселений, каковым, в сравнении с Керкинитидой, являлось Панское. В противном же случае Херсонес стал бы укреплять (или позволил это самой городской общине) только что подчиненную себе Керкинитиду, население которой могло относиться к нему совсем нелояльно.

В этой связи, как нам кажется, стоит обратить самое пристальное внимание на два монетных чекана Керкинитиды середины —

третьей четверти IV в. до н. э. Их военная символика — изображение богини победы и судьбы в башенной (т.е. защитной) короне, говорит, вероятно, о боевой, хотя и кратковременной удаче и какой-то военной опасности, которую пришлось пережить городу (*Рис. 88, 1–2*). Рассматриваемые монеты определенным образом отображают ту сложную политическую ситуацию, которая сложилась в Северо-Западном Крыму накануне его подчинения Херсонесом.

Предоставленная сама себе Керкинитида должна была разделить судьбу всего этого побережья. Некоторое подтверждение сказанному можно извлечь и из археологических данных. Так, в середине — третьей четверти IV в. до н. э. в ближайшей округе города был разрушен культовый комплекс на берегу Мойнакского озера и разорена усадьба с круглой башней, открытая еще П. И. Филонычевым, но изученная М.А. Наливкиной (*Рис. 23*). Отсутствие пожарищ и других следов разрушений Керкинитиды, скорее всего, говорит о том, что ее подчинение Херсонесскому государству не сопровождалось какими-либо разрушениями в процессе боевых действий — осады, штурма и пр. Оно, следовательно, коренным образом отличалось от захвата поселения Панское I, изменившего полностью облик этого памятника. Присоединение Керкинитиды произошло либо на каких-то «добровольно-принудительных» условиях, хотя и могло быть оформлено как политический союз (симполи-

тию), в котором Керкинитиде чисто декларативно отводилась лишь очень скромная роль; либо жители города получили права гражданства и влились в состав гражданской общины херсонеситов⁸². При внимательном знакомстве с гражданской присягой жителей Херсонеса складывается впечатление о большей правомерности второго предположения, поскольку статус Керкинитиды в составе государства никак специально не оговорен, и она дважды упоминается в этом документе наряду с самим Херсонесом и другими анонимными, основанными им самим укреплениями [*IosPE, II. 401*]. Вместе с тем городской этникон продолжает употребляться и гораздо позже для обозначения происхождения выходцев из рассматриваемого города. Как известно из одного Афинского декрета 119/118 гг. до н. э. в честь юношей призывного возраста (эфебов) и их учителей, в нем упоминается некий Аполлодор, сын Аполлония, керкинит⁸³. Проще говоря, керкиниты не сразу растворились в составе более многочисленной дорийской общины, а долго сохраняли свое ионийское этническое самосознание.

Керкинитида, по всей видимости, была вынуждена примкнуть, возможно, даже вопреки собственным интересам, к более сильному дорийскому государству из-за неблагоприятно сложившейся для не военно-политической ситуации и отсутствия поддержки со стороны метрополии. Вероятнее всего она была поставлена Херсонесом и его метрополией — Гераклея —

военными и экономическими мерами в такие условия, когда какое-либо сопротивление теряло смысл, несмотря на проведенные ранее работы по усилению ее обороны. Достаточно вспомнить относящееся к немного более раннему времени указание Полиена о крупных десантных операциях и боевых действиях на Крымском побережье Гераклеи во время войны ее против Боспора и замечания Аристотеля о многочисленном флоте этого южнопонтского центра — прародины херсонеситов⁸⁴.

Присоединение Керкинитиды к Херсонесскому государству было отмечено прекращением ее собственной полисной чеканки монет. Последующие весьма определенные мероприятия Херсонеса привели, в конечном счете, к полному подчинению Керкинитиды, потере ею не только политической, но и экономической самостоятельности. Жители города, в частности, в соответствии с требованиями херсонесской присяги были вынуждены свозить и продавать зерно — основной источник своего сельскохозяйственного производства — только в столице государства — Херсонесе, лишаясь, таким образом, права коммерческой инициативы. Кроме того, внутренний рынок Керкинитиды был заполнен херсонесскими монетными сериями и керамическим импортом (тарой, кровельной черепицей, столовой посудой и т. д.). Она стала вторым по значению городом в Херсонесском государстве.

Нужно также иметь в виду, что после включения Керкинитиды в состав полиса здесь стал развиваться такой вполне естественный процесс, как метисация ионийского населения города с дорийскими переселенцами. О последнем говорит типично херсонесское надгробие Амбатии, дочери Геродота (*Рис. 14*), использование в качестве урн для праха кремированных погребальных херсонесских гидрий (*Рис. 10*), посвящение покровительнице Херсонесской общины богине Деве. Однако остается непонятным, каким образом разместились переехавшие херсонеситы внутри достаточно плотно застроенного города. Один из самых возможных и распространенных путей — смешанные браки.

Бурный экономический расцвет Херсонеса во второй половине IV в. до н.э. сопровождался не только освоением значительного пространства Западного Крыма, но и небывалым ростом территории самого города и связанным с ним сооружением новых крепостных стен, устройством столицы полиса прекрасными общественными и жилыми зданиями (например, театра, стадиона, храма и т. д.), развитием ремесла, в том числе массовым производством керамической тары, и торговли. Этот период сменился другим — внутренней смуты (стасисом), проявившимся прежде всего в острой борьбе партий (вероятно, олигархов и демократов), и как ее результат — изгнание части граждан, введение такого демократического инструмента, как

остракизм. Вот далеко не полный перечень социальных конфликтов, охвативших все государство, включая, конечно, и Керкинитиду. Эти события — переломные в истории Херсонеса — получили отражение в трех эпиграфических памятниках: «Херсонесской присяге», фрагменте найденного нами декрета об изгнанниках и, наконец, надписи в честь Агасикла.

Первый из названных исторических документов был вырезан на мраморной стеле, установленной на агоре Херсонеса⁸⁵. Клятву принимали не столько юноши-эфебы при достижении ими совершеннолетия, а все граждане полиса после тех потрясений, которые он пережил: вероятно, неудавшейся попытки олигархического переворота. В момент составления присяги кризис еще далеко не миновал, ведь в пределах ранее управляемой Херсонесом территории находились «отпавшие» или граждане, «объявленные врагами народа». Исходя из сказанного не будет, по всей видимости, большим преувеличением видеть среди предающих и отторгающих Херсонес, Керкинитиду и Прекрасную Гавань часть керкинитов — некоторых жителей города, оказавшихся во враждебных отношениях с официальной властью, то есть своего рода оппозиции.

Острое внутривластное положение, в котором оказался Херсонес, совпало с обострением внешней обстановки в связи с вторжением в Причерноморье сарматов и возросшей агрессивности скифов в самом Крыму. В такой сложной ситуации в

Керкинитиде была выпущена в обращение наиболее обильная монетная серия из двух номиналов (скиф-конь и Артемида-лань). Как в свете сказанного выше воспринимать этот чекан? Как акт кратковременной автономии или как чисто экономическое предприятие? Все «за» и «против» приведены нами ниже, в соответствующей главе о нумизматике. Сейчас отметим большую правомерность второго предположения. Херсонес пошел на эту уступку Керкинитиде не только чтобы дать возможность поправить городу свое финансовое положение, но и поднять престиж керкинитской общины в столь не простое для Херсонесского государства время.

Настоящая в полном смысле катастрофа охватила все степное Причерноморье и смежные с ним территории в конце первой трети III в. до н.э. В это время практически одновременно погибли или прекратили существовать Великая Скифия, полисные хоры и сельские поселения Европейской части Боспорского царства. Не стали исключением и аграрные поселения на отдаленной и ближней хоре Херсонеса. Причем набеги были столь стремительными, что жители Херсонеса не успели даже разгрузить керамические печи под стенами самого города. Не стала исключением в цепи таких разрушений и самая ближайшая округа Керкинитиды: здесь были разорены укрепление Чайка и усадьба у Евпаторийского маяка, расположенные всего в 6–7 км от стен Керкинитиды.

Единственной силой способ-

ной осуществить такой крупномасштабный акт являются проживающие за Танаисом кочевники, то есть сарматы. Упоминание о них Ю.Г.Виноградов вычитал в давно известном херсонесском декрете 278/277 гг. до н.э. в честь чудодейственного избавления Девой жителей города от варварского пленения⁸⁶. С данным событием могло быть связано подношение в Делосский храм трех серебрянных фиал стоимостью по 100 драхм каждая. Причем набеги совершались кочевниками не с целью захвата территорий. Как это произошло в середине II в. до н.э., а именно ради грабежа и добычи продовольствия для чего, вероятно, выбирался момент после уборки урожая и вывоза его экспортной части за море (июль — август). Пока не известно ни одного случая постоянного пребывания сарматов на разоренных землях Северного Причерноморья и практически полное отсутствие погребений.

Основная же причина такой агрессивности номадов определялось заметным потеплением климата и следствием этого — аридизации (усыхания) степи, особенно ощутимая в континентальных регионах материка. Постепенное изменение разнообразных природных факторов достигло такой критической отметки, когда произошли качественные изменения в составе окружающей среды. Однако, такие перемены, назревавшие на протяжении нескольких десятилетий, не стали неожиданностью для древнегреческих агрономов и земледельцев: их ответной

и вполне адекватной реакцией стал повсеместный переход от яровых к озимым посевам пшеницы (отсюда появление среди палеоботанических выборок из культурных отложений указанного периода более крупных зерновок), широкое распространение виноградарства. Тем не менее, сельскохозяйственные владения практически всех северопонтийских государств были в течение нескольких наиболее экстремальных лет полностью разорены. Прекратили свое существование и расположенные в достаточно благоприятных географических условиях скифские поселения, например Елизаветовское городище в дельте Дона, городища и селища Поднепровья и Лесостепи, скифские и кизил-кобинские населенные пункты, расположенные между первой и второй грядами Крымских гор.

Расположенные на северо-западном берегу полуострова города Керкинитида и Калос-Лимен и, вероятно, некоторые другие укрепления с мощной оборонительной системой все же устояли под натиском варваров. Как только обстановка в регионе более или менее стабилизировалась в рамках всего Херсонесского государства осуществляются мероприятия по укреплению обороноспособности основных опорных пунктов. Так, усиливаются дополнительными поясами куртины на наиболее уязвимых — с севера и с запада — участках обороны Керкинитиды, а само городище поперек центральной наиболее узкой части переграживается наиболее мощной

крепостной стеной, толщиной 2,65–2,70 м (Рис. 49–50). Она поделила всю территорию города внутри периметра крепостных стен на две примерно равные части. Иными словами, был введен дополнительный рубеж обороны, защищавший прибрежную часть Керкинитиды. К сожалению, на раскрытом отрезке фортификационных сооружений не было открыто ни одной башни и ворот.

Аналогичные мероприятия были проведены в Калос Лимене, где так же усиливаются дополнительными поясами куртины, а ворота на восточной наиболее уязвимой линии обороны усиливаются третьей башей⁸⁷. Достаточно капитально было перестроено Чайкинское укрепление. Тут на месте разрушенной внутри крепостной застройки возводятся комплексы усадеб, одна из которых имела внутри изолированную башню, размерами 9,0 x 9,0 м. Причем при строительстве данного комплекса была разобрана до фундамента стена первоначальной крепости. Иначе говоря, фортификационные сооружения IV в. до н.э. использовались лишь настолько, насколько они были включены в позднейшую планировку⁸⁸.

70–30-е годы III в. до н.э. справедливо будет назвать теми десятилетиями в истории Керкинитиды, как впрочем, и всего Северо-Западного Крыма. При раскопках города не было найдено ни одной херсонесской монеты (по уточненной датировке), относящихся к данному историческому отрезку. Рас-

сматриваемый интервал времени характеризуется резким спадом поступления импортной клейменной тары Синопы и Херсонеса, прекращением ввоза амфор Фасоса и Гераклеи. Все это отражает глубокий упадок, в котором находилась экономика государства. Добавим к сказанному, что до сих пор в некрополе Керкинитиды не обнаружено ни одного погребения уверенно относящегося к второй и третьей четвертям III вв. до н.э.

Несмотря на все сказанное выше, Керкинитиды на протяжении всего этого времени была заселена, продолжали использоваться все построенные ранее жилые дома и функционировать оборонительные сооружения. Город, как впрочем, и все Херсонесское государство, находился в стагнации. В такой ситуации, возможно, происходила натурализация хозяйства, направленная, в первую очередь, на удовлетворение самых элементарных собственных запросов.

Оживление экономики приходится на середину 30-х годов III в. до н.э., когда возрождаются некоторые из заброшенных ранее поселений, продолжают существовать и те из них, которые не пострадали от разрушительного смерча начала названного столетия. Тем не менее, если только судить по количеству заселенных пунктов, то вновь освоенная хора значительно уступала по своим масштабам периоду ее расцвета.

Непрерывное возрастание угрозы со стороны скифов в связи с переселением значительной их части в Крым, образованием

здесь позднескифского царства с центром в Неаполе Скифском способствовало, по всей видимости, консолидации всех эллинов без различия их племенного деления (ионийцы-дорийцы) для общего отпора варварам. Складывание новой политической ситуации привело, вероятно, к постепенному утиханию полнотной оппозиции, ведь скифы угрожали самой возможности существования древнегреческого полиса на западном побережье Таврики. С этого момента судьба Керкинитиды стала практически неотделима от Херсонесского государства: жизнь города стала просто невозможной без последнего. Керкинитида не смогла бы самостоятельно устоять под натиском скифов и вынуждена была бы признать над собой главенство скифских царей, как несколько позже сделала Ольвия, либо прекратить существование. Последнее оказалось реальностью во второй половине II в. до н. э.

О сложных отношениях Херсонеса с окружающими его варварами в начале II в. до н.э. вполне определенно свидетельствует договор 179 г. до н.э. о дружбе и взаимопомощи между дорийским полисом и Фарнаком I [IosPE, II? 402]. В нем, в частности, понтийский царь обязуется оказывать помощь в случае «если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев» (пер. Э.И.Соломоник). Столь неопределенное обозначение в документе угрожающих Херсонесу варваров, позволяет усматривать

в них не только скифов, но и сарматов, о которых умалчивать у составителей текста не было никаких оснований. Об угрозе со стороны тавров в рассматриваемое время вряд ли приходится говорить. Именно подпись под данным мирным договором сарматского царя Гатала могла заставить редакторов договора скромно умолчать об этнической принадлежности враждебных соседей. Из рассматриваемого источника можно извлечь еще одну очень важную для нас информацию: в момент подписания соглашения Херсонес обладал подвластной ему хорой с расположенными здесь городками Керкинитидой и Калос Лименом. Покровительство Понта, по всей видимости, позволило Херсонесу сохранить свою аграрную округу, по крайней мере, еще на четверть столетия. Включение Херсонеса в межгосударственный договор 179 г. до н.э. на время приостановило натиск скифов. Более того, они не стали заселять уже заброшенные эллинами поселения на северо-западном побережье полуострова. Тем не менее, во второй половине II в. до н.э. Херсонес утратил все свои владения в Западном Крыму, включая и расположенные тут малые города — Керкинитиду и Калос Лимен. Детальное изучение стратиграфии первого из них убеждает нас в том, что Керкинитиды была оставлена жителями не в результате ее военного захвата, а заранее. Следовательно, как вытекает из сказанного выше, население города должно было переместиться в другое место, по

всей видимости, в Херсонес. Поскольку сплошному разорению подверглась вся хора полиса, процесс миграции населения из херсонесской периферии в столицу приобрел еще большие масштабы. Именно во II в. до н. э. в некрополе Херсонеса появляются столь традиционные для могильника Керкинитида плитовые гробницы, не встречавшиеся здесь ранее. Они могли быть результатом размещения в Городе керкинитидских беженцев⁸⁹.

Вся территория Северо-Западного Крыма была сразу после середины II в. до н. э. включена в состав Малой Скифии царя Скилура и полностью заселена варварами. Следы их постоянного пребывания отмечены практически на всех памятниках рассматриваемого региона. Не являлась исключением и Керкинитида. К самому концу II в. до н. э., вероятно, относится вторичное захоронение в греческом склепе с уступчатым перекрытием из городского некрополя — пока единственном скифском погребении той эпохи⁹⁰.

Итак, во второй половине II в. до н. э. Керкинитида, а вернее то место на мысу, где она некогда находилась, оказалась в руках скифов. Причем греческий город был полностью руинирован, а жилые здания перекрыты продуктами их разрушений и, прежде всего, развалами сырцовых стен. Не избежали той же участи и фортификационные сооружения. Скифы не только не восстановили, а наоборот, выбрали вплоть до фундамента кладки крепостных стен, камень кото-

рых был ими вторично (и крайне неумело) использован в их наземных и примитивно сложенных постройках. Свое же поселение они не успели обнести оборонительными строениями. Иногда складывается впечатление, что город был захвачен скифами и стал активно ими разрушаться в ходе продолжающихся военных действий. И хотя последующие события скифо-херсонесских войн происходили уже непосредственно у крепостных стен самого Херсонеса, еще хранилась реальная опасность высадки его морского десанта у Керкинитида. Поэтому новые обитатели стали активнее разбирать ее укрепления, чтобы ими вновь не воспользовались греки. В указанное время, таким образом, произошла полная смена населения, его культуры и быта.

Керкинитида перешла к скифам где-то в 40-х гг. II в. до н. э.: всяком случае в городе еще успел родиться эфеб Аполлотор, сын Аполлония, названный керкинитом в уже упоминаемой Афинской надписи 119/118 гг. до н. э. (если в ней имеется в виду житель города, а не острова). На самом городище успели потерять афинскую тетрадрахму 151/150 гг. до н. э., а на греческое поселение Тереклы-Конрат расположенное недалеко от Керкинитида, попали еще две тетрадрахмы, одна из которых принадлежит афинской чеканке 140/139 гг. до н. э. Вторая же оказалась фассосской — второй половины того же столетия⁹¹. Почетный декрет в честь Диофанта сообщает нам о возвращении Керкинитида

Херсонесу понтийскими войсками. Описанные в нем события, исходя из биографических данных Митридата VI Евпатора, относятся к 113/112—109/108 гг. до н. э. Отсутствие крепостных сооружений скифского поселения, разместившегося на руинах Керкинитиды, объясняет то скромное место, которое занимает возвращение ее Херсонесу среди прочих военных заслуг Диофанта. В уже неоднократно упомянутом херсонесском декрете в честь Митридатова полководца сказано об этом событии вскользь и лишь в связи с захватом целого ряда других анонимных населенных пунктов Херсонесской хоры.

События того времени, по всей видимости, развивались следующим образом: при приближении понтийских войск к Керкинитиде (вернее, слухов об этом) во время второго похода Диофанта поздней осенью новые обитатели покинули свой незащищенный поселок, забрав с собой всю необходимую утварь. Они не вернулись обратно. Несмотря на полное поражение скифов и их союзников, Херсонесу не было суждено воспользоваться плодами этой победы: подорванная длительными войнами экономика и изменившаяся демографическая ситуация не позволили ему вновь восстановить свою аграрную округу, хотя бы в минимальных размерах. Практически ни на одном памятнике Северо-Западного Крыма нет следов возобновления херсонесской жизнедеятельности. До самой смерти Митридата VI Евпатора в 63 г. до н.э.,

Херсонес и его хора входили в состав его Понтийской державы, а, следовательно, так или иначе косвенно были вовлечены в войны с Римом.

Некоторое время примитивные строения скифов возвышались над землей, пока затем естественным путем не руинизировались и не были затянuty песком и другими золовыми наносами. Практически понтийскими войсками был отвоеван не город, а лишь место, где он когда-то находился. Сам же древний город так и не был восстановлен. И если на его территории или рядом с ним появилось небольшое селение, то оно никакого отношения не имело к градостроительному центру предшествующей эпохи и эволюционно с ним не было связано. Короче говоря, Керкинитиде прекратила свое существование; постепенно стало забываться и ее настоящее название. Более долговечным этот топоним остался в названии Каркинитского залива.

Несмотря на многолетние раскопки памятника, до сих пор не удалось зафиксировать на его территории культурные отложения рубежа и первых веков нашей эры, если не считать отдельные керамические находки. Поэтому обратимся, прежде всего, к «Географии» Страбона (I в до н.э.), сведения которого обладают исключительной достоверностью и полностью подтверждаются местными эпиграфическими источниками. При описании Таврики географ упоминает даже остатки заброшенных поселений, например развалины так называемого «Старого» Херсонеса

расположенного на Маячном полуострове. К сожалению, в тексте Страбона полностью отсутствует описание полосы побережья Западного Крыма между Калос-Лименом и Херсонесом. В. В. Латышев объяснял этот факт значительным пропуском — утратой текста, в котором могла упоминаться и Керкинитида⁹². Вероятно, возможно и иное объяснение: в «Географии» ничего не говорится о городе еще и потому, что он уже не существовал в это время, а остатки его даже не возвышались над поверхностью земли. Совсем иное дело Калос-Лимен, продолжавший жить до II в. н. э.

Однако Керкинитида продолжает упоминаться в более поздних источниках — римских периплах* Арриана и Анонимного автора, что может служить признаком продолжающегося использования Евпаторийской бухты при каботажном плавании. В состав римских вооруженных сил, дислоцированных в Херсонесе, как известно, входили корабли Мезийского Флавиева флота, которые, вероятно, курсировали вдоль всего западного побережья Таврики для охраны города с моря⁹³. Они могли заходить для временной стоянки и в бывшую гавань Керкинитиды. Это заставляет догадываться о существовании — для обеспечения непрерывного плавания — хорошо продуманной системы маяков и других

навигационных знаков, которые еще предстоит открыть. Кстати, на территории бывшего города (но, скорее, где-то рядом) могло возникнуть небольшое поселение сохранившее его имя, — сезонный рыболовецко-промысловый пункт или якорная стоянка, но реальные остатки его пока не обнаружены. Последнее, возможно, является результатом того, что такое поселение либо было очень незначительным, либо размещалось не поверх руин древнего города, а где-то в другом месте, например на берегу Евпаторийской бухты. В научной литературе высказывалось также предположение о расквартировании в опустевшем греческом городе римского гарнизона. Однако оно не подкрепляется археологическими материалами.

Никаких следов людского обитания на месте Керкинитиды в последующее время также нет, за исключением заполнения одной средневековой ямы с материалом IX—X вв. н. э. Следует, однако, вспомнить сообщение Константина Багрянородного (X в. н. э.) о том, что между Днестром и Херсонесом, то есть, вероятно, где-то в районе Евпатории есть «болота и бухты, в которых херсониты добывают соль»⁹⁴. Вместе с тем из «Повести временных лет» известно о ловле рыбы жителями Корсуня в устье Днепра⁹⁵, а расстояние от своего города до устья этой реки, согласно сведениям арабского географа

* П е р и п л — с древнегреческого переводится буквально «плавание вокруг» чего-то. Однако более точным для понимания этого термина является понятие «лоция», ибо периплы реально содержат всю необходимую информацию для навигаций.

Рис. 37. Фрагмент протомы богини восточно-ионийского типа. V в. до н.э.

Рис. 38. Фрагмент протомы Деметры – богини земледелия и плодородия. IV в. до н.э.

Рис. 39. Голова Аполлона (?). Фрагмент терракотовой фигуры IV в. до н.э.

Рис. 40. Фигурный сосуд для благовоний: на лицевой стороне Пан или Силен, на оборотной – раковина гребешка. IV в. до н.э.

Идриси, они преодолевали всего лишь за один день плавания⁹⁶. Средневековый промысел рыбы, по всей видимости, имел место и у побережья Тарханкутского полуострова. Для безопасности каботажного плавания вокруг него на мысу Ойрат (Урет), у современного села Окуневка, в IX–X вв. н. э. был сооружен маяк⁹⁷. В свете сказанного, несомненно, также использование в средневековое время и Евпаторийской бухты, удобной для стоянки больших рыболовецких судов: это подтверждается находками соответствующего керамического боя (выброса с кораблей), постоянно встречаемого во время работ по углублению Евпаторийского морского порта. О существовании же в I тыс. н. э. Керкинитиды как города нет

никаких данных. Руины Керкинитиды были настолько плотно затянуты супесью золотого происхождения и чистым песком, что (как уже сказано) остатки античного городища долгое время не были открыты. Лишь невысокий холм, на который, к сожалению, не обращали должного внимания, отдаленно и безмолвно напоминал об античном памятнике (Рис.4).

На генуэзских порталанах XIV – XVI веках в районе татарско-турецкого Гезлева, нынешней Евпатории, итальянские картографы располагали созвучные с античной Керкинитидой топонимы: *Crenica*, *Crerenichi*, *Crichiniri*, *Chiiti*, *Chirechiniti*, *Trinici*. Среди них атлас Таммара Луксора начала XIV в., портолан Грагиоза Бенинказы 1474 г., карта Г.Меркатора 1595 г.⁹⁸

«Хлеб, свозимый с равнины...»

Снабжение продовольствием, в основном, хлебом, являлось главной проблемой почти для всех полисов эллинской ойкумены. Перед древними греками часто стояла угроза голода, вызванная засухами и неурожаями, всевозможными природными катаклизмами, войнами, нарушениями транспортных коммуникаций, разрывом торговых связей и, наконец, низкой урожайностью и агрономией. Если к сказанному добавить тот очевидный факт, что материковая Греция и Иония не являлись хлебными житницами, то все сказанное выше становится вполне очевидным. В Афинах по свидетельству Демосфена существовали суровые драконовские законы, предусматривающие смертную казнь для граждан, которые будут доставлять хлеб куда-нибудь в другое место, а не на аттический рынок [Dem., XXXIV, 37; XXXV, 50]⁹⁹.

Во времена Полибия во II в. до н.э. окружающие Понт страны только при благоприятных условиях вывозили в Грецию зерно, при неурожаях напротив были вынуждены его импортировать¹⁰⁰.

С Афинским законодательством вполне отчетливо перекликаются строки Херсонесской присяги рубежа IV – III вв. до н.э.: «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывоз-

ить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес» [IosPE, II, 401]. Первый издатель эпиграфического документа В.В. Латышев видел в данном требовании защиту фискальных интересов государства¹⁰¹, а С.А. Жебелев в явно выраженной монополистической тенденции — с целью получения с экспортного хлеба полагающейся пошлины¹⁰². Наиболее точное понимание данного параграфа присяги, с нашей точки зрения, предложила М.К. Трофимова. По ее мнению это требование присяги в первую очередь преследовало цель обеспечения хлебом полиса, а лишь затем сбор торговых пошлин с экспорта пшеницы¹⁰³.

Действительно, ближайшая округа Херсонеса на современном Гераклейском полуострове с каменистой почвой, малопродуктивными черноземами и сильно пересеченной местностью, малопригодна для выращивания злаковых культур. Такие же особенности ландшафта и почв подходят для выращивания виноградных лоз. Именно эти природные условия предопределили специализацию данного района на виноградарстве и виноделии, что изначально заставляло Херсонес обратить свои взоры на равнинную прибрежную полосу Северо-Западного Крыма. Наиболее привлекательной являлась

приморская равнина между озерами Сасык-Сиваш и Донузлав, в центре которой располагалась Керкинитида.

Основу экономики Керкинитиды на протяжении всего периода существования полиса составляло сельское хозяйство, в первую очередь, выращивание злаковых культур. Как известно, древние греки брали в новые места своего обитания сельскохозяйственные культуры своей родины: посевной материал (зерновки пшеницы и ячменя, клоны винограда) для выращивания его в иных условиях обитания. Однако, попадая в другие географические пояса с отличными природно-климатическими условиями, они неизбежно должны были заняться их селекцией для адаптации посевного материала к конкретным районам обитания. По меткому замечанию Р.Селлери, древние греки были «не просто основателями новых колоний, но и создателями новых экосистем, смоделированных настолько близко к их родине, как это только возможно»¹⁰⁴.

К сожалению, ни античные авторы, ни лапидарные памятники не сообщают конкретно о том, какие именно сорта колосовых культур высевались на полях. Они обычно обозначают их термином ситос (у?фп?), то есть не конкретно — хлеб, хлебные злаки, хлебные культуры, хлеб на корню, пища, продовольствие и т.д. Однако такое положение дополняется находками при археологических раскопках сельских поселений обугленного зерна, отпечатков их стеблей, чешуй и семян на саманной обмазке пе-

чей, которые вполне отчетливо соотносятся с конкретными видами злаковых культур. Причем все наши выборки происходят из разных горизонтов древнего города, а, следовательно, отражают севооборот на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Так в Керкинитиде встречено одиннадцать видов полевых культур¹⁰⁵. Однако, прежде чем перейти к их характеристике, сделаем несколько вводных замечаний. Прежде всего, в растениеводстве выделяются потребительские хлеба (пшеница, рожь, просо) и кормовые (ячмень, овес, кукуруза). Во времена существования Керкинитиды овес и кукуруза еще не возделывалась древними греками. В таком случае весь кормовой клин занимал ячмень. Чтобы вырастить один гектар пшеницы, необходимо было засеять примерно столько же кормовой культуры. Кроме того, пшеницы и ячмень встречаются на античных поселениях двух сортов: голозерные и пленчатые. Первые достаточно легко освобождаются от своей оболочки (половы) на току путем прогона по зерну животных и простого проветривания. Вторые — путем обрушивания зерновок и дробления на крупу в каменных ступах специальными деревянными пестиками по мере необходимости. В последнем случае урожай хранится в колосьях и колосках. Пленчатые культуры в отличие от голозерных, как правило, не являются предметом экспорта.

Весьма важна для нас классификация обрабатываемых земель

античными авторами. Так, римский агроном I в. до н.э. Варрон писал: «Нивой называется вспаханная и засеянная земля; полем — участок, который вспахан, но еще засеян; новью — участок, который раньше засеян, но еще не обновлен новой вспашкой» (пер. М.Е. Сергеевко)¹⁰⁶.

Итак, первое место в наших выборах занимает голозерная мягкая пшеница. Она была одной из основных хлебных культур античной эпохи в Крыму. Данная культура, вероятно, обладала засухоустойчивостью, скоропелостью и благодаря своему короткому стеблю устойчивостью к полеганию. Иными словами мягкая пшеница была наиболее адаптирована к местным почвенно-климатическим условиям. И давала наибольший выход муки и незначительный отрубей.

По мнению палеоботаника З.В. Янушевич, именно описанная мягкая пшеница была той самой легковесной понтийской пшеницей ввозимой в Элладу, о которой упоминает известный ученый Феофраст и мелкозерной, о которой пишет римский энциклопедист Плиний Старший¹⁰⁷.

Примыкающая к Евпатории равнина как нельзя лучше подходит под описание тех мест, где следует по рекомендации античных агрономов сеять пшеницу: «все хлеба особенно идут, — пишет Солумела — на ровных открытых местах, обращенных к солнцу и залитых им, с рыхлой почвой» [Col., 2, 9, 3]. «На сухих местах, — замечает Катон, — не травных и открытых, сей пшеницу» [Cato., 34, 3] (пер.

М.Е. Сергеевко). По сообщению безусловного древнегреческого авторитета IV — начала III Феофраста, весьма благоприятно на произрастание пшеницы действуют морские ветры и бризы, хотя она и ячмень могут в период цветения и сразу после него погибнуть и от ветров [Theoph., VIII, 6, 6; 7. 6; 10, 2]¹⁰⁸. Их дополняет византийская сельскохозяйственная энциклопедия «Геопоники» X века: «Зерновой хлеб лучше сеять на тучной земле и на равнины; ячмень — на земле средней». «Ячмень нужно сеять на земле не очень сырой, а скорее вовсе сухой. Хлеб же должно сеять на очень сырой, быстро превращающейся в грязь земле: он в такой лучше растет» [Геопоники, II, 12, 1; 13, 1 — 2]¹⁰⁹.

При существовании в античный период в Северо-Западном Крыму лесостепи, природные условия были здесь еще более благоприятны для полеводства: климат в целом более мягкий и влажный, дубравы и рощи защищали нивы от летних суховея и, что особенно важно для открытых пространств, от вымерзания озимых посевов не столько от стуж, сколько от выдувания корней ветром. Принимая же во внимание водоохранное значение лесов, можно предполагать большую, чем сейчас, обводненность нынешних сухоречей и балок.

Второе место среди пшениц, резко уступая предшествующему виду, занимает полба (пшеница-двузернянка). Составляющая всего 1,82 % от всей выборки в греческом горизонте Керкинитиды. Любопытно, что небольшой

удельный вес полбы в полевых культурах Крыма (всего один-два процента) был характерен (при сравнении) и для первой половины XIX века, а в юго-западной части полуострова вплоть до 30-х годов прошлого столетия. По всей видимости, двузернянка, так же как и в Таврической губернии, высевалась хотя и в небольшом количестве, но в самостоятельных яровых посевах. Она засухоустойчива, хорошо переносит климатические колебания, неприхотлива к различным почвам, пересиливает сорняки, устойчива к полеганию, способна к длительному переставиванию в зрелом виде, обладает хотя и не высоким, но стабильным по годам урожаем. Присутствие полбы может свидетельствовать не только об употреблении ее зерновок для разнообразия пищевого рациона греков в виде весьма калорийной высокой по своим вкусовым качествам каши. Под ее посевы в соответствии с советами античных агрономов вполне могли использоваться наименее пригодные (глинистые или сырые) участки вдоль оврагов и балок. Не лишено смысла предположение о том, что двузернянка, как древнейшая культура человечества, могла использоваться в ритуальных целях. В аграрно-религиозных представлениях древней Аттики (в элевсинских мистериях в честь богини Деметры и ее дочери Коры-Персефоны) были распространены земледельческие обряды в честь божеств, связанных с плодородием, при которых в глиняных необожженных (вероятно

грубо обожженных) горшках готовилась священная каша из всевозможных зерновых и бобовых, являющаяся неотъемлемой частью священнодействия¹¹⁰.

Ситуация с выращиванием полбы резко изменилась во второй половине II в. до н.э., когда Керкинитида оказалась в руках скифов. Она стала доминирующим сортом пшеницы на поселении (25 %), уступая по общему показателю лишь ячменю. Большое количество отходов от обмолота двузернянки в чистом виде были выделены при анализе саманных кирпичей печи в одном из скифских помещений. С приходом нового населения — следует признать — полностью сменилось соотношение видового состава зерновых культур, а вместе с ним, вероятно, и система земледелия, свойственная степному и лесостепному Причерноморью.

Состав культурных злаков и сорных растений указывает нам исходный пункт скифской миграции: Нижнее Поднепровье и лесостепь. Не с этим ли связано появление тут типично лесных и лесостепных озимых засорителей голозерной пшеницы и ржи: костера полевого и костера ржаного. Этот сорняк — не космополитичен, лишь изредка встречается в степном Крыму, но широко распространен на нивах Поднепровья и лесостепи.

Таким образом, захват скифами во II в. до н.э. пространства северо-западного Крыма в агрономическом отношении был несомненным регрессом, приведшим к отказу от устоявшейся системы

земледелия и видовом соотношении культурных сортов. О том же свидетельствует и плохой отбор посевного материала: в наших пробах двузернянка засорена зерновками предшествующей ей мягкой пшеницы — результат крайне неудовлетворительной очистки семян и недостаточной борьбы с постоянными засорителями полей. Однако основная причина кроется в перенесении на новое место жительства традиционных форм хозяйствования, более низким, чем у греков уровнем агрономии, проявившемся, в том числе в переходе от озимых посевов мягкой пшеницы к яровым полбы. Природно-климатические условия для произрастания последней были неблагоприятны. Все это вытекало в отсутствие необходимой преемственности в земледелии при военном захвате территории. Именно условия хранения урожая двузернянки — в виде не обмолоченных колосьев или не обрубленных колосков, сев не семенами, а колосками — объясняют появление свойственного только верхнему скифскому горизонту Керкинитиды большого количества огромных зерновых ям. Процесс очистки ее зерновок достаточно сложный и трудоемкий, требует обрушивания колосков и колосьев в специальных ступах, что производилось непосредственно перед самым ее употреблением в пищу. Поскольку весьма сомнительно предполагать вывоз не очищенного зерна, полба вряд ли могла быть экспортной культурой.

В наших пробах из греческого горизонта памятника пре-

обладает многорядный ячмень (почти 78 % от общей массы), что абсолютно не свойственно палеоботаническим наблюдениям на других поселениях северо-западного Крыма, где он везде занимает устойчивое второе место. Следует правда, отметить, что в основу анализа обычно положены сборы, взятые с сельских поселений. Мы же имеем дело с выборкой, происходящей из городского центра. Заметна устойчивость многорядного ячменя на засоленных солонцеватых почвах и его лучшая приспособленность ко всем невзгодам степного Крыма. Ячмень не требует для себя хорошей земли и может давать урожай и на тощей.

Находки всего нескольких зерновок ржи в скифском горизонте городища позволяет предположить, что эта культура, хотя и в небольшом количестве, но выращивалась в чистых посевах, а не являлась засорителем озимой пшеницы. Вид этот нетребователен к почвам: хорошо развивается на солонцеватых, мергелистых и щебенчатых землях. Чистый пар под рожь, как правило, не отводился, и она высевалась обычно по стерне озимой пшеницы.

В пробах из Керкинитиды встречено несколько клонов винограда, а из раскопок происходит ручной тарапан. Для нас же наиболее важным является то обстоятельство, что один культивированный клон происходит из слоя конца V в. до н.э. еще задолго до освоения пространства северо-западной Таврики дорийскими переселенцами из

Херсонеса. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что селекцией и выращиванием винограда, правда в значительно меньших размерах и, вероятно, преимущественно в расчете на собственное потребление, занимались керкиниты.

Обычно считается, что в античный период применялась двухпольная система полеводства. Только В.И.Кадеев допускал возможность применения трехполья в Херсонесе, начиная с IV в. до н.э. со звеном севооборота: пшеница—ячмень (или просо) — пар¹¹¹. Основным хлебным злаком в Керкинитиде, как уже сказано выше, была мягкая пшеница. В первые два столетия жизни колонистов, при более прохладном климате, она высевалась, вероятно, в яровых посевах, что соответствовало наиболее оптимальным условиям ее выращивания. О том же говорят более мелкие по сравнению с последующими размеры зерновок. Как свидетельствуют палеоботанические материалы, существенные изменения в агрономии произошли к рубежу IV — III вв. до н.э. Именно с этого времени в пробах растительных остатков с поселения Северо-Западного Крыма стала встречаться рожь и ее постоянный засоритель Воробейник полевой. Рожь затем к моменту внезапной гибели населенных пунктов конце первой трети III в. до н.э., по всей видимости, вышла в чистые посевы, пересилив в наиболее суровые зимы пшеницу.

Столь важные изменения в севообороте прибрежной рав-

нины, приведшие к переходу от яровых к озимым посевам, подводят нас к принципиальному выводу о некотором потеплении климата в рассматриваемое время: переход от прохладно-влажной к тепло-сухой фазе. Иными словами, постепенное накопление разнообразных природных факторов (например, изменение коэффициента увлажнения) достигло такого предела, за которым последовали качественные изменения окружающей среды. Следовательно, в нашем случае это могло привести к перемещению географических поясов на 100 — 150 км, то есть на один градус. Именно с указанного времени получило широкое распространение виноградарство и виноделия на Боспоре и в меньшем объеме на расположенной северней Ольвийской хоре, а около Пантикапея произрастали чисто южные растения такие как: высокая смоковница и раскидистый гранатник.

В соответствии с современными классификациями севооборот аграрной округи Керкинитиды относится к полевому типу и зернопаровому виду. Их посевы были бессменными. Такая система, как представляется, была распространена только на размежеванной подконтрольной полису территории, с жесткой регламентацией государством площади отдельного надела. Вместе с тем, при избытке целинных земель, причем несколько лучшего качества, и отсутствия в непосредственной близости от города оседлого земледельческого аборигенного населения,

керкиниты, по всей видимости, неоднократно предпринимали попытки распахать степи с окончательной целью закрепления ее за собой. Естественно, в таком случае они вступали в острое противоречие с сезонно кочевавшими здесь скифами. Вполне вероятно, что расположенные недалеко от Керкинитиды скифские курганы с каменными изваяниями на них помимо своего прямого назначения маркировали полисную хору, ограничивая ее дальнейшее пространственное расширение вглубь полуострова. Трудно представить, чтобы эти погребальные насыпи устраивали прямо сельскохозяйственных угодьях. Любые неурядицы в Скифии создавали благоприятные условия для увеличения хлебного экспорта эллинов — стимул, при известном особом плодородии целины, более чем достаточный для таких рискованных действий. Если наши рассуждения верны, то в данном случае тут применялась переложно-залежная система земледелия. На это как будто указывает находка в одной из проб среди пшеницы трех семян эгилопса: типичного представителя сорно-полевой флоры, характерной для посевов последних лет перед забрасыванием старой пашни в перелог.

Таким образом, номенклатура известных в Керкинитиды злаковых позволяет, как нам представляется, предложить следующие наиболее рациональные схемы севооборота с одними и тем же составами культур для V — IV вв. до н.э.: 1) пар, 2) яровые, 3) яровые. Они имели следующую рота-

цию: 1) пар, 2) яровая пшеница, 3) яровой ячмень. Для более теплого климатического периода IV — II вв. до н.э. соответственно схема: 1) пар, 2) озимые, 3) яровые; со звеном севооборота: 1) пар, 2) озимая пшеница или с III в. до н.э. озимая рожь, 3) яровой ячмень. Иными словами, мы склонны допускать появление на определенном этапе развития полеводства, скорее всего, не ранее второй половины V в. до н.э. наиболее прогрессивной системы земледелия трехполья. На раннем этапе, возможно, предположить применение переложной системы. Однако она вряд ли применялась длительное время: полис достаточно быстро, по всей видимости, стал жестко регламентировать использование хоры.

Приведенный выше анализ палеоботанических материалов с полной очевидностью показывает нам, что Феофраст был достаточно точно информирован как о номенклатуре злаков, так и сроках их посевов [Теорф., VIII, 4, 6]. Да, действительно, «тамошние жители» высевали хлеба в два срока: осенью в сентябре — октябре озимую пшеницу, весной в марте — яровой ячмень, а за пределами Крыма и яровую пшеницу. Верно так же и то, что озимые хлеба — в нашем случае мягкая пшеница — отличается мягкостью и легковесностью. Не лишено достоверности и упоминание о твердой пшенице: правда, она была более распространена в горных и предгорных районах у тавров и поздних скифов.

Наиболее сложным для нас является вопрос об урожайно-

сти основных зерновых культур в античный период, поскольку он не получил почти никакого отражения в письменных источниках, за исключением ремарки Страбона об исключительном плодородии равнинной части Крыма: «Во всяком случае, поле, вспаханное первым попавшимся лемехом, приносит урожай в 30 мер» (пер. Г.А.Стратоновского) [Strabo., VII, 4, 6]¹¹². Однако такие данные выглядят слишком неправдоподобными, кроме самого факта высокого плодородия крымской равнины. Кроме того, из-за слишком разных географических условий, мы практически лишены возможности привлекать данные, которые можно извлечь из трудов ученых земледельцев древней Греции и Италии.

У нас есть все основания предполагать о возможной схожести климата второй половины IV — III вв. до н.э. и последней трети XIX — первой четверти XX столетий. К тому же, в указанное время на полуострове господствовали экстенсивные формы ведения хозяйства без использования химических удобрений. За почти полувековой отрезок времени, начиная с 1882 г., средняя урожайность пшеницы составила около 7 ц/га, ярового ячменя — 5,7 ц/га или в среднем сам-6 и сам-5. Именно эти данные можно взять за основу при оценке продуктивности сельского хозяйства Керкинитиды¹¹³.

Анализ статистических данных с полной очевидностью свидетельствует о крайней неустойчивости урожайности зерновых. Как тут не вспомнить вывод,

к которому пришел Р.Ганзей на основе анализа письменных источников древней Греции: «продовольственный кризис был часто, но голод — редко»¹¹⁴.

Резкие колебания сбора хлебов при относительно низком уровне агрономии полностью зависели не только от количества, но и от своевременности выпадения осадков, умеренности температуры в весенние и летние месяцы, увлаженности почвы в момент сева, господства тех или иных ветров, непосредственного воздействия низких температур, а главное от резкого колебания температуры в течение зимы. Не следует забывать о периодичности катастрофических засух северного полушария: порядка 5 полных недородов на 100 лет (наподобие голода 1921 года). Засухи, неурожай, голод, помноженные на разорение хоры варварами (в буквальном смысле, а так же и тем, что они не давали возможности собирать урожай) сопровождались постоянным их спутником — социальными конфликтами, смутами и бесплатной раздачей хлеба. Все перечисленные природно-климатические и внешнеполитические факторы, безусловно, оказывали большое влияние на сельскохозяйственное производство в античный период.

Исходя из максимальной численности населения Керкинитиды в 2000—2200 человек в середине IV в. до н.э., ежегодной нормы потребления хлеба на одну душу в 310 кг и среднегодовой урожайности в 7 ц/га полисная хора должна была занимать площадь в пределах 80—90 км². Примерно

треть вычисленной выше площади вполне могла разместиться между Богайским заливом Сасык-Сивашского и Мойнакским соляными озерами, внутрь степи на 6-8 км от моря. Вполне естественной северо-западной границей хоры Керкинитиды являлось, по всей видимости, простирающееся глубь полуострова озеро Донузлав, расположенное на расстоянии 40 км вдоль побережья от древнего города. В юго-восточном направлении хора могла включать в себя пространство в 25 км сплошной песчаной косы между озерами Сасык-Сиваш,

Сакское и Кизил-Яр. От последнего к югу начинается сплошной береговой клиф, разрываемый долинами главных крымских рек. Если вспомнить, что территории между названными водоемами могли быть заняты дубравами или даже сплошной лесной полосой, то аграрная округа Керкинитиды, в основном, простиралась в противоположном северо-западном направлении. В таком случае с хорой Керкинитиды связаны археологические памятники, предшествующие сплошной херсонесской колонизации региона во второй половине IV в. до н.э.

«Ни эллину, ни варвару...»

Выведенные на отдаленное понтийское побережье (почти на край земли в представлении древних греков) и лишённые какой-либо существенной поддержки со стороны своих метрополий, окруженные варварскими племенами, эллинские апойкии были предоставлены практически сами себе и, следовательно, нуждались в организации своей самозащиты. Только хорошо продуманная система обороны могла гарантировать переселенцев от не всегда мирных контактов с туземным окружением, а также от возможных посягательств на их суверенитет со стороны других греческих общин. Отсюда стремление коллектива колонистов, как только он накапливал достаточно сил и средств, приступить как можно скорее к окружению своего поселения оборонительными стенами и башнями. Ниже рассмотрим отдельные открытые раскопками — пока на относительно небольшом протяжении фортификационные сооружения Керкинитида и попробуем восстановить оборонительную систему города в целом.

Вопросы безопасности, так же как и торговли, учитывались уже сразу при выведении колонии в силу сложившейся колонизационной практики, что достаточно ясно отмечают такие древнегреческие авторы, как Фу-

кидид и Ксенофонт¹¹⁵. Вероятно исходя из таких соображений, Керкинитида была основана на выступающем к востоку мысу, получившем впоследствии название Карантинного, — между Евпаторийской бухтой, берегом моря и слабовыраженной балкой, в низовьях которой имелся мелководный лиман (*Рис. 2–5*). Древняя городская гавань располагалась к северо-востоку от поселения — там, где в настоящее время находится современный морской порт; глубина тут была вполне достаточной (при более низком в то время уровне черноморского бассейна). Такое местоположение апойкии с самого начала благоприятствовало обороне поселения колонистов, так как предполагаемый неприятель мог беспрепятственно проникнуть в него только с одной — северо-восточной напольной стороны. Именно это направление являлось наиболее уязвимым и требовало защиты в первую очередь.

В настоящее время территория памятника представляет собой прямоугольное в плане всхолмление, размерами 400 x 135 м, вытянутое с юго-востока на северо-запад (*Рис. 17; 29*). Оно возвышается над окружающей местностью на 4,5–5,0 м, но имеет резкое понижение на юго-запад (при перепаде высот 2 м) и более поло-

гий наклон в противоположную сторону. Культурные отложения в целом представляют собой в вертикальном сечении близкую к трапеции фигуру с приблизительно одинаковыми сторонами. Причина именно таких очертаний памятника, как горизонтальных, так и вертикальных определяется самим механизмом образования культурных напластований. Как известно, градостроительство обычно начинается с того, что какая-либо территория заранее определенная древним архитектором (астиномом) под застройку, обносится по ее периметру оборонительными стенами. И лишь затем это замкнутое пространство застраивается жилыми и общественными зданиями. При такой последовательности дальнейшая строительная и хозяйственная деятельность приводила к наслоению античных культурных отложений внутри закрытого пространства крепостных стен, которые одновременно выполняли роль подпорных кладок-крепид. В этом случае дневная поверхность внутри города постоянно повышалась, в то время как снаружи она оставалась на прежнем уровне. В результате наслоения отложений внутри города оборонительные стены в своем основании получали дополнительное усиление; здесь образовывался своего рода валганг — обычно искусственная подсыпка изнутри стен с целью их усиления. При дальнейшей целенаправленной перестройке фортификационных сооружений и, как правило, частичной или даже полной их разборке куль-

турные отложения не успевали оплывать по сторонам. Если же крепостные стены разрушались и больше никогда не восстанавливались, а камень из них выламывался для других нужд, культурные напластования по краям, естественно, размывались и приобретали плавные очертания. Иначе говоря, современный рельеф античного памятника определенным образом отражает планировку древнего города (Рис.4).

На протяжении всей истории Керкинитиды трижды наблюдалось расширение ее территории и увеличение площади городской застройки. Вполне понятно, что такие градостроительные перемены приводили, каждый раз к полной перестройке не только жилых кварталов и общественных зданий, но и, прежде всего, оборонительных сооружений. Более того, именно с крепостных стен и начиналось новое строительство. Такая последовательность диктовалась не только интересами безопасности, но и вполне практическими целями. Так, при сооружении оборонительных стен стремились максимально использовать весь строительный материал от предыдущих фортификационных построек. Ведь сам процесс добычи и обработки твердого сарматского и оолитового известняка достаточно трудоемок и требует немалого числа профессионалов-каменщиков. Конечно, вторично использованный камень лишь частично покрывал возрастающую потребность в нем. Основная же его масса добывалась в каме-

ноломнях, а поскольку пласты известняковых пород находятся в окрестностях Керкинитиды на очень небольшой глубине и даже местами выходят на поверхность, каменоломни могли устраиваться недалеко от самого города. Кроме того, перекрывающие известняк суглинки использовались для изготовления сырцовых кирпичей, завершавших крепостные стены. Сам процесс разработки строительного камня хорошо известен благодаря открытию античной каменоломни у городища Чайка, к северу от Керкинитиды. Последовательность работ была следующей: сначала полностью раскрывали известняковый горизонт, залегающий на очень небольшой глубине, а затем его поверхность размечалась в соответствии с требуемыми размерами камней. Киркой или каким-либо другим инструментом с острым концом пробивались пересекающиеся друг с другом борозды, позволявшие в дальнейшем с помощью ломов сбоку отрывать большими кусками отдельные пласты слоистой материковой породы. Обтесывая рваные блоки известняка, получали хорошо выкадрованные стандартные камни, которые и использовались при возведении укрепления Чайка.

Наша задача затруднялась тем, что за все годы изучения памятника были раскрыты небольшие по протяженности отрезки крепостных стен на разновременных, и к тому же расположенных на различных участках городища. Лишь на восточной окраине Керкинитиды в 1980—1987 гг.

были обнаружены остатки сразу трех разновременных крепостных стен, фиксирующие все этапы разрастания городской территории по направлению к Евпаторийской бухте. Из этих разрозненных фактов нам необходимо представить общую картину, отражающую хотя бы в первом приближении реальное положение вещей.

Прежде чем перейти к описанию фортификационных сооружений, приведем существующую в настоящее время их классификацию, предложенную Ф. Уинтером, которая поможет нам правильно понять наши местные памятники. На основании конструктивных особенностей названный автор разделил все оборонительные строения античных городов на три основных группы: во-первых, сырцовые стены на каменном цоколе; во-вторых, стены, в которых куртины и нижняя часть башен были каменными, а зубцы и верхняя часть башен из кирпича и дерева; в-третьих, полностью каменные стены. Последние составляют большинство городских укреплений, построенных после 400 г. до н. э.¹¹⁶ Большие трудности, естественно, связаны с выделением конструкции первого типа из-за отсутствия, как правило, каких-либо остатков сырцовых кирпичей. Главным их отличительным признаком, по мнению Ф. Уинтера, следует признать абсолютно горизонтальную на значительном протяжении поверхность каменного цоколя (как его фасадов, так и внутреннего заполнения). В ином случае каменная кладка

*Рис. 41. Крепостная стена
470–460 гг. до н.э. на восточной
окраине Керкинитиды.
Вид с северо-востока*

*Рис. 42. Крепостная стена
470–460 гг. до н.э. на восточной
окраине Керкинитиды.
Вид сверху, с юга*

имела бы неровную поверхность, а часть выломанных из нее блоков осталась бы возле стены. Высота аналогичных оснований равняется обычно 1,0–1,5 м. Согласно приведенной схеме, рассмотрим крепостные остатки Керкинитиды.

Пространственное развитие Керкинитиды протекало в три этапа: в 470–460 гг. до н. э., на рубеже V и IV вв. до н. э., в третьей четверти IV в. до н. э. От наиболее ранних стен пока открыт небольшой отрезок длиной 11,5 погонных метра восточной куртины с откосом и плитовым порогом калитки (Рис. 41–43). Куртина двухпанцирная, шириной 1,25–1,48, установленной высотой до 1,90 м. Причем ее нижняя часть на 0,80 м залегает ниже современного уровня грунтовых вод (рис. 43). По этой причине подошва кладки не была открыта. В наружном панцире поверх трех ложковых рядов были установлены орфостаты (плиты, поставленные на ребро) высотой до 0,76–0,78 м, длиной 0,60–1,10 м. Внутренний же панцирь стены — целиком бутовый, то есть сложен из камня, разнообразного по размерам и очертаниям. Пространство между панцирями плотно забучено более мелким камнем на глиняном растворе. Абсолютно горизонтальная поверхность каменной кладки явный признак того, что она служила цоколем для возвышающейся над ним сырцово-кирпичной стены, которая в данном случае отсутствует. Описанный объект — пока единственный так хорошо сохранившийся памятник

фортификационной архитектуры столь раннего времени в Причерноморье. К сожалению, отрезок куртины, примыкающий к упомянутой выше калитке с северо-западной стороны, был еще в древности полностью выбран, так, что не осталось даже самих нижних рядов фундамента или даже следов от них. Рассмотренный участок остался нетронутым благодаря использованию его в дальнейшем в качестве основания более поздней постройки.

Крепостная стена самого конца V в. до н. э. пока открыта лишь в одном месте, но на значительно большем протяжении — около 25,5 м (Рис. 44–47). Она — двухпанцирная и возведена на 11 м восточнее более ранней, описанной выше оборонительной линии. Кладка имела ширину 1,20–1,25 м, высоту — 1,56–1,58 м. Внешний фронтальный панцирь стены при ее последующей перестройке был местами полностью выбран, и камень его вновь использован в еще более поздней крепостной стене (Рис. 45–47). Тем не менее, насколько можно судить по оставшимся на месте фрагментам, особенно по откосам имеющихся в ней проемов, наружный панцирь был сложен из обработанных рустом прямоугольных блоков и поставленных на ребро плит (орфостатов) в высоту до четырех рядов кладки. Внутренний панцирь — полностью бутовый, а пространство между ними было плотно заполнено разнообразным камнем на глине. В забутовке этой стены было встречено большое количество экзотических пород

Рис. 43. Крепостная стена 470–460 гг. до н.э. на восточной окраине Керкинитиды. Деталь внешнего панциря. Вид с юга-востока

Рис. 44. Крепостная стена конца V в. до н.э. на восточной окраине Керкинитиды. Вид сверху

Рис. 45. Калитка в крепостной стене конца V в. до н.э. Вид с севера

магматического происхождения, доставленных сюда морским путем из Малой Азии в качестве корабельного балласта. Строго горизонтальная поверхность стены еще раз убеждает нас в том, что она завершалась сырцово-кирпичной кладкой.

На протяжении раскрытой нами в 1982 г. части крепостной стены имелось два проема: первый из них шириной чуть более полутора метров, являлся калиткой, в которую упиралась поперечная городская улица (Рис. 45; 47). В боковых откосах калитки остались пазы для дверных засовов. От второго проема пока раскрыт один выступающий внутрь пилон, что не позволяет определить его ширину (Рис. 44). Однако почти нет сомнений в том, что это остатки второ-

степенных городских ворот, распахивавшихся прямо перед жилым кварталом. Такое их местоположение в случае прорыва обороны именно здесь затрудняло неприятелю его дальнейшее продвижение. Для охраны калитки в куртине использовались, вероятно, сторожевые собаки, которые привязывались к торцу одного из камней, выступающих из стены ближайшего дома.

Фортификационные сооружения третьего строительного периода — середины IV в. до н. э. изучены наиболее полно. Их остатки обнаружены практически со всех четырех сторон древнего городища, но наиболее полно с его западной стороны, где открыты фундаменты двух крепостных башен и примыкающих к ним участков куртин

*Рис. 46. Остатки внешнего панциря крепостной стены
конца V в. до н.э. Вид с юго-востока*

(Рис. 17–18, 48). Толщина стен в основании составляет 1,60–1,80 м (Рис. 22). Они имели заглубленный в грунт на 0,70–0,90 м фундамент и немного сужались кверху. Башни в плане квадратные – 6 х 6 м; толщина их стен всего лишь 0,70–0,75 м. Стены башен и куртин – двухпанцирные были сложены из отесанных, в том числе и рустованных, блоков известняка. К сожалению, они почти полностью выломаны в конце II в. до н. э. скифами. Судя по сохранившимся остаткам стен IV в. до н. э., все они не имели столь характерной для более ранних оборонительных сооружений горизонтальной поверхности. Это наблюдение, так же как и наличие достаточно глубоких фундаментов, позволяет предпо-

лагать, что кладки эти были во всю их высоту каменными.

Крепостные строения Керкинитиды IV в. до н. э. в целом просуществовали до самого захвата города во II в. до н. э. скифами с той лишь разницей, что они были реконструированы в конце первой трети III в. до н. э. В указанное время, в связи с новым обострением отношений между кочевниками и Херсонесом, грозившим вылиться в войну, куртины были усилены в наиболее уязвимых направлениях. Последнее было достигнуто путем пристройки к существующим стенам дополнительных, так называемых противотаранных поясов, в результате чего они стали достигать в толщину от 2,5 м на западном участке и до 3 м

Рис. 47. Нимфей (бассейн) с внешней стороны крепостной стены конца V в. до н. э. Вид с востока

на северном. Угроза сарматского (?) нападения, вероятно, была столь реальной, что херсонесские фортификаторы не ограничились только перечисленными мероприятиями, а сделали еще один шаг: центральная наиболее узкая часть Керкинитиды (Рис. 29) была перегорожена самой мощной оборонительной куртиной, достигающей в ширину 2,70 м лицевой кладки и 3,0 м в основании (Рис. 49–50). Причем для ее сооружения пришлось полностью разобрать и сnivelировать жилые постройки не только по направлению самой куртины, но и на значительном протяжении вдоль нее, что диктовалось острой необходимостью свободного обзора примыкающего к стенам пространства.

Для таких кардинальных мер у керкинитов были весьма и весьма веские причины. Сама упомянутая стена, как и все предыдущие, — двухпанцирная и была на три ряда кладки (до 1,0 м) заглублена в землю. Она сложена из хорошо отесанных крупных и рустованных блоков пористого известняка. Ряды обоих панцирей — строго горизонтальны. Причем каждый вышележащий ряд на 5 см с одной стороны уже нижнего. Для того чтобы строго выдержать направление каждого каменного яруса стены, на поверхности нижнего ряда камней острым инструментом, вероятно, по шнуру прочерчивалась линия, отчетливо видимая и в процессе раскопок. Внутреннее межпанцирное пространство было плот-

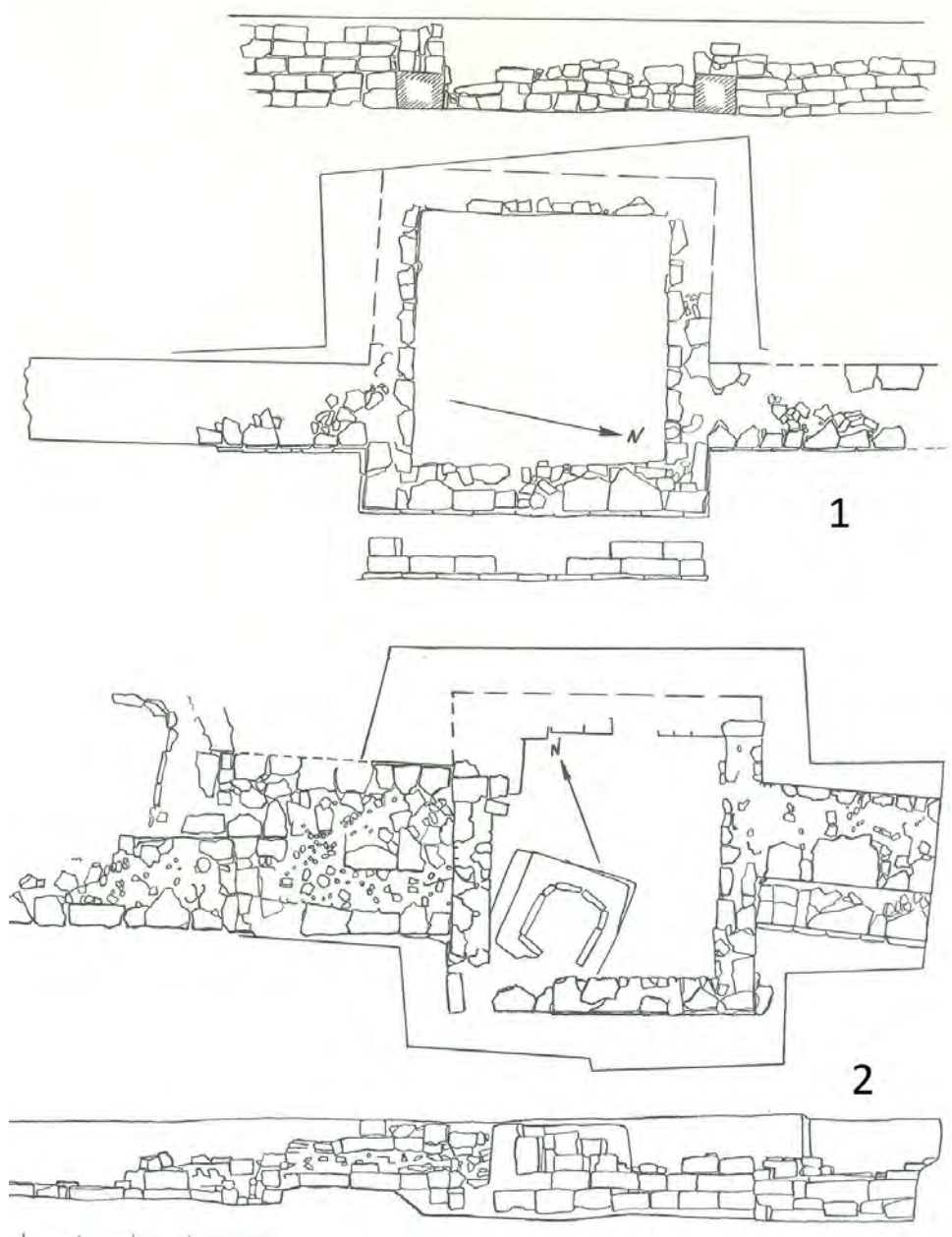

Рис. 48. Планы и разрезы башен №№ 1 и 2
на западной окраине Керкинитиды

*Рис. 49. Крепостная стена III в. до н.э., перегораживающая город поперек.
Южный внутренний панцирь*

Рис. 50. Внешний панцирь крепостной стены III в. до н.э. Вид с запада

но забучено разнообразным камнем на глине, видимо из тех же разнообразных жилых построек. Однако камней, уложенных «тычком», в панцирях почти не встречается, из-за чего нет необходимой связи между забутовкой и облицовкой. Не объясняется ли этот столь серьезный недостаток тем обстоятельством, что оборонительная кладка возводилась слишком поспешно и, к тому же, при отсутствии достаточного количества квалифицированных мастеров?

Таким образом, в ходе изучения Керкинитиды в разных стратиграфических ярусах памятника были открыты, хотя и на небольшом протяжении, но весьма выразительные отрезки оборонительных сооружений четырех исторических эпох, отражающих эволюцию этого вида зодчества на протяжении классического и эллинистического времени; периодические же их реконструкции отразили в себе развитие военной теории и тактики. Как уже сказано, к V в. до н. э. относятся два разновременных участка на восточной окраине города. Они не имели глубокого фундамента, а их верхняя часть была сырцово-каменной. Принимая же во внимание небольшую толщину стен, можно предполагать, что их боевые площадки выступали внутрь города и были сделаны из брусьев и толстых досок в полном соответствии с рекомендациями Филона Византийского¹¹⁷. Перестройка крепостной линии здесь была связана в конце V в. до н. э. с необходимостью расширения внутрикрепостного

пространства, то есть диктовалась решением чисто градостроительных проблем. Стена конца V в. до н. э. по своей толщине и высоте цоколя незначительно уступала предшествующим фортификационным строениям, что, однако, могло быть вызвано уменьшением свободного (удобного для маневрирования противника) пространства между оборонительной линией и морем.

Оборонительные стены середины IV в. до н. э. были полностью каменные. Хорошо обработанный камень был затем в значительной степени выломан скифами и вторично использован ими в своих постройках. И наконец, совсем иной характер носила стена III в. до н. э., перегородившая город поперек. Ее панцири конструктивно равнозначны и сложены из одинаковых по величине рустованных блоков.

Из приведенной краткой характеристики оборонительных сооружений видно, что на протяжении V—III вв. до н. э. происходит их конструктивное совершенствование, и не только за счет увеличения толщины стен (сначала от 1,2 до 1,50–1,80, а затем и до 2,70 м). Наблюдаются изменения самой их структуры — переход от сырцово-каменных конструкций к полностью каменным. Последнее, в свою очередь, потребовало сооружения достаточно глубоких, в зависимости от высоты стен, ленточных фундаментов. Изменения затронули также и фасады стен. Для оборонительных кладок V в. до н. э. отмечено устойчивое различие строительной техники

панцирей: в наружных использованы плотно подогнанные друг к другу рустованные или ровно отесанные блоки; внутренние — из равномерного, подтесанного на месте бута. Панцири стен IV в. до н. э. в основном однотипные. Наиболее совершенной в конструктивном отношении является стена III в. до н. э., панцирь которой в лицевой части сложен в орфостатной системе, а фундамент в ложковой.

Касаясь возможной высоты куртин и характера их завершения, следует вспомнить, что в трактате о фортификации Филона Византийского (вторая половина III в. до н. э.) рекомендуется сооружать стены толщиной десять локтей (около 4,6 м) и высотой двадцать локтей (около 9,24 м). В подобном случае неприятель не смог бы на них взбираться с помощью приставных лестниц. Однако, учитывая столь небольшую ширину оборонительных стен Керкинитиды и относительно малое заглубление фундаментов, приходится предполагать, что их высота вряд ли превышала 6–7 м. За время раскопок крепостных сооружений тут не было обнаружено ни одного каменного мерлона. Следовательно, стены не имели зубцов или таковые могли быть деревянными, или выложены из небольших плит или сырцовых кирпичей. Последнее маловероятно, так как сырцовый парапет легко бы размывался осадками. Зубчатый парапет, однако, не является обязательной принадлежностью античных куртин.

Оборонительная система Керкинитиды на всех этапах ее существования состояла (как и всюду) из чередования куртин и башен. Последние — квадратные в плане — выступали вперед и создавали возможность фланкирующего обстрела неприятеля. По своим пропорциям и толщине кладок башни совпадают с параметрами большинства аналогичных, как городских, так и сельских, укреплений IV в. до н. э. как собственно материковой Греции и Ионии, так и Северного Причерноморья. Именно такие башни получили особенно большое распространение с конца V — начала IV в. до н. э.¹¹⁸

По мнению А.Н. Щеглова, по всему периметру крепостных стен Керкинитиды общей протяженностью 1,2 км в IV в. до н. э. находилось не менее 12 башен высотой 10–12 м каждая. Этот вопрос, тем не менее, не может быть окончательно решен, поскольку расстояние между двумя открытыми башнями на западной линии обороны достигает 100 м. Столь значительная протяженность куртин, однако, вряд ли возможна. Судя по рекомендациям античных фортификаторов, в том числе и уже упоминаемого Филона Византийского, а также исходя из реально сложившейся практики оптимальной можно признать протяженность куртины порядка 50–60 м.

Детальное изучение отдельных участков разновременных стен и башен неминуемо подводит нас к необходимости реконструировать оборонительную систему Керкинитиды в целом на различных

этапах жизни древнего города. К сожалению, конкретных данных для восстановления фортификационной системы укрепления на первых порах его существования крайне недостаточно в силу не только слабой изученности оборонительных стен, но и всего раннего горизонта памятника. Определенную дополнительную информацию для решения рассматриваемого вопроса можно извлечь из современного, сложившегося в результате деятельности человека (и прежде всего в античную эпоху) ландшафта.

Исходя из описанного выше процесса накопления античных напластований и современной конфигурации памятника есть основания предполагать, что в V в. до н. э. город, как и окружающие его стены, имел очертания вытянутого с юго-востока на северо-запад прямоугольника с почти прямыми куртинами, рассчитанными преимущественно на фронтальный обстрел врага. К сожалению, до сих пор не удалось открыть ни одной башни указанного времени, а открыто лишь два отрезка куртин. Однако на западной окраине городища в современном рельефе наблюдается резкий перепад высот, не совпадающий по направлению с более поздней крепостной линией IV в. до н. э. Это позволяет реконструировать здесь западную оборонительную стену V в. до н. э. Она практически параллельна восточной. Более того — такой ландшафт местности позволяет, как нам кажется, предполагать, что и в более позднее время эта крепостная стена, утратившая

свое первоначальное назначение, могла использоваться в качестве крепиды: иначе трудно объяснить существование столь резкого уклона.

В середине IV в. до н. э. оборонительная система Керкинитиды полностью перестраивается с использованием новых фортификационных приемов. Теперь она представляла собой замкнутый многоугольник с периметром примерно 0,8–1,0 км, который сокращался в центре. Это было связано с изменившейся в указанное время тактикой обороны и осады укреплений (использование таранов, воронов, метательных и осадных машин). Так, на западной границе Керкинитиды вместо прямого отрезка стены V в. до н. э. возводятся две расходящиеся под углом 145° крепостные куртины с башнями. Причем включенное в городскую черту пространство приобрело треугольные очертания, неудобные для традиционной жилой застройки. Очевидно, основным мотивом здесь было не столько стремление увеличить территорию города (хотя и это было желательно), а решение каких-то иных задач. Аналогичные изменения, по всей видимости, коснулись и северной линии. Северный и восточный углы городища сейчас фиксируются возвышениями, отмеченными на крупномасштабных съемках и обозначающими, очевидно, развалы угловых башен. Как видно из плана города, на восточной окраине Керкинитиды направление оборонительной линии IV в. до н. э., в отличие от западной,

почти не отличалось от более ранней, что, вероятно, объяснялось близостью Евпаторийской бухты (Рис.29).

Указанная перестройка оборонительных сооружений по системе «косых куртин» могла диктоваться новыми требованиями, предъявляемыми к долговременным инженерным укреплениям. Это было связано, прежде всего, с отказом от прямого приступа крепостей как единственного средства их взятия при широком использовании инженерной осадной техники и метательных снарядов, которые получили широкое распространение во времена Аристотеля¹¹⁹. Ответная реакция заключалась в замене фронтального обстрела осаждающего город неприятеля более эффективным фланкирующим, а также устройством вылазных калиток для уничтожения подвижных к стенам осадных машин. Последнее обстоятельство вызвало необходимость изменения не только направления куртин, но и самой структуры оборонительных сооружений: вместо сырцово-каменных крепостных стен возводятся полностью каменные с мощными фундаментами.

Такие перемены в строительной технике и конструкциях оборонительных сооружений в самой Греции произошли на рубеже V–IV вв. до н. э., что свидетельствует о довольно быстром усвоении северопричерноморской периферией основных достижений фортификационного зодчества. Возникает вполне закономерный вопрос: против кого была направлена новая оборони-

тельная система Керкинитиды? Как известно, скифы в IV в. до н. э. не обладали соответствующими навыками осады и взятия крепостей. Лишь несколько позже — в период скифо-херсонесских войн — они научились использовать тараны, что подтверждается фактом сооружения дополнительных противотаранных поясов. Иными словами, активное укрепление Керкинитиды в середине IV в. до н. э. было рассчитано, прежде всего, на защиту города от врагов, владевших тогдашней передовой военной наукой, то есть, вероятно, эллинов. Единственным (с нашей точки зрения) полисом, потенциально угрожавшим Керкинитиде, мог быть в то время только Херсонес, приступивший к захвату Северо-Западного Крыма.

В 60-е годы III в. до н. э. поперек городища, в самом узком месте, была возведена наиболее мощная оборонительная куртина. При этом, как видно на сводном плане памятника, она своим западным краем примыкала к одной из башен, открытых Л.А. Моисеевым в 1917 г. С этой же стороны на крупномасштабной съемке видны следы траншеи от выборки из нее камня. Последняя полностью совпадает по направлению с самой крепостной стеной. По всей видимости, и восточный край ее примыкал к другой оборонительной башне, которую, однако, еще предстоит открыть. Таким образом, город был разделен на две приблизительно равные части: южную, площадью около 2,3 га, и северную, площадью около 3 га, в

каждой из которых продолжали находиться жилые кварталы Керкинитиды.

Факт возведения поперечной крепостной стены посреди города является красноречивым результатом того, что захват Керкинитиды неприятелем в III в. до н. э. уже стал живой реальностью для ее жителей. Именно исходя из такой возможности и было найдено данное архитектурно-планировочное решение: при прорыве неприятелем первой (северной) оборонительной линии население Керкинитиды могло укрыться в южной части укрепления, локализовав тем самым прорыв противника и заставив его вести боевые действия в невыгодной для себя обстановке в условиях узких (с многочисленными тупиками) улиц и плотной жилой застройки, с искусственно создаваемыми завалами, препятствующими дальнейшему продвижению врага, тормозящими его маневрирование. Тем временем гарнизон города мог продержаться до прихода основных сил из Херсонеса.

Одновременно с возведением новой оборонительной линии в III в. до н. э. были значительно усилены (путем пристройки с наружных сторон дополнительных поясов) другие наиболее уязвимые отрезки крепостных стен. Толщина куртин стала местами

достигать 2,5–3,0 м. В этой связи любопытно вспомнить не лишнюю правдоподобия догадку Ю.Г. Виноградова об использовании Скилуrom осадной техники для захвата Керкинитиды, Калос-Лимена и других укреплений. В качестве ее обслуживающего персонала могли привлекаться греки с Боспора, имевшего династические связи со скифской царской семьей¹²⁰. В таком случае проводимые жителями Керкинитиды мероприятия были не лишены смысла.

Реконструкция оборонительной системы Керкинитиды на различных этапах ее формирования стала возможной на основе изучения всех известных в настоящее время участков крепостных сооружений, как открытых ранее, так и в последние годы. Рассмотрен также и сам процесс перестройки оборонительных строений, их постепенное конструктивное инженерное совершенствование — сначала путем усложнения реально существующих фортификационных сооружений, а затем и замена их принципиально новыми строениями. Анализ оборонительных укреплений Керкинитиды убеждает в том, что они реально отражают постепенные перемены в военном зодчестве античного времени.

Как строился город

Жизнь любого, в том числе и города древнего — это, прежде всего, никогда не утихающая строительная деятельность: от возведения жилых домов, благоустройства улиц и инженерных коммуникаций до проведения, время от времени, радикальных реконструкции города в целом. Если для ремонтов или локальных построек уже существующих частновладельческих зданий хозяева могли обойтись своими силами и умением, то для капитальных работ приходилось привлекать квалифицированных мастеров — каменщиков, штукатуров, плотников, кровельщиков. Поскольку же все жилые постройки античного города, как правило, сблокированы в кварталы и, следовательно, имели общие наружные стены, прочно перевязанные в свою очередь с внутренними перегородками, то мало-мальски значительное домостроительство, точно цепная реакция, охватывало целый квартал.

Уже в процессе подготовительных работ на строительной площадке неизбежно накапливались продукты разрушения обветшалых построек. В этот короткий момент жители близлежащих домов редко утруждали себя выносом бытового мусора и золы за пределы крепостных стен; чаще ссыпали их тут же, а

потом разгребали, разравнивали. Такая нивелировка городской территории приводила к повышенной дневной поверхности не только конкретного участка новостройки, но и примыкающих к нему улиц и переулков. Если же к сказанному добавить, что при подобных перестройках неизбежно сохранялась планировка города (разбивка на улицы, кварталы и даже на отдельные домовладения), то станет очевидной определенная степень подконтрольности городским властям строительной деятельности горожан. Коренные градостроительные перемены осуществлялись строго целенаправленно — по решению городского совета, при активном контроле специально назначаемых «чиновников» (что-то вроде современных городских и районных архитекторов); те же функции могли выполнять и астиномы (магистраты, следившие за соблюдением мер веса и объема). В круг их обязанностей, по словам Аристотеля, входило наблюдение за состоянием частных зданий, за их своевременным ремонтом и точным соблюдением границ домовладений ¹²¹.

Керкинитиды на протяжении всего периода своего существования была застроена сырцово-каменными постройками. Каждая из кладок состояла из невысокого, возвышающегося всего на

0,50–0,60 м над землей каменного цоколя, толщиной 0,40–0,45 м, на строго горизонтальной поверхности которого выкладывались стены из сырцовых кирпичей (Рис. 51–53). Правда, самих кирпичных рядов видно не было, поскольку они покрывались тонким (всего несколько миллиметров) мергелисто-глинистым составом, который условно можно назвать штукатуркой. Такая обмазка, равно как и некоторый вынос края кровли вперед относительно стены, предохраняла сырцовую кладку от размокания под воздействием атмосферных осадков. Если же принять во внимание высоту одноэтажных зданий в 2,5–2,7 м, то станет очевидным, что основной объем стенных конструкций состоял из сырцовых кирпичей. Каменные кладки цоколей жилых домов, за малым исключением, были двухпанцирные, сложенные с заливкой каждого ряда камней жидким глинистым раствором. При высыхании этот вяжущий состав вместе с известняком приобретал прочность, вполне достаточную для выдерживания тех нагрузок, которые предполагались в одно-двухэтажном доме. Кроме того, глинистая смесь обладала целым рядом ценных качеств, например, хорошим взаимодействием с окружающей воздушной средой, в которую она легко отдавала излишнюю влагу. Эластичность скрепляющего материала предохраняла конструкции от нежелательной деформации при неизбежной просадке здания. Последнее особенно важно, так как строительство, как правило,

производилось на недостаточно слежавшемся грунте.

Все потребные для строительства материалы в изобилии присутствуют в районе Евпатории. Уже сам Карантинный мыс, на котором располагается теперь Керкинитида, сложен в своем основании известняками. И хотя эти породы в черте древнего города залегают на большой глубине, они близко подходят к поверхности почти сразу за пределами поселения. Небольшими скрышными работами и без особого труда можно было раскрыть необходимый по площади участок каменного пласта. Тем более что сама скала перекрывалась суглинком, используемым для получения сырца. Затем с помощью ломов и кирок из преимущественно известнякового монолита выламывался камень требуемой величины и конфигурации. При переносе карьера немного далее от поселения можно было обойтись и вообще без земляных работ, так как скала выступает на поверхность.

Сарматский известняк весьма богатый материал для каменщиков: он достаточно мягок и поддается обработке, вместе с тем он и достаточно прочен, в состоянии выдерживать большие нагрузки. Не страшно ему и размораживание при тех резких перепадах температур, которые характерны для Крыма. Скала раскалывалась на блоки той величины, какие требовались в каждом конкретном случае. Тут же в карьере они начерно обкалывались и слегка подтесывались. Окончательная обработка

Рис. 51. Сырцовая стена на каменном цоколе в одном из домов Керкинитиды

Рис. 52. Рухнувшая сырцовая стена внутри одного из помещений дома конца V – первой половины IV в. до н.э. Вид с запада.

Рис. 53. Развал сырцовой стены, примыкающий к каменному цоколю в борту траншеи 1981 г.

материала проводилась на месте строительства. Практически ко всем каменным стенам, к их подошвам (или чуть выше), примыкал небольшой слой строительного известнякового отеса (5–7 см у жилых построек и до 0,20 м у фортификационных сооружений), налипающего на саму кладку и резко утончающегося по мере удаления от нее. Непосредственно этой каменной крошкой покрывают глинобитные полы помещений. Подобные наслоения оказывают неоценимую услугу археологам; они отчетливо фиксируют «дневную поверхность» времени возведения зданий, а, следовательно, отчленяют более ранние культурные отложения, предшествующие строительству, от позднейших, уже связанных

с эксплуатацией построек. Это дает возможность на основании археологических находок и монет из древних напластований более или менее точно вывести дату сооружения жилых комплексов и определить продолжительность их функционирования, а с другой стороны, известняковый отес говорит и о том, что камень окончательно подтесывался непосредственно при его укладке в стену. Сказанное относится преимущественно к буту, обрабатываемому, главным образом, с лицевой стороны, а также — блокам и плитам средних размеров. Правда, крупные, хорошо выкадрованные и рустованные (оконтуренные по всему периметру узкой стесанной полосой), притом орфостатные

(поставленные па ребро) блоки обрабатывались почти полностью в карьере. Каменный материал начинал накапливаться задолго до начала планируемых работ.

Строительная техника (вполне понятно) на протяжении двух-трех столетий претерпела определенную эволюцию. Характер кладки панцирей стен стал различным. Особое внимание уделялось отделке внешних, обращенных во двор или на улицу фасадов. Их обрабатывали с особой тщательностью, в то время как внутренние панцири были, по большей части, сложены из бута без соблюдения порядковки камней.

Внешние панцири наиболее ранних построек — V в. до н. э. — состоят из постелистого известняка в регулярной технике. Нередко в них укладывались просто крупные голыши; попадали в забутовку и образцы вулканических пород, привезенные из Малой Азии в качестве корабельного балласта. Откосы проемов отделялись полностью отесанными плитами. В самом конце V в. до н. э. широкое распространение в городе, наряду с сохранением предыдущих приемов, получили орфостатные полигональные и прямоугольные кладки. В первых из названных многоугольные плиты поставлены каждая на большую сторону, острым углом вверх. Разумеется, они при такой форме не могли быть плотно подогнаны друг к другу, а лишь касались боковыми сторонами. Их общий силуэт напоминает лезвие пилы (именно такое подобие дало обозначение этой строительной

технике). Образовавшиеся между плитами клинчатые промежутки заполнены камнями, точно подобранными по размерам и форме. Если оставалась необходимость, поверхность всей стены выравнивалась тонкими плитами (*Рис. 55*).

Особой оригинальностью отличался наружный панцирь одной из стен общей высотой 0,84 м. В нем четыре крупных пятигранных орфостата не соприкасались, а были раздвинуты на одинаковое расстояние друг от друга. Пространство между ними заполнено мелким бутом без определенной последовательности. В итоге получилось что-то вроде шахматной полосы (*Рис. 55*).

Прямоугольные орфостатные выкладки отличаются особой тщательностью подтески плит, их плотной подгонкой, хорошей выкадровкой блоков (*Рис. 55–56*). Они производят впечатление необычной монументальности. В действительности же сами плиты небольшой толщины — от 0,10—0,12 и до 0,20 м. Тем не менее, для вертикальных нагрузок такая стена годится; ее устойчивость вполне достаточна для жилых зданий. Таковы наиболее типичные строительные приемы каменщиков Керкинитиды. Однако, как видим, они проявляли изобретательность, разнообразия монотонность фасадов различными приемами кладки.

Радикальные перемены произошли в строительстве в IV в. до н. э. Прежде всего, полностью исчезли столь выразительные и изящные орфостатные кладки. Зато появились, наряду с продолжением использования бута-

вых кладок, стены, сложенные из блоков толщиной в ширину стены со строго выдержанной рядностью. Кладки зданий состоят из некоторых значительных по размерам (до 1 м длины) пиленых и прекрасно отесанных квадров. Да и в остальных постройках заметно стремление к большей монументальности, к лучшей обработке лицевых сторон известняка, сохранению горизонтальной рядности. Все это вело и к возрастанию прочности стен.

Не менее трудоемким, чем заготовка камня, было изготовление сырцовых кирпичей. Прежде всего, надо было тщательно подыскивать глинище. Глина в нем должны быть не песчанистой, не содержащей щебень или мелкий камень; ведь в последнем случае сырцы из такой глины при намокании начнут крошиться. Кирпичи формируются в деревянных ящиках стандартных размеров. Римский архитектор I в. до н. э. Витрувий настоятельно рекомендует для равномерного усыхания кирпичей выделывать их весной или осенью, так как жаркое летнее солнце приводит к деформации материала. Еще хуже использование сырого кирпича — при усыхании от него отслаивается штукатурка. Наиболее же пригодны для дела кирпичи, выделанные заранее, за два года вперед¹²². Правда, всем этим наставлениям строители следовали не в полной мере. В Керкинитиде встречаются сырцовые кирпичи с содержанием щебня, а также изготовленные из запесоченного суглинка.

Мастерская (или производственный комплекс по терми-

нологии авторов раскопок) по изготовлению сырцовых кирпичей была открыта на расположенном недалеко от Керкинитиды поселении Чайка, в так называемой усадьбе № 3. Здесь в заранее заготовленную глину добавляли песок и солому, а затем из такой глиняной массы формовали в деревянных ящиках кирпичи стандартных размеров 0,47х0,45х0,08 м. Последние в дальнейшем просушивали в тени под навесами, расположенными вдоль двора. Кирпичи аккуратно укладывались на ребро ровными рядами, под небольшим уклоном к внешней каменной стене усадьбы. В случае необходимости кирпичи могли окончательно досушиваться во дворе под мягким весенним и осенним солнцем¹²³.

Весьма близкий способ домостроительства дожил до нашего века в «калыбных» постройках, особенно распространенных в селах степного Крыма, отдаленных от месторождений камня. Они возводились из саманного (из смеси глины, навоза и рубленой соломы) кирпича на низком каменном цоколе, заглубленном в грунт.

К сожалению, сырцовая кладка сохранилась на месте (*in situ*) лишь на нескольких небольших отрезках стен и в рухнувших, но не рассыпавшихся фрагментах кладок, позволяющих увидеть их конструкцию (*Рис. 51–53*). И тому есть объяснение. Каждая из трех полных перестроек города (не считая многочисленных ремонтов и перепланировок отдельных частных домов) начиналась с разваливания и разравнивания

Рис. 54. Три яруса разновременных кладок Керкинитиды: начало IV в. до н.э. — третья четверть IV в. до н.э. — первая треть III в. до н.э.

старых сырцовых стен. В результате образовавшийся над полами построек слой глины был мощностью 0,60–0,80 м. Поверхность подобных наслоений достигала верхних рядов каменного цоколя или даже немного перекрывала его. Тем не менее, стены отчетливо проступали и просматривались.

Внешние границы и площади жилых комплексов за всю историю Керкинитиды ни разу не изменялись, следовательно, можно предположить и непрерывное использование этих же участков под строительство жилищ (ойкопедионов) одними и теми же семьями на протяжении длительного времени. Вновь воз-

водимые стены предпочиталось устанавливать на более ранних цоколях, которые в таком случае играли роль своего рода траншейных фундаментов. В процессе раскопок приходилось наблюдать любопытную картину: три яруса каменных кладок — одна над другой (*Рис. 54*). Не последнюю роль при этом играло то обстоятельство, что строительство приходилось вести на недостаточно слежавшемся грунте. Ведь семье, приступившей к сооружению нового жилища весной, к осени следовало отпраздновать новоселье. Интервал очень непродолжительный, но в нем нет ничего удивительного: ведь прежде чем

Рис. 55. Разные типы кладок, использованные строителями Керкинитиды: орфостатная полигональная кладка конца V в. до н.э.; внешний панцирь стены начала IV в. до н.э.; прямоугольная орфостатная стена конца V в. до н.э.

Рис. 56. Орфостатная кладка конца V в. до н.э., сложенная из прямоугольных хорошо отесанных плит в одной из кладок

начать строительство, следовало разрушить старое здание — другого участка в черте плотной городской застройки получить было негде.

Однако когда приходилось в связи с новыми потребностями изменять планировку жилого комплекса, строители, случалось, отступали от прежней планировочной схемы. С конца V в. до н. э. роль фундаментов стали играть так называемые песочные и слоевые основания под капитальными стенами зданий. Особенно большое распространение они получили с третьей четверти IV в. до н. э. Такие подсыпки состояли из заполняющих траншеи чередующихся прослоек песка и золы, песка и глины, а то и чистого песка. Последнее в Керкинитиде

доминировало. Такие нехитрые с первого взгляда приспособления обеспечивали равномерную просадку всего дома — ведь возведение построек осуществлялось (напоминаем еще раз) на плохо слежавшемся сырце. Это позволяло избежать перекосов стен и прочих неприятных последствий. Надо сказать, что ранее необходимость в таких приемах практически отсутствовала из-за того, что первоначальное строительство велось на естественном песчанистом грунте.

Заменяющие каменные фундаменты структуры были особенно распространены в бедных камнем местностях, например в Ольвии, Березани, Истрии. Они получили условное название «ольвийские субструкции» и состояли, в от-

личие от керкинитидских, из чередующихся и утрамбованных землисто-золотых и песчаных подсыпок. Такое объяснение, однако, абсолютно неприемлемо для Керкинитиды, в ближайшей округе которой имеются обильные месторождения известняка. Появление в Ольвии подобных слоевых конструкций диктовалось необходимостью заложения фундамента в грунте неравномерной плотности, а, следовательно, подверженного оползням и различным сдвигам. С другой стороны — острым дефицитом достаточного количества камня, который приходилось привозить морем из иных мест. В Ольвии также открыты и полностью аналогичные песчаные подсыпки.

Происхождение этих приспособлений получило различное истолкование у исследователей. Одни из них связывают появление слоевых оснований, прежде всего, с продолжением ионийской (малоазийской) строительной традиции (Б. Фармаковский и др.) По мнению других, этот оригинальный технический прием зародился в районе Нижнего Побужья и не свойственен Ионии (С.Д. Крыжицкий, А. Вонсович). Аналогичные структуры в Керкинитиде и Березани появляются раньше, чем в Ольвии, ионийской по своему происхождению. Тем не менее, только в последней они получили всеохватывающее применение, отличались постоянством и четко выраженной регулярностью.

Широкое и почти одновременное распространение слоевых субструкций, прежде всего, в

ионийских колониях Северо-Западного Понта (Истрии, Березани, Ольвии и Керкинитиде) свидетельствует о том, что само принципиальное инженерно-техническое решение — замена траншейных (ленточных) фундаментов из камня другими, более простыми и экономичными, но вместе с тем довольно надежными субструкциями, родилось в метрополии, а затем было перенесено в ее дочерние апойкии. Этот оригинальный строительный прием был усвоен, усовершенствован и развит (особенно в Ольвии и Истрии) в соответствии с конкретными геологическими условиями каждого из ионийских причерноморских городов. Недостаток же сведений о слоевых «фундаментах» или иных близких по составу и функциям конструкциях под постройками малоазийских городов — результат, по всей видимости, недостаточной изученности их застройки в историко-техническом отношении.

Итак, мы детально рассмотрели основные строительные элементы жилых комплексов Керкинитиды: фундаменты или заменяющие их основания, установленные над ними каменные цоколи и, наконец, возвышающиеся над последними сырцовые кладки. Иными словами, то, с чем приходится иметь дело археологам в процессе раскопок. К сожалению, в наших крымских условиях климата и почв, почти не сохраняются деревянные части построек. Поэтому можно только догадываться о характере межэтажных перекрытий, диа-

метре стропильных и коньковых балок, направлении скатов кровли и многого другого.

Осталось ответить на главный с точки зрения архитектуры вопрос: какова была этажность застройки? Обычно доказательством существования верхнего яруса служат каменные основания (две-три ступени) лестниц, такие действительно довольно часто встречались в Олинфе, попадают в Херсонесе и других местах. Признаком второго этажа могут считаться сильно заглубленные в грунт, по отношению к уровням дворов и улиц, цоколи. Нам же за все время раскопок удалось зафиксировать в Керкинитиде остатки лишь одной лестницы. Но ведь лестничные марши могли быть и целиком деревянными без какой-либо каменной базы.

На протяжении полуторастолетнего периода, как мы пытались показать, наблюдается развитие каменных кладок не столько за счет наращивания их толщины, сколько путем конструктивного совершенствования строительной техники этих сооружений. Несомненно, такая эволюция стен могла быть связана с новыми объемными решениями жилых зданий: с увеличением их высоты, с утяжелением перекрытий при переходе от легких тростниковых крыш к черепичным, с расширением пролетов и, наконец, с появлением вторых этажей. Верхний ярус двухэтажного дома, по всей видимости, делался облегченным — полностью сырцовым или фахверковым, т. е. состоявшим из деревянного каркаса, за-

полненного тем же сырцом или, скорее, плетнем, с обеих сторон обмазанным глиной. В итоге подобных новшеств неизбежно возрастала не только статистическая нагрузка на капитальные кладки, но и прибавлялись к ней нагрузки динамические, привносимые в жизнедеятельность обитателей дома. Строители не могли не считаться с этим и потому утолщали стены таких построек.

Судя по небольшой толщине ранних стен (0,35–0,37 м) Керкинитиды в V в. до н. э. была преимущественно (а может быть, и полностью) одноэтажным поселением. Почти полное отсутствие фрагментов черепицы при раскопках домов указывает на использование, в основном, саманного и камышового покрытий. А появление тут двухэтажных строений, возможно, имело место уже с конца V в. до н. э. Во внутреннем помещении одного дома, к примеру, располагались ясли (кормушка для животных) и вымощенный плитами пол. В южном углу комнаты располагалась печь. Вероятно, в зимнее время тут мог содержаться домашний скот. Но в таком случае три из четырех связанных между собой помещений (центральное из которых было для содержания живности) не могли быть жилыми. В этом случае приходится допускать существование верхнего жилого яруса. Наиболее вероятен второй этаж для жилых комплексов, возведенных после середины IV в. до н. э. Именно в это время возводятся полностью каменные во всю их высоту кладки, состоящие

из крупных пиленых и тесаных блоков и квадров. В то же время внутренние перегородки оставались и тогда комбинированными; о том говорят находимые внутри жилищ сырцовые развалы, правда, значительно уступающие по своей мощности предыдущим аналогичным отложениям.

Помимо высотного развития построек Керкинитиды наблюдается и заглубление некоторых помещений в землю. Появление первых подвалов складского назначения имело тут место еще в конце V в. до н. э.; раскопками установлено также использование под жилье в одном из зданий IV в. до н. э. целого подвального блока, в который можно было спускаться по широкому лестничному маршу (Рис.25).

Высота наземных помещений составила, вероятно, 2,5–2,7 м; комнат вторых этажей – 1,9–2,1 м; подвалов – 1,7–1,8 м. Высота двухъярусной постройки достигала 5,5 м. Уклон кровель равнялся 17–21°, а, следовательно, высота коньков могла быть при двускатной крыше 2,8–2,9 или 3,6–3,7 м при односкатной.

Таким образом, силуэт города был достаточно разнообразным – в нем чередовались одноэтажные и двухэтажные постройки, фоном для которых служили, вероятно, зубчатые крепостные стены и высокие башни. К сожалению, ничего нельзя пока сказать о постройках общественного характера – храмах того или иного культа. Их не могло не быть, но

археологам не посчастливилось раскрыть в Керкинитиде ни одного такого здания.

Покрытие кровель состояло из крупных прямоугольных керамид с вертикально выступающими бортиками, швы между которыми закрывались желобчатыми калиптерами, похожими на более позднюю «татарскую» черепицу* (Рис.57). Теплые желтые и светлые тона известняковых и сырцовых стен сочетались с коричнево-серыми камышовыми и красными черепичными кровлями. Цветовая палитра дополнялась изменчивой голубизной моря. Античный приморский город был по-своему нарядным и привлекательным.

Строительные остатки Керкинитиды наглядно демонстрируют строго выдержанные системы кладок, традиционные для ее метрополии и родственных центров Эгейского побережья. Однако со времени выведения колонии и до начала ее урбанизации прошел относительно длительный промежуток времени, возможно, равный жизни двух поколений колонистов. Отсутствие непрерывной их строительной деятельности на протяжении первых 50–70 лет, казалось бы, не способствовало сохранению необходимых строительных навыков. Тем не менее, при возведении самых первых крепостных стен и жилых домов керкинитов, а также при последующих достройках и перестройках были хрестоматийно выдержаны типичные для Греции схемы. По-

* Такое комбинирование кровельного материала в отличие от других приемов называется «сицилийской техникой».

Рис. 57. Развал рухнувшей черепичной кровли, состоящий из плоских керамид

добное было возможно лишь при условии постоянного посещения метрополии и визуальном восприятии реально существующих зданий при непосредственном наблюдении и осмыслении происходящих в строительном деле перемен. Вероятно, для наиболее значительных по объему и слож-

ности работ могли привлекаться высококвалифицированные специалисты (плотники и каменщики) с исходной родины и других районов греческого мира. Основной же объем трудоемких вспомогательных работ выполнялся самими жителями этой колонии.

Город – жилище и быт

Из многочисленных письменных свидетельств мы достаточно подробно осведомлены о частной жизни древних греков, их наклонностях, обычаях, привычках. Все это, естественно, нашло свое отражение в устройстве жилых домов, их планировке, в интерьерах и меблировке отдельных комнат. Однако яркие образы греческого быта, навеянные, в частности, античной драматургией, прежде всего, касаются главных эллинских центров и в первую очередь Афин. Достаточно детальные представления об устройстве частного жилища были получены также в результате крупномасштабных археологических раскопок и благодаря прекрасной сохранности архитектурных остатков таких греческих городов, как Приена, Делос и Олинф – известных античных центров. Для их жилой архитектуры характерны наиболее современное по тому времени благоустройство и особая комфортабельность. Надо иметь в виду, конечно, общий средний уровень домостроительства, поскольку и в таких крупных городах существовали как очень скромные постройки, так и весьма роскошные, и это в достаточной степени отражало социальную дифференциацию их обитателей.

Однако может возникнуть вполне закономерный вопрос:

насколько широко применялись основные достижения жилого зодчества в периферийных греческих поселениях, например, в Северном Причерноморье. В процессе археологических раскопок, как правило, раскрываются остатки городских жилых кварталов. Тем не менее, несмотря даже на хорошую (в археологическом понимании слова) сохранность отдельных зданий, точно установить функциональное назначение конкретных помещений внутри того или иного дома не всегда просто. Ведь археологам приходится в той же Керкинитиде иметь дело преимущественно с каменными цоколями и полами построек. От самого же интерьера внутри помещений почти ничего не остается. Главная причина этого заключается, прежде всего, в том, что большинство античных городов продолжало существовать длительное время, в процессе чего жилые сооружения неоднократно перестраивались их владельцами. Естественно, хозяева жилищ стремились в подобных случаях максимально использовать повторно в новом или обновляемом строении весь строительный материал от предыдущей постройки (черепицу, кровельный лес, камень, деревянные конструкции), не говоря уже о находящемся в употреблении

движимом имуществе. Таким образом, при каждой очередной перестройке того или иного дома стены его разрушались до цоколя самими же строителями. Затем площадь нивелировалась и на этой ровной горизонтальной поверхности осуществлялось новое строительство. Для археолога результат подобных действий — вариант далеко не самый худший. Хуже, когда сложность изучения памятника усугубляется позднейшими, как античными или средневековыми, так и современными перекопами и неизбежным в подобном случае переотложением культурно-исторических напластований.

Обнесенные оборонительными стенами города были в какой-то степени застрахованы от всевозможных неожиданностей. Тем не менее, нередко случаи, когда некоторые античные центры или поселения погибали внезапно — в результате быстрого и неожиданного разгрома, после которого они больше не восстанавливались или жизнь на них возобновлялась в более скромных масштабах. В таких обстоятельствах, даже при разграблении, основное содержимое построек оставалось на месте или, как говорят археологи, *in situ*. В процессе раскопок таких домов удастся, как правило, с достаточной полнотой восстановить быт их обитателей на момент катастрофы. Так, под развалинами сырцовых или каменных стен раскрывается провалившаяся внутрь дома черепичная кровля со сгоревшими и обуглившимися стропилами. Черепица перекрывает полы по-

мещений с домашней утварью, а нередко и с рухнувшей со стен штукатуркой. И хотя все это в процессе обрушения разбивалось на куски, все предметы могут быть в дальнейшем (если они тщательно собраны и зафиксировано их местоположение) восстановлены. Как ни парадоксально, но чья-то столетиями отдаленная от нас трагедия неопределимо помогает историко-археологическому исследованию.

Вернемся, однако, к Керкинитиде. За продолжительное время своего существования — с V по II в. до н. э. — город неоднократно (трижды) перестраивался полностью. Кроме того, первоначальное греческое поселение третьей четверти VI — первой трети V в. до н. э. состояло из небольших по площади (около 9–12 мI) полуземлянок, врытых в песок, стены которых были выложены из сырцовых кирпичей поверх невысокого временного цоколя. Пока открыты (лишь фрагментарно) остатки двух аналогичных сооружений, которые расположены в настоящее время на значительной глубине (до 5 м) от современной поверхности — на уровне и даже ниже грунтовых вод (*Рис. 58*). К тому же упомянутые полуземлянки являлись крайними северо-восточными строениями в апоикии, а само ее ядро располагалось немного южнее. К сожалению, раскрыть древнейшие жилища обосновавшихся тут колонистов из-за современной застройки не представляется возможным.

Качественный скачок в развитии Керкинитиды произошел в

Рис. 58. Сырцовая стена полуземлянки раннего греческого поселения конца VI – первой трети V в. до н.э. перекрытой более поздней наземной постройкой

конце первой трети V в. до н. э. (где-то в 470–460 гг. до н. э.), когда значительная территория Карантинного мыса была обнесена мощными крепостными стенами. Внутрикрепостное пространство было разделено на приблизительно одинаковые участки, сразу же застроенные домами граждан. Собственно, именно с этого периода можно говорить о Керкинитиде как об окончательно сложившемся в архитектурном отношении городе. Иначе говоря, процесс формирования полиса в градостроительном отношении в целом уже завершился; коллектив переселенцев показал свою жизнеспособность.

На базе реальных остатков фортификационных сооружений

и в результате исследования современного ландшафта предпримем попытку оконтурить территорию древнего города и проследить ее изменение во времени, несмотря на пока еще слабую изученность самого памятника. Если собрать воедино все разрозненные данные, то они позволяют предположить следующую схему пространственного развития Керкинитиды: в период перехода от земляночного к наземному строительству площадь города могла составлять 3,2–3,7 га; в самом конце V в. до н. э. – 4,2–4,3 га и, наконец, в середине IV в. до н. э. – 5,3 га. Все это требовало каждый раз полной реконструкции всей оборонительной системы, увеличения

Рис. 59. Жилая застройка конца V — первой половины IV в. до н.э. в центральной части города. Дома №№ 8 и 9. Вид с северо-востока

периметра крепостных стен и перестройки внутригородской территории. На протяжении последующих двух столетий — с третьей четверти IV и до второй половины II вв. до н. э. — не наблюдается изменений территории городища.

Столь трудоемкие строительные работы были вызваны несколькими причинами: прежде всего, естественным ростом населения полиса (его полноправных граждан) и, следовательно, — необходимостью увеличения внутрикрепостного пространства для увеличения числа жилых домов. Конечно, для таких кардинальных мероприятий, проводившихся с привлечением всего населения, выбирался момент,

когда жилые строения в процессе их эксплуатации ветшали и приходили в негодность. При каждом новом строительстве так же решались и накопившиеся градостроительные проблемы с учетом некоторой перспективы.

Предлагаемая нами схема пространственного развития Керкинитиды носит пока предварительный и предположительный характер, за исключением, пожалуй, последнего более ясного периода. Она, несомненно, требует существенной корректировки и дополнений в процессе продолжающихся археологических исследований памятника. Тем не менее, уже сейчас достаточно отчетливо обозначилась основная тенденция развития

Рис. 60. Жилая застройка конца V — первой половины IV в. до н.э. в центральной части города. Дома №№ 8 и 9. Вид с северо-запада

площади города: за счет полного и рационального освоения территории между Евпаторийской бухтой и лиманом с юго-западной стороны. Все это обеспечивало наиболее эффективную оборону (Рис. 5, 17).

Керкинитида имела четко выдержанную планировочную сеть, ориентированную с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад (под углом приблизительно 40° к линии север — юг). Планировочная структура жилых районов — направления улиц и очертания городских кварталов — была сохранена при всех последующих перестройках города (Рис. 59–65). К сожалению, сейчас мы обладаем крайне недостаточной инфор-

мацией о его планировке в целом. Раскопками раскрыты три поперечные городские улицы (шириной 3,0–3,2 м), две из которых оконтуривают один из кварталов шириной 36 м (Рис. 62–63). Расстояние между второй и третьей магистралями было достаточно для размещения здесь еще двух аналогичных кварталов тех же размеров. Следовательно, можно предполагать, что город был разделен поперечными улицами на кварталы примерно одинаковой ширины. Сложнее определить их длину. Отметим при этом, что открытая протяженность наиболее полно изученного квартала — 60 м, а само городище имеет в поперечнике около 120–130 м. Трудно предположить, что все

Рис. 61. Дом № 7 III – II вв. до н. э. на восточной окраине Керкинитиды. На ближнем плане – современные коммуникации

это пространство занимал всего лишь один городской квартал. Логичнее допустить иное – город был застроен кварталами, расположенными внутри крепостных стен в два ряда. В таком случае под защитой фортификационных сооружений в середине IV в. до н. э. находилось примерно 17–18 прямоугольных кварталов площадью около 2000 м² каждый и несколько участков треугольных очертаний, например, в западной части. Таким образом, принимая во внимание все сказанное выше, а также имея в виду одинаковую ориентацию всех строительных остатков Керкинитиды, можно полагать, что этот античный город имел в целом регулярную планировку, но с некоторыми отклонениями от нее вблизи обо-

ронительных стен.

В каждом жилом квартале, судя по имеющимся у нас ограниченным данным, могло разместиться 16–17 домов. Причем внутреннее пространство квартала членилось на не абсолютно равные участки как прямоугольных, так и ломаных очертаний (Рис. 66–67). Жилища внутри последних располагались преимущественно в три ряда. Это и предопределило необходимость устройства внутренних тупиковых переулков, соединяющих жилые комплексы с основными улицами города. Для Керкинитиды, как и для многих других греческих городов, например Приены, характерна одна особенность: обитатели многих жилых комплексов предпочитали

*Рис. 62. Жилая застройка IV – III вв. до н.э.
на восточной окраине Керкинитиды*

*Рис. 63. Жилая застройка IV – II вв. до н.э. Дом № 15
и поперечная городская улица. Вид с востока.*

Рис. 64. Разновременная жилая застройка V – IV вв. до н.э. центральной части памятника

Рис. 65. Дом № 9 конца V – первой половины IV вв. до н. э. Вид с севера

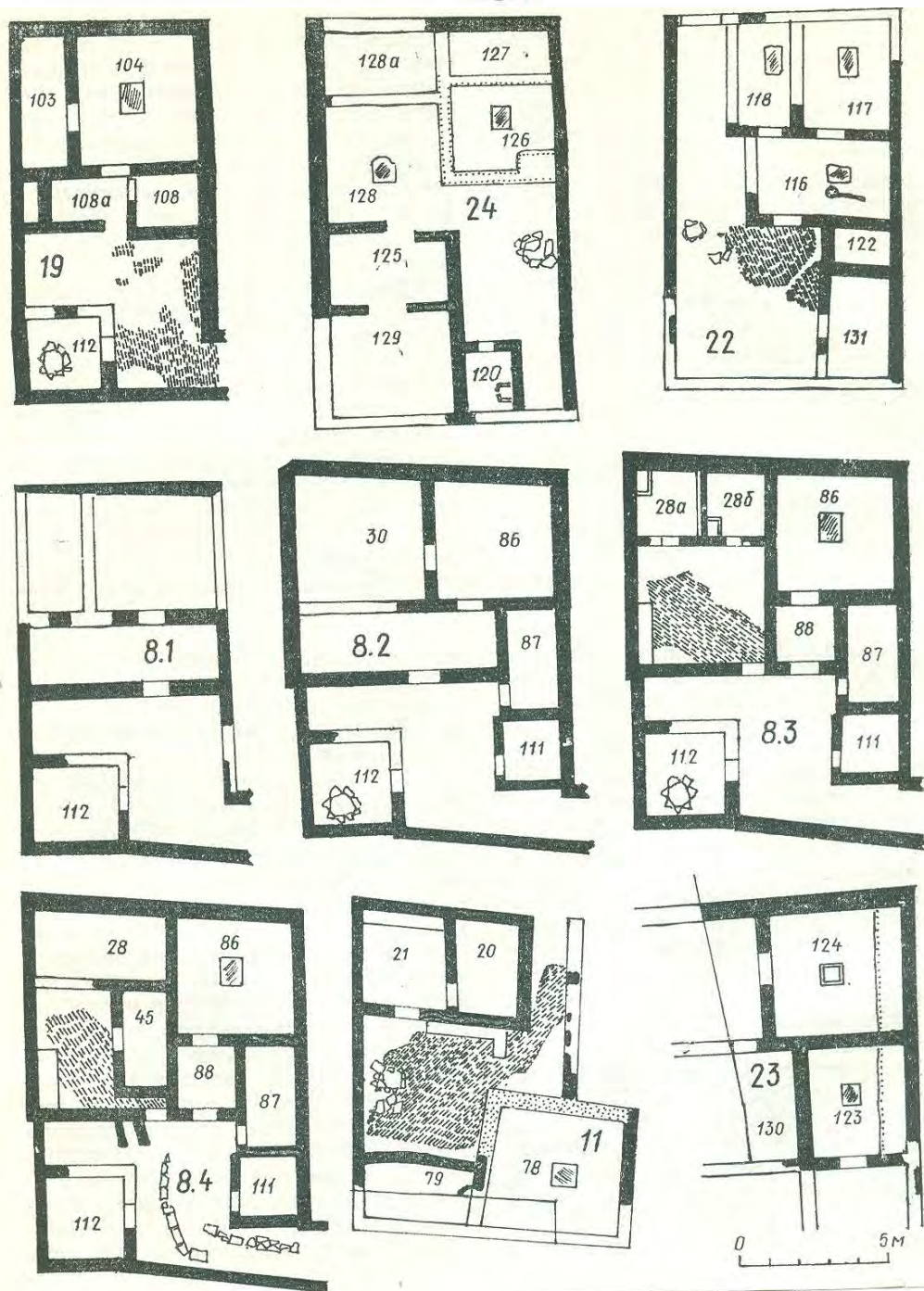

Рис. 66. Планы жилых комплексов V — первой половины IV вв. до н. э. — первого и второго градостроительных горизонтов Керкинитиды

устраивать выходы из своих зданий не на городские магистрали, а на глухие и тихие переулки даже в тех случаях, когда их дома располагались вдоль главных городских улиц.

Основу жилой застройки Керкинитиды на протяжении V—II вв. до н. э., как показали раскопки последних лет, составляли весьма скромные и небольшие по своим размерам безордерные дома с тремя—четырьмя комнатами (Рис. 66—67). Они — типичной греческой схемы, небольшой площадью — от 85 до 115 м². Это результат выделения гражданам полиса участков для застройки примерно равных размеров. Последнее, несомненно, являлось одним из проявлений демократических принципов в градостроительстве. Лишь в качестве исключений известны дома, в два раза превышавшие по площади традиционные жилища (дом № 13). Они имели пять—шесть комнат (Рис. 67).

Как известно, греческая семья была весьма патриархальной. Отсюда замкнутость частной жизни, отразившаяся в архитектуре жилых зданий. Дом древнего грека был целиком обращен во внутренний двор, соединяющийся с улицами узким входным коридором. Внешние его стены были глухими, и лишь во втором этаже (если таковой существовал) могли иметься небольшие узкие окна на улицу. Верхний ярус, как правило, занимала женская половина семьи: отсюда и его название — гинекейон. Вокруг двора, примыкавшего к одной из внешних оград жилища,

Г-образно располагались жилые и хозяйственные помещения. Причем последние нередко были блокированы под общей кровлей. В нескольких случаях (дом □ 7) перед жилыми комнатами находилась пастада — открытая или закрытая во двор узкая прихожая (Рис. 67).

Греки предпочитали строить свои жилища по так называемой солнечной системе, при которой жилые помещения находились на северной стороне двора с выходами на юг, что обеспечивало наиболее благоприятный для Причерноморья тепловой режим постройки; иначе говоря, северная стена здания защищала от холодных зимних ветров, а внутреннее пространство помещения дополнительно обогревалось, а заодно и освещалось солнечным светом ¹²⁴. В нашем случае, при описанной выше планировочной структуре города, для соблюдения этого принципа необходимо было располагать жилую часть комплекса в северо-западной или северо-восточной части усадьбы, что, преимущественно, мы и наблюдаем в Керкинитиде.

В настоящее время в разных стратиграфических горизонтах город полностью реконструируется планировкой 14 из 25 выявленных домов (Рис. 66—67). В большинстве случаев удастся надежно определить функциональное назначение отдельных помещений в жилых комплексах. И то и другое при изучении домостроительства Северного Причерноморья встречается не часто. Обязательными почти для каждого жилого здания Керкинитиды

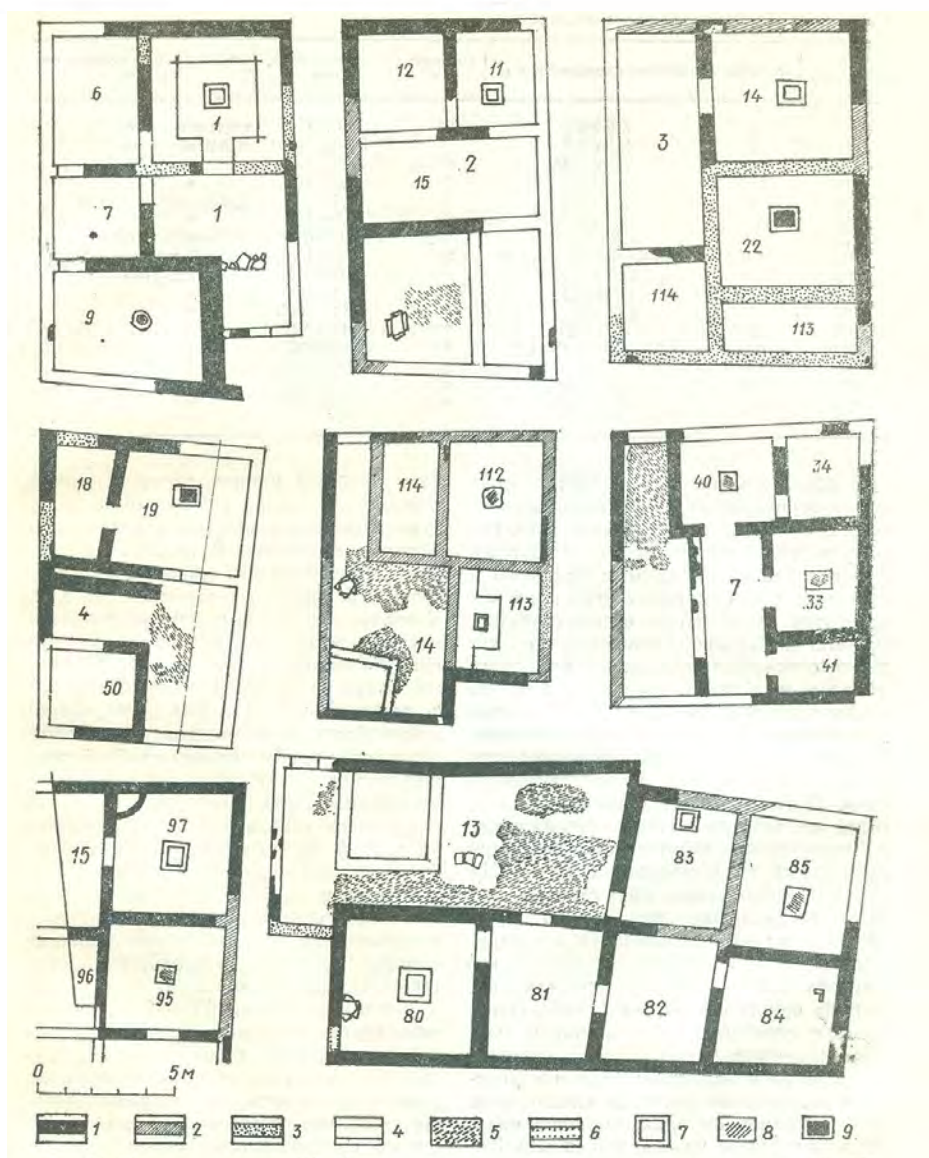

Рис. 67. Планы жилых комплексов второй половины IV — II вв. до н. э. — третьего градостроительного горизонта Керкинитиды.

были помещения площадью чуть более 20 м² с крупным, выложенным из отесанных плит очагом (Рис. 69). Такие комнаты — самые крупные в доме — располагались преимущественно в его северной части и занимали

доминирующее положение в жилище. В пяти случаях они имели практически одну и ту же площадь — 23 м² (Рис. 62–63). Все подобные помещения могут интерпретироваться как ойкосы (ойкос — слово полифункцио-

нального значения — жилище, жилье, помещение; во множ. числе — дом, семья, род и т. д.) — наиболее важное помещение в доме с главным очагом семьи, вокруг которого проводили свое время за повседневными хлопотами хозяйки, а вечером собиралась вместе вся семья. Очаг помимо своей прямой функции — отопления комнаты и приготовления пищи — служил и для отправления культа богини домашнего очага — Гестии. Ни в каком другом северопричерноморском (подчеркнем это) городе ойкосы так ярко не выявляются, что выгодно отличает Керкинитиду от других памятников городского типа. Зато аналогичные монументальные очаги открыты внутри почти каждого жилища Олинфа, расположенного на Фракийском побережье Эгейского бассейна, и в уже упомянутой Приене, в Малой Азии. Как показывают этнографические параллели (балкано-анатолийские и левантйские дома), в ойкосах и спали, особенно в зимнее время года. В этом случае комната делилась очагом на две части: первая — ближайшая к входу служила для работы, вторая — за очагом была для сна. В ней пол был, как правило, приподнят, и на ночь на него стелили постель, днем же ее складывали.

Очаг в центре обычно открытого типа и, вероятно, он топился «по-черному»: вокруг него всегда много золы, постоянно втаптываемой в земляной пол, в результате чего последний постепенно повышался. В Олинфе отмечено устойчивое сочетание

ойкоса с ванной и кухней: последние были гораздо меньших размеров и прямо входили в главное помещение. Однако в нашем случае из-за весьма небольших размеров самих жилищ можно предполагать полуфункциональное назначение всех комнат, в том числе и ойкосов, которые, несомненно, служили и кухнями.

Открытые очаги были обнаружены и в других помещениях, где они служили для отопления. Они в большинстве случаев были глиняными или сложенными из сырцовых кирпичей, нередко сверху накрытыми плоской черепицей (*Рис. 70*). Определить назначение таких комнат весьма затруднительно. У нас почти нет никаких данных об интерьере жилищ Керкинитиды. По всей видимости, внутренние, не имевшие прямого выхода во двор комнаты с очагами для их отопления были жилыми — обиталищами женской половины семьи, супружескими спальнями и т. д. Исключение составляет открытый в одном из зданий андрон, речь о котором в следующей главе.

Поскольку уже сейчас установлена обычная площадь и средние размеры жилого дома античной Керкинитиды (около 100 м²), есть основания попытаться вычислить примерную численность населения города. Методика таких подсчетов для античных городов предложена доктором архитектуры С.Д. Крыжицким. Она сводится к следующему: площадь жилой застройки в большинстве случаев составляет около 60% от всей территории города, улиц — 16%, а средний

Рис. 68. Питъевые колодцы в жилых комплексах Керкинитиды

Рис. 69. Выложенные из плит очаги открытого типа в домах Керкинитиды

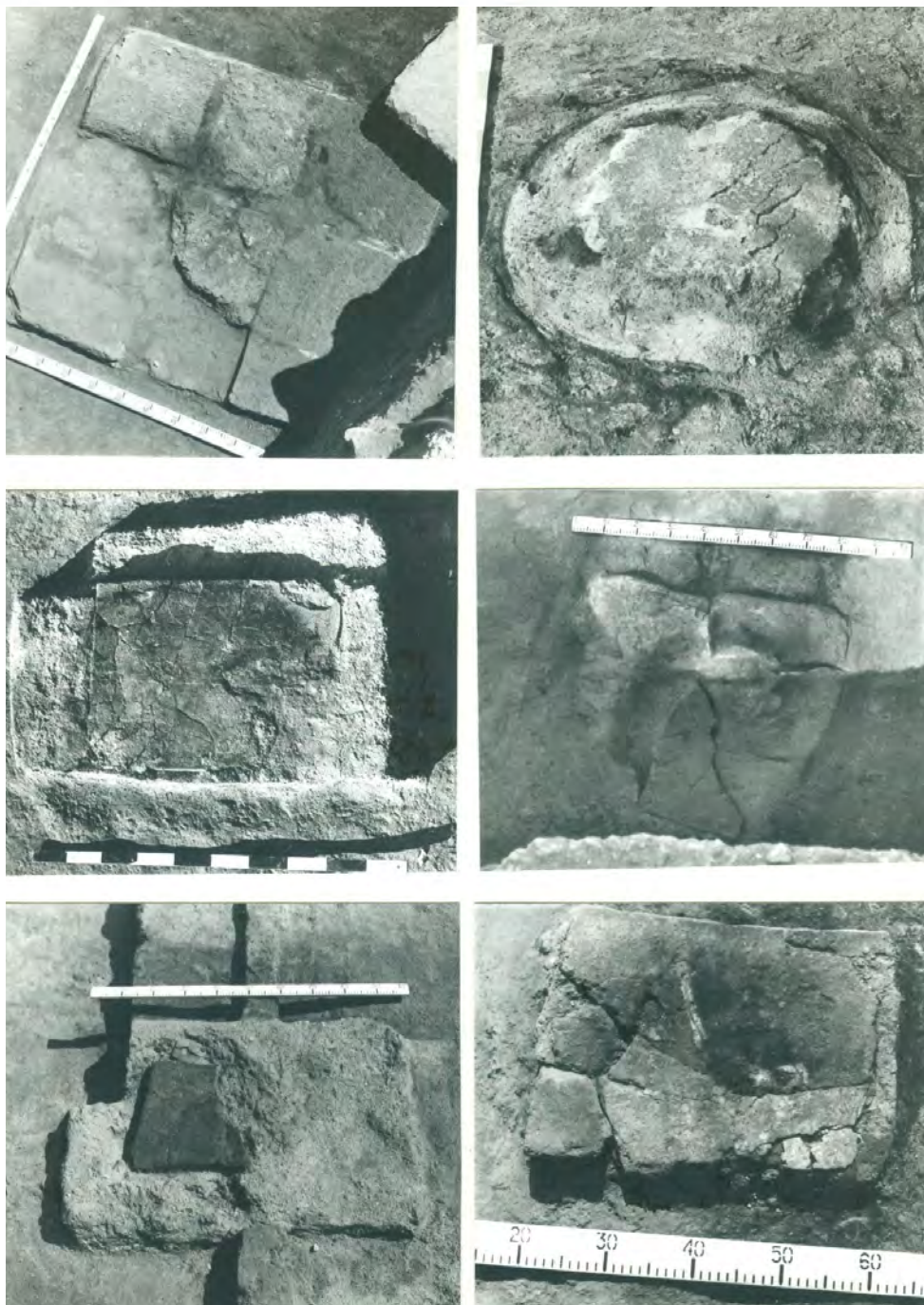

Рис. 70. Сырцовые очаги открытого типа в жилых комплексах Керкинитиды

состав семьи четырехкомнатного дома 7–8 человек. Количество жителей определяется по формуле, предложенной указанным автором¹²⁵. Для ее составления необходимо иметь данные о площади всей жилой застройки города, территории, занимаемой улицами, и, наконец, об усредненной площади одного типового дома. Если мы, зная это, из первой величины вычтем вторую и затем полученный результат разделим на третью, а остаток умножим на количественный состав отдельно взятой семьи, то выведем численность населения всего города. К сожалению, не обо всех необходимых в нашем расчете показателях мы обладаем сейчас достоверными сведениями, а скорее всего — приближенными. Иначе говоря, нам на данном этапе предстоит решить уравнение почти со всеми примерными величинами. Разумеется, ожидаемый ответ окажется приблизительным. Тем не менее, и он позволит как-то ориентироваться в демографии города, а, следовательно, и представить масштабы тех исторических процессов, которые тут протекали.

Попытаемся прикинуть возможное число керкинитов, исходя из конкретных градостроительных данных, а потом сверим их с расчетом по методу Крыжицкого. Внутри основного внутрикрепостного прямоугольника могло спокойно разместиться 16–17 кварталов стандартной величины и несколько усеченных треугольных, менее удобных для жилой застройки общей площадью, вероятно, не более 2 стан-

дартных кварталов (так называемые «неудобицы» — в смысле трудного размещения в них зданий прямоугольных очертаний). Следует принять во внимание, что пространство, примерно равное одному кварталу, занимала агора (центральная площадь) и часть территории была отведена под общественные и культовые постройки (например, теменос, без которого немислим ни один полис). Следовательно, под жилые застройки в IV в. до н. э. было отведено порядка 17 кварталов, включавших 270–290 домов с населением 1960–2240 человек. Получается, что под жилой застройкой было занято около 70% городской территории. На основании сказанного произведем расчет численности обитателей города и количества домов для предыдущих периодов жизни Керкинитиды по формуле С.Д. Крыжицкого. В итоге получим следующие данные: в Керкинитиде начала V в. до н. э. располагалось около 170 жилых комплексов, в которых проживало 1200–1400 человек, а в конце V — начале IV в. до н. э. — около 220–230 домов и 1600–1800 жителей. Число же первых колонистов, как уже сказано, вряд ли превышало 100 человек. Таким образом, налицо явный «демографический взрыв» сразу после основания апойкии и некоторая стабилизация прироста населения в последнее время.

При такой плотности населения необходима определенная степень благоустройства, обеспечивающего те элементарные санитарно-гигиенические ус-

ловия, которые требуются для нормальной жизни коллектива. Стоит признать, что наши знания об этой утилитарной стороне существования очень ограничены. Основным источником водоснабжения города являлись колодцы, расположенные как внутри отдельных жилых комплексов, так и на улицах и площадях (*Рис. 68*). Дождевую воду, стекающую с крыш, собирали в цистерны во дворах. Она, вероятно, использовалась в дальнейшем в технических целях. Улицы и переулки вымачивались известняковыми плитами, морской галькой, битой керамикой или просто утрамбовывалась их поверхность. Вдоль улиц проходили водосточные канавы и сложенные из плит водостоки, выводившие дождевую воду и другие стоки из жилых домов за пределы города через калитки и проемы в крепостных стенах или пропущенные прямо под куртинами. В нижнем ярусе V в. до н. э. одной из поперечных улиц был открыт канализационный канал, к которому со стороны жилища примыкала боковая ветвь. В трех местах над ним имелись люки, перекрытые простыми плитами, так что по ним можно было свободно ходить. При необходимости плиты можно было поднять для очистки стоков. По всей видимости, инженерно-коммуникационная система города была хорошо продумана, но остается пока нам не вполне ясна в деталях. Темным остается вопрос о таком столь неизбежном в повседневной жизни устройстве, как уборная.

В Олинфе, к примеру, они были размещены в узких тупиках, от которых вели закрытые каналы в общий дренаж на улицах, в Керкинитиде же пока зафиксировано только одно отхожее место, расположенное в углу одного узкого помещения. Интерпретировать его удалось по выгребной яме.

Суммируя все вышесказанное, следует признать, что Керкинитида являлась типичным эллинским городом со всеми традиционными для него чертами. Скромные ее размеры позволяют считать Керкинитиду небольшим городком (по древнегреческой терминологии — полихнийон, *ρπλ?чньпн*), а применяя современную географическую номенклатуру — поселком городского типа. В таком приравнивании, разумеется, есть определенная условность: сегодняшние п.г.т. нередко мало похожи на города, а отнесены к разряду таковых исходя из численности их населения. В античную же эпоху даже такие периферийные пункты, как Керкинитида, обладали всеми качественными характеристиками тогдашних городов. По существу, если из крупного античного центра выделить полтора или два десятка кварталов, обнести их крепостными стенами, то тогда мы и получим такой городок, как Керкинитида. Во всем же остальном: во внутренней структуре и планировке, характере жилой застройки, благоустройстве, фортификации — он ничем не будет отличаться от более крупного собрата.

Домашнее святилище

У древних греков кроме официальных государственных почитались божества, покровительствующие (по их представлениям) отдельным племенам, фратриям и родам. К тому же каждая семья имела свой домашний, так сказать, частный семейный религиозный культ, который традиционно, по мнению домохозяев, оберегал жилище вместе с проживающими в нем людьми. Общеполисные культы, помимо письменных источников, как правило, достаточно полно отражены в официальных полисных декретах, изданных от имени всей гражданской общины, символических изображениях на полисных монетах, в скульптурах работы известных всей Эллады ваятелей, выставленных в храмах или для всеобщего обозрения на площадях и т. д. В противоположность всему этому гораздо менее мы осведомлены об отправлении остальных ритуалов — главным образом из отрывочных замечаний и в том или ином свидетельстве античных авторов. Известно, например, что родовой культ сводился преимущественно к почитанию предков. Домашнее поклонение божеству особенно не афишировалось, оно было предметом особой заботы семьи, в нем принимали участие лишь члены небольшого сообщества, круга кровных родственников¹²⁶.

Поскольку отправление семейных религиозных ритуалов было связано с жилыми домами, то понятно, что информация письменных источников может быть дополнена наблюдениями, полученными в процессе археологического исследования жилых районов античных городов, где в ходе раскопок (в том числе и в Керкинитиде) нередко встречаются предметы религиозного культа. Для наглядной иллюстрации сказанного обратимся вновь к рассматриваемому нами памятнику. Так, в 1980 г. в северном углу одного из кварталов, на восточной окраине города, был раскрыт один небольшой, по площади чуть более 90 м², жилой дом (*Рис. 61, 71*). Он был построен в конце первой трети III в. до н. э. и просуществовал до середины II в. до н. э., то есть до самого захвата города скифами. Здание имеет в плане традиционную для древнегреческой жилой архитектуры схему: вдоль двух сторон маленького двора Г-образно располагались всего четыре комнаты (*Рис. 67*). Три из них своими дверными проемами выходили не прямо во двор, а в узкую, открытую наружу прихожую-веранду, которая получила у греков название пастада. Двор соединялся узким, мощенным галькой коридором с поперечной городской улицей.

*Рис. 71. Жилой комплекс III – II вв. до н.э. с домашним святилищем.
Вид с юга*

Сама эта постройка являлась сырцово-каменной: каменный цоколь с ровной горизонтальной поверхностью, толщиной 0,45 м, возвышался над полами всего на 0,50–0,60 м и был перекрыт развалом сырцовых стен. Сырцовые кладки не сохранились. Вопрос об этажности самой постройки остался открытым: она могла иметь как один, так и два яруса¹²⁷.

В связи с нашим повествованием особый интерес представляет северное угловое, очень скромное по размерам помещение (всего 8 м²) – единственное в здании без самостоятельного выхода в пастаду, а лишь в соседнюю смежную с ним комнату. Такое

изолированное его положение в доме, как выяснилось потом, оказалось не случайным. Так, в восточном углу комнаты на полу был обнаружен трехрожковый светильник (*Рис. 72*), а также найдены крупные фрагменты, по крайней мере, шести керамических протом*. Рядом в перекопе найден маленький известняковый алтарь, вероятно также связанный с описываемым помещением (*Рис. 73*). Среди терракотовых ритуальных предметов выделяется погрудное изображение богини плодородия и земледелия Деметры в башенной короне и с волнистыми, подобранными под головной убор волосами

* П р о т о м а – погрудное терракотовое скульптурное изображение божества, изготовленное в односторонней форме и предназначенное для подвешивания

*Рис. 72. Трехрожковый светильник с пола
углового помещения дома № 7*

традиционен в древнегреческой коропластике и встречается почти во всех эллинских городах и поселениях, в том числе Северного Причерноморья, включая и Керкинитиду, где они происходят из раскопок предыдущих лет. Опираясь на аналогии, протому следует датировать IV в. до н. э., вероятно, еще первой половиной столетия.

(Рис.74). Прямой нос, острый подбородок, полная шея и величественный взгляд — все говорит о том, что перед нами керамическая скульптура не девушки, а женщины средних лет. В ушах у нее — круглые серьги. Богиня в дорийском хитоне с прорезными рукавами. Руки прижаты к груди в ритуальном жесте, в левой руке — плод, в правой — цветок лотоса. Изображение — спокойное и торжественное. Верхняя часть протомы немного отогнута вперед, с ее внутренней стороны имеется отверстие для подвешивания. Она была первоначально разбита еще в древности и тогда же отремонтирована, на что указывают просверленные отверстия для свинцовых скоб. Место изготовления этой керамической полуфигуры остается неясным: светло-коричневая слоистая еогилина с большим количеством золотистых блесков не исключает самосское происхождение изделия. Описанный тип терракотовой скульптуры со сложенными в обрядовом жесте руками был

Остальная культовая терракота значительно уступает по своей художественной выразительности описанной и носит явно ремесленный характер. Они были рассчитаны на массового и непритязательного потребителя со скромным достатком. Отсюда происходит верхняя часть протомы Керы IV в. до н. э., изготовленной в Херсонесе с невысокой стефаной на голове, украшенной в центре бантом с розетками по сторонам (Рис. 75, 2). Гладкие волосы девушки спускаются на плечи. Другое изображение Керы, также херсонесского производства, дошло до нас с отбитой головой. Богиня либо обнажена, либо в ионийском, плотно облегающем тело хитоне; в этом случае ее левая рука согнута в локте и придерживает край покрывала, правая прижимает к груди голубя. Полная шея украшена ожерельем с подвеской (Рис.75, 1). Сама фигура богини несколько тяжеловесна, что говорит о невысоком уровне ее исполнения. Ее можно относить

к IV–III в. до н. э. На еще одной терракоте того же времени Кора изображена в высоком головном уборе (калафе), украшенном в центре бантом. Она плохо моделирована, имеет невысокий рельеф. Ее поверхность была сначала покрыта светлой обмазкой, а затем окрашена в красный цвет (*Рис. 75,3*). И, наконец, завершая перечень найденных в Керкинитиде произведений корапластики сакрального характера, следует вспомнить фрагмент средней части протомы, на котором видны кисть левой руки, придерживающей спадающий с головы край покрывала, и украшающее грудь ожерелье (пектораль) с желедеобразными подвесками (*Рис. 75,4*). Судя по данному обломку, именно эта протома была самой крупной и, следовательно, главной в описанной выше группе терракотовых фигур. Она отличается и более высоким качеством исполнения, тщательной моделировкой деталей.

Все эти предметы керамической пластики, относящиеся к религиозному ритуалу, судя по их местоположению в момент обнаружения на полу помещения, были подвешены либо на его северо-восточной стене, либо в восточном углу, напротив входа в комнату. Нахождение в одном месте протом Деметры и Кору, естественно, не случайность. Скорее всего, в этой части жилища располагалось домашнее, так сказать, семейное святилище их культа. Любопытно отметить и то обстоятельство, что все описанные предметы относятся к более

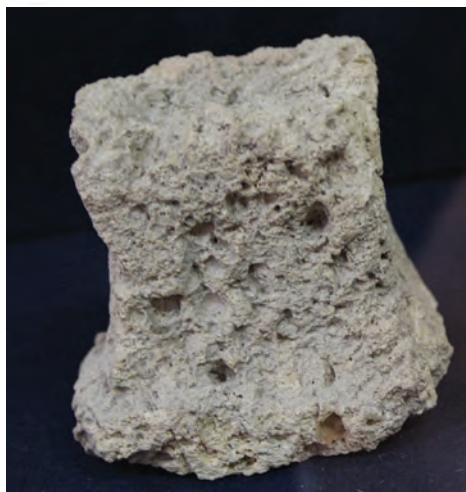

Рис. 73. Миниатюрный известняковый светильник

Рис. 74. Протома Деметры IV в. до н.э.

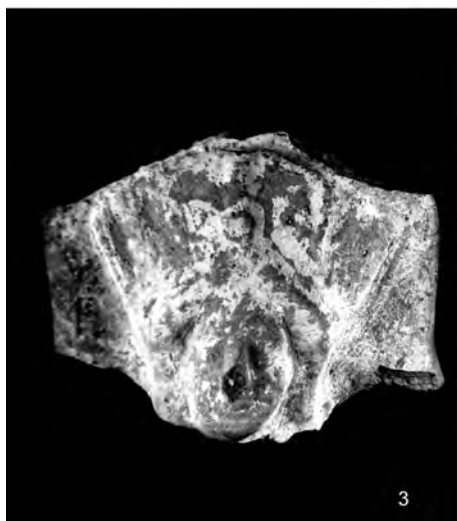
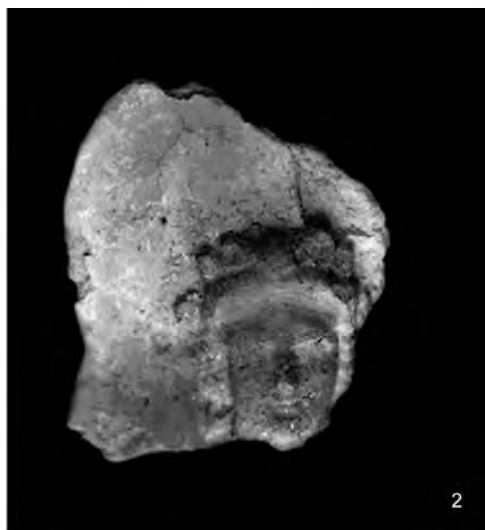

Рис. 75. Фрагменты протом из домашнего святилища. 1 — протома Коры (?), прижимающей к груди голубя. Херсонесское производство. Конец IV — III вв. до н.э. 2 — верхняя часть протомы Коры. IV в. до н.э. 3 — голова Коры. Херсонесское производство. Конец IV — III вв. до н.э. 4 — фрагмент средней части протомы с изображением левой руки и ожерельем на шее

раннему времени, чем сам жилой комплекс. Иначе говоря, погрудные фигуры использовались длительное время, ценились их владельцами и не только благодаря

их художественной выразительности, но и сакраментальному назначению. Большинство из них было доставлено в Керкинитиду из Херсонеса.

Обычно в каждом, достаточно крупном греческом доме была комната, а в более скромных жилищах, по крайней мере, ниша в ней или угол, связанные с отправлением религиозного культа. Последние не часто встречаются при раскопках жилых кварталов античных городов и поселений, главным образом из-за отсутствия достаточно выраженных для этого признаков. Надежным критерием в таких случаях служат находки алтарей, посвячительных надписей на посуде, пожертвованной божеству, скопление терракотовых статуэток и протом, наличие других предметов религиозного культа (глиняных и известняковых жертвенников, светильников и т. п. предметов). Все эти относительно небольшие вещи, как нетрудно догадаться, при перестройке или разрушении дома могли легко удаляться или перемещаться, лишая нас, таким образом, возможности судить о функциональном назначении отдельных помещений. Кроме того, находки только каких-то из названных компонентов не исключают случайности в атрибутировании той или иной комнаты.

Важно также себе представить, какое место в доме занимало такое помещение: использовалось ли оно в утилитарных целях или было связано только с отправлением ритуала? Незначительные размеры анализируемого здесь здания (всего четыре комнаты и пастада) позволяют, на наш взгляд, допускать полufункциональное назначение рассматриваемой комнаты. Не

последнюю роль при этом сыграла и ее изолированность от остальной части жилища, придававшая самой обстановке некоторую отрешенность от обыденных обстоятельств, столь необходимую для обрядовых действий — своего рода тайных мистерий. С культом Деметры-Коры была связана только северо-восточная часть помещения или, возможно, лишь восточный угол, где висели протомы. Под ними могла быть ниша в стене или полка, на которой стояли алтарь и светильник. Домашние святилища, как правило, занимают угловое место в постройке. Такое их положение, например, отмечено и в некоторых других памятниках Северо-Западного Крыма: святилище Геракла, Деметры и Сабазия в усадьбе на поселении Панское ¹²⁸, в святилище Геракла в сельскохозяйственной усадьбе у Мойнакского озера ¹²⁹, вблизи самой Керкинитиды.

Два из описанных выше предметов терракотовой пластики изображены с традиционными для этого культа атрибутами. На одном предмете, где показана Деметра в башенной короне, она держит в левой руке какой-то круглый плод — яблоко или гранат, на другом, вероятно, Кора-Персефона прижимает к груди голубя. Остальные терракоты сохранились более фрагментарно, что лишает нас возможности судить об изображении их с какими-то аксессуарами. Как хорошо известно, Деметра считалась покровительницей земледелия и плодородия обрабатываемой почвы. Она была богиней,

почитавшейся среди широчайших слоев эллинов, в основной своей массе земледельцев, чей достаток и благополучие целиком зависели от превратностей природы и плодородия культивируемой земли. При низком уровне агрономии судьба северопричерноморских колонистов была слишком изменчива, а отсюда и стремление древних греков хоть мистическим путем повлиять на урожайность своих полей.

Кора-Персефона как дочь Деметры также имела самое прямое отношение к земле — она богиня хлебных злаков и покровительница посевов¹³⁰. Именно с ее возвращением из подземного царства Аида связано возрождение и процветание природы после зимы. Следует, вместе с тем, иметь в виду, что функции Деметры и Кору не имели строгого разграничения. Обычно они почитались вместе, а их просто называли двумя богинями без имен, изображали вместе или их терракотовые фигуры находились рядом. В их честь во многих греческих городах устраивались различные празднества. Самыми популярными из них являлись элевсинские мистерии*, которые собирали в Элевсин эллинов со всей греческой ойкумены. К сожалению, мы очень мало осведомлены о проведении аналогичных, конечно, в более скромных размерах, празднествах в Северном Причерноморье. В нашем же случае мы имеем

дело не с официальным, а частным семейным отправлением этого земледельческого культа. Ведь основным занятием жителей Керкинитиды было выращивание именно злаковых культур. Следовательно, у керкинитов были все основания особо почитать божественную пару. Подтверждением сказанного служит не только описанное выше домашнее святилище, но и постоянно встречающиеся при раскопках жилых кварталов протомы и терракотовые статуэтки Деметры и Кору. Иначе говоря, почти во всех городских домах могли находиться семейные святилища такого же примитивного характера. К сожалению, они располагались в обычных комнатах зданий, ничем не отличающихся от остальных помещений. В выборе такой комнаты для сакраментальных целей принималось во внимание лишь расположение ее внутри самого жилого комплекса. Об использовании для обрядовых действий можно судить только на основании связанных с самим ритуалом предметов. Ведь от интерьера, как правило, ничего не осталось, а культовый инвентарь мог свободно перемещаться вместе с обитателями жилищ. Именно это и объясняет большую редкость домашних святилищ в Северном Причерноморье. Не является исключением и Керкинитиды, где из 24 открытых городских домов столь выразительные признаки

* М и с т е р и и — тайные культы, участие в которых могли принимать специально посвященные, только греки, не запятнанные никакими преступлениями. Такая их скрытость — причина нашей слабой осведомленности об этих культах.

Рис. 76. Известняковый алтарь в домашнем святилище одного из жилых комплексов IV – II вв. до н.э. в северном углу городища

святилища зафиксированы впервые. Отметим также, что в соседнем жилом строении, в одном из помещений, тоже обнаружена верхняя часть протомы Деметры и терракотовая скульптура связанной с ее культом свиньи – символа плодородия.

Таким образом, у нас есть все основания надеяться на открытие в будущем при раскопках Керкинитиды и других домашних святилищ (и не только хтонических*), которые не только дополняют наши знания о самом обряде, но, возможно, позволят раскрыть характер и смысл религиозных действий. Данный прогноз уже отчасти оправдался, когда в 1989 г. при охранных работах был раскрыт северо-восточный край

одного из жилых комплексов, состоящий из двух соприкасающихся помещений. Одно из них (площадью около 23 м²) с квадратным, сложенным из плоских плит очагом в центре, служило ойкосом. Второе, от которого выявлен только один угол, являлось семейным святилищем. На его существование здесь указывает стоящий с античной эпохи на полу целый известняковый алтарь (Рис. 76). К сожалению, отсутствует надпись на самом жертвеннике и ритуальный инвентарь, хотя бы такой, который был описан выше. Все это не позволяет выяснить, с почитанием какого божества было связано святилище. Зато тут обозначено само место священнодействия¹³¹.

* Х т о н и ч е с к и й – относящийся к плодородию культивируемой земли.

Трапеза в андроне

Как уже сказано, мы практически лишены возможности судить о том, как было обставлено большинство помещений Керкинитиды. Однако ряд конструктивных особенностей отдельных комнат позволяет без труда восстановить их назначение и с большей долей вероятности реконструировать интерьер. Так, при раскопках одного из небольших жилых комплексов (№ 1) третьей четверти IV в. до н. э., расположенного в центре квартала (Рис. 66), в одной из четырех комнат был

открыт необычный пол, вымощенный галькой, установленной на ребро на песочно-известковом растворе (Рис. 77–78)¹³². Галька была сверху также залита тонким слоем раствора, застывшая поверхность последней оставлена без какой-либо окраски. Сама же комната была почти квадратной формы (около 23 м²) и занимала северный угол постройки. Она имела выход прямо во двор. Вдоль четырех стен этого помещения располагались вымощенные аналогичным способом панели, немного приподнятые

Рис. 77. Андрон третьей четверти IV в. до н.э. в одном из жилых домов Керкинитиды. Фотоплан

*Рис. 78. Галечная вымостка андрона третьей четверти IV в. до н.э.
Вид с запада.*

над остальной частью пола (всего на 6–10 см). Последние имели ширину 0,82—0,93 м и были разорваны напротив входа. Центральное пространство комнаты представляло собой ровную площадку прямоугольной формы. По сторонам ее сохранились пазы от деревянной опалубки, укреплявшей края панелей в процессе строительства — до тех пор, пока не застыл раствор. К сожалению, от стены самого помещения сохранились лишь плиты их основания и более ранние кладки, использованные в качестве фундаментов.

Как видно из приведенного выше описания специфических особенностей комнаты, она занимала в доме особое место. Функциональное назначение

таких помещений было впервые верно определено в процессе раскопок одного из хорошо известных древнегреческих городов — Олинфа, где было только за первые несколько лет полевых исследований открыто более тридцати аналогичных построек. Д. Робинсон и Д. Грэхэм связывали их с упоминаемыми античными авторами андронами — обычно квадратными комнатами для приема гостей, праздничных трапез и пиров¹³³, которые своим названием обязаны древнегреческому слову, означающему мужа, мужчину. Они отличаются от остальных жилых помещений характерной для них панелью для установки пиршественных лож. Как известно, греки обедали, полулежа на клине — специально

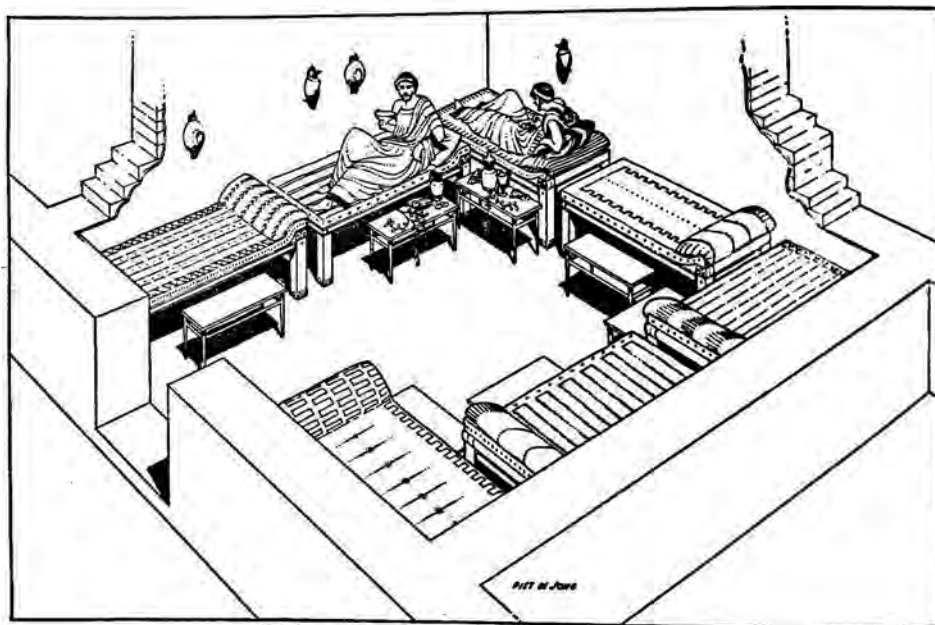

Рис. 79. Трапеза в андроне. Реконструкция Томпсона (1954)

предназначенной для этого тахте (Рис. 79). У эллинов помимо, так сказать, званных обедов, на которые хозяева приглашали гостей, был распространен обычай совместных трапез, так называемый сисситий — при коллективных затратах на их проведение. По мнению Аристотеля, участие в сисситиях «служат показателем принадлежности к гражданству»¹³⁴. Последние обычно проводились если не дома, то в специально предназначенных для этого помещениях, как например, вдоль южной стои в Афинах или у знакомой гетеры. В Спарте и некоторых других дорийских государствах участие в сисситиях было обязательным для всех граждан, разделенных специально с этой целью на отдельные возрастные группы.

Таким образом, андрон являл-

ся парадной комнатой и служил неотъемлемой частью дома семьи среднего достатка, не говоря уже о жилищах состоятельных граждан, где могло находиться несколько андронов разной величины. Нередко центральное, не занятое ложами пространство пола андрона украшалось галечной мозаикой или окрашивалось в красный цвет. Сами же панели, закрытые ложами и, следовательно, невидимые присутствующим, оставались в естественном цвете раствора (светло-серый тон) или выкладывались галькой темных и тусклых тонов. С особой тщательностью отделывались стены и потолок. Они, прежде всего, оштукатуривались и расписывались. В декоративной росписи стен как всегда преобладал излюбленный древними греками красный цвет. Однако нижняя,

не видная посетителям часть пространства стен окрашивалась в более тусклые тона. Как правило, над желтым или черным плитусом шел широкий светлый пояс, имитирующий орфостатный ряд стеной кладки (орфостаты — поставленные на ребро плиты). В более позднее, эллинистическое время (III—II вв. до н. э.) украшение стен андронов стало еще более изощренным: поле стены членилось на несколько декоративных поясов красного, желтого и их оттенков цветов, которые разделялись узкими орнаментальными полосками с растительным орнаментом, с узорами типа кимматия, меандра или какими-либо архитектурными элементами. Расписывались также и потолки. Поскольку стены керкинитидского андрона были выбраны до основания, остатков такой росписи, естественно, обнаружено не было. Тем не менее, тут же были найдены мелкие куски красной штукатурки; следовательно, стены описываемого андрона были раскрашены. Высокое качество галечных настилов и высокий уровень строительной техники позволяют ожидать открытия в Керкинитиде новых андронов, и некоторые из них могли украшаться мозаичным покрытием пола.

В Олинфе неотъемлемой частью многих андронов являлись небольшие прихожие. Там удалось проследить следующую закономерность: если в самой пиршественной комнате имелся мозаичный набор, то аналогичное покрытие находилось и в передней. Причем сюжетное изображе-

ние в прихожей было рассчитано на его восприятие не при входе со двора, а при выходе из самого андрона, в то время как в самом парадном помещении оно было ориентировано всецело на вход.

В наиболее богатых домах устраивалось по два андрона, каждый на разное число пиршествующих. Небезынтересным является вопрос о том, на какое количество мест был рассчитан керкинитидский андрон, то есть, сколько лож для пирующих было здесь размещено. Обычно длину ложа определяют равной среднему человеческому росту — 6 футов по Витрувию, то есть чуть меньше 1,80 м. Для андронов характерно несимметричное расположение дверных проемов. Перенос их в одну из сторон на расстояние, необходимое для расположения здесь в полную длину одного ложа; к другой стороне двери в таком случае мог примыкать лишь торец еще одной тахты. В нашем же случае вход в комнату располагался посреди стены, обращенной во двор и по сторонам его: таким образом, по всей видимости, размещались две тахты. Иначе говоря, при наиболее рациональном использовании всей панели на ее поверхность можно было установить восемь лож. Число же расположившихся на них угощаемых могло при желании вдвое превышать количество клине. Например, в «Пире» Платона опоздавшему к началу обеда Сократу ничего не оставалось, как прилечь с возлежащим в одиночестве Агафоклом, а пришедший под занавес подвыпивший Алкивиад примостился

третьим между ними.

Хозяину дома предстояло также решить столь немаловажный вопрос о размещении гостей, ибо традиционно одно место являлось более почетным, чем остальные. У эллинов таковым считалось первое, у некоторых понтийских греков, например гераклиотов, — первое на среднем ложе, у римлян — так называемое консульское место — последнее на среднем ложе. Почетным также служило ближайшее к хозяину место. Зная это, а также принимая во внимание состав и нравы своих гостей, он мог угодить каждому из них, разумно распределив приглашенных и таким образом всем уделить должное внимание. Наилучший способ выхода из такого довольно щепетильного положения предложил в «Застольных беседах» Плутарх: «Тому можно угодить первым местом, тому — средним, тому — ближайшим к хозяину, тому — рядом с близким другом или с учителем; другие оценят гостеприимство и дружественное время препровождение больше, чем какое-либо почетное место»¹³⁵.

Для древних греков трапеза в андроне была не просто обедом, мы бы даже сказали не столько обедом, сколько жизненно необходимым эллинской натуре поводом для общения с друзьями и согражданами, во время которого возникали философские беседы, обсуждение произведений античных авторов, да и, наконец, чисто мужские разговоры, что называется, не для женских ушей. Женщины и младшие члены семьи, естественно, такие меро-

приятия не посещали. В качестве прислуги использовали рабов или гетер. Ничто так не сближает и не объединяет граждан разного положения в государстве, по мнению Аристотеля, как сисситии. Вместе с тем для многих беднейших слоев населения было накладно делать взносы на такие совместные обеды. Отсюда, исходя из общегосударственного интереса, происходит такое демократическое требование, как проведение совместных обедов за счет всей гражданской общины.

Прийти в гости было возможно не только по настоянию инициатора приема, но и получив приглашение от уже приглашенного непосредственно устраивающим обед. Такие посетители стали называться у древних греков «теньями». Классический пример одной такой казусной ситуации привел Платон в «Пире». Сократ, направляясь на ужин к Агафоклу, повстречал Аристодема и позвал его с собой. Сам же он по дороге, предавшись своим мыслям, отстал, и Аристодем явился на пирушку один, но, тем не менее, был приветливо встречен хозяином и устроен вместе со всеми. Плутарх высмеял подобный случай, назвав Аристодема тенью,двигающейся впереди тела, за которым находился источник света. Мудрый моралист не рекомендовал злоупотреблять этим обычаем, чтобы не ставить в неудобное положение принимающего.

Греки трапезничали полулежа, облокотившись на левую руку и подложив подушки под спину (Рис.79). Именно в таком

положении они изображены на кратере первой четверти IV в. до н.э., найденном на некрополе Керкинитиды в 1893 г.: на одном ложе возлежат двое мужчин, на втором — один. Им играет флейтистка (*Рис. 82*). Возлежание за обеденным столом — по словам Плутарха — освобождает тело от излишнего движения и напряженности, а, следовательно, позволяет сосредоточить все внимание на интеллектуальном общении. Перед каждым из них ставился небольшой, уже сервированный столик-трапеза. После первых блюд, состоящих из рыбы и птицы с многочисленными к ним острыми приправами, когда все насытились едой, совершали возлияние Дионису несмешанным (чистым) вином. Затем переходили ко второй части обеда, называемой симпосиумом. Она включала вино и десерт, и во время нее разгорались всевозможные дискуссии, дружеские споры, воспоминания, рассказывали анекдоты, в том числе и на фривольные темы. Обычно выбирался председатель симпосиума, в обязанности которого входило вести трапезу, определять объем и крепость выпитого вина. Платон, к примеру, настаивал на том, чтобы роль симпосиарха выполняли трезвые люди. Во всяком случае, неплохо бы, если бы он знал застольные возможности каждого из сотрапезников, как на них действует вино, в том числе чистое. Первый кубок на симпосиуме, на этот раз уже смешанного с водой вина, посвящали Зевсу Сотеру (Спасителю), ибо он орошал виноградную лозу

дождевой влагой.

О популярности пиров у эллинов весьма красноречиво свидетельствуют археологические данные. Прежде всего, поражает разнообразие и количество всевозможных видов чернолаковой посуды, предназначенной для таких мероприятий. Огромные для смешивания вина с водой кратеры, разнообразные, необходимые для розлива этих крепких напитков кубки, различные сосуды для питья — килики, скифосы, канфары, ритоны. Последние украшались растительным орнаментом и сюжетными рисунками, как правило, на мифологические темы. Эти мотивы к месту могли стать предметом пристального обсуждения здесь же в андроне. Нередки на них и нравоучительные сценки — о вреде скифского пьянства и т. д. Все подобные изображения и орнаменты выполнялись в чернофигурной, позже краснофигурной технике. И хотя в пословицу вошло скифское (более широко — варварское) пьянство неразбавленным вином, нередко и сами эллины «перебирали». Вероятно, именно в таком хмельном состоянии выцарапывались иногда надписи на столовой посуде, которые получили в малой эпиграфике особое название — застольные, выделяемые в научных работах в отдельную группу. Помимо того что ими портилась дорогая посуда гостеприимных хозяев, они нередко бывают весьма трудны для понимания. Например, в Херсонесе на одном из чернолаковых сосудов было прочерчено несколько слов, одно из которых

Рис. 80. Фрагмент краснофигурного кратера — сосуда для смешивания вина с водой — с изображением флейтистки между двух всадников. Третья четверть IV в. до н.э. Из раскопок Керкинитиды 1981 г.

— «лизать». Быть может, если бы стены андронов сохранялись в полную высоту, то и здесь бы мы могли прочесть ряд соответствующих различных сентенций, тонких наблюдений, нанесенных дрожащей рукой. Им бывает иногда весьма трудно подобрать эквивалентное выражение в русском языке, тем более, если эпиграфист женщина.

Среди такой весьма разнообразной столовой посуды выделяются высокохудожественные изделия с мифологическими всем хорошо известными сюжетами, например, амазомахией: схватка Ахилла и Пентесилеи во время Троянской войны. Для того, чтобы выделить основных персонажей — лошадь амазонки и

Рис. 81. Фрагмент краснофигурного кратера с изображением сцены схватки Ахилла и Пентесилеи. Третья четверть IV в. до н.э. Из раскопок Керкинитиды 1982 г.

Рис. 82. Краснофигурный кратер первой четверти IV в. до н.э. из раскопок некрополя Керкинитиды в 1893 г. с изображением трапезы в андроне

шлем героя - они были окрашены в белый цвет (*Рис. 81*). На кратере третьей четверти IV в. до н.э., по всей видимости, изображена Панафинейская процессия: флейтистка между двух всадников (*Рис. 80*). И, наконец, на третьем сосуде первой четверти IV в. до н.э. воспроизведена трапеза в андроне: возлежащие мужчины и ублажающая их своей игрой флейтистка (*Рис. 82*).

Если же между гостями возникает не на шутку горячий спор, угрожающий вот-вот перейти в ссору, или пора прервать надолго затянувшееся обсуждение какого-либо запутанного вопроса, то следует сделать паузу: послушать кифаредов («поющих под аккомпанемент кифары») или одних кифаристов («играющих на кифаре»); пусть зазвучит мелодия флейты и лиры; можно и самим спеть, посмотреть пантомиму, забавные или любовные сцены из комедии Менандра. По словам Плутарха, лучше провести

симпозиум без вина, чем без Менандра. Вместе с тем нужно было соблюдать чувство меры: симпозиумы не следовало превращать в философскую дискуссию или концерт. Обе эти части должны были удачно дополнять одна другую. Конечно, столь насыщенная увеселениями программа была под силу состоятельному эллину где-нибудь в одном из крупных греческих центров.

Зато и на периферии едва ли не каждый симпозиум мог включать популярную игру — коттаб. Она сводилась к тому, что последние недопитые капли вина выплескивали из кубка в металлический сосуд, произнося при этом имя любимой. Если остатки вина целиком попадали в сосуд, и производили при этом чистый звук, то считалось, что влюбленный мог рассчитывать на взаимность. Игра имела также и целый ряд других нюансов. Особенно для этого подходили некоторые аттические чернολаковые килики

Рис. 83. Литые монеты Керкинитиды V в. до н.э.

V в. до н. э. и аналогичные им изделия с загнутыми вверх под прямым углом тонкими ручками. Они позволяли легко взять килик двумя согнутыми пальцами и выполнить движение, необходимое для полета и попадания в цель остатков вина. Не отсюда ли то огромное количество отломанных ручек этих сосудов, находимых при раскопках античных напластований древнегреческих городов?

Среди других развлечений на симпозиуме, по словам Плутарха, распространенными были предлагаемые друг другу загадки, грифы, числовые толкования имен и всевозможные иные забавные задачи. Как известно, древние греки для обозначения чисел использовали буквы греческого языка. Значит, можно было подсчитать сумму того или иного названного слова, а затем подыскать другое с таким же числовым обозначением. Иначе говоря, все это создавало обстановку непринужденности и раскованности. Неплохо, когда за столом оказывался какой-нибудь балагур, склонный к импровизации.

Помимо Эгейских центров — таких как Афины, Олинф, Приена и прочие, известны андроны и в таких городах Северного Причерноморья, как Ольвия, где середина одной из подобных комнат была покрыта мозаикой с геометрическим орнаментом, напоминающим нарядный ковер. Другая имела сюжетную мозаику в центральном круге, обрамленном фризом с изображением грифонов и других животных. Поиски аналогичных парадных ком-

нат в других местах позволили отыскать их следы в Пантикапее и среди сильно руинизированных построек Фанагории. Хотелось бы остановиться на широко известном мозаичном панно из Херсонеса с изображением двух обнаженных женских фигур. Ее открыватель Г.Д. Белов в интерпретации этого сюжета исходил из функционального назначения самой комнаты, в которой находилась мозаика и которую он считал домашней баней. Тем не менее, вторичное использование этого галечного настила в качестве пола каменного помещения II в. до н. э. не исключает более ранней даты его возникновения и первоначально иного назначения данного памятника монументально-декоративного искусства. По мнению реставрировавшего рассматриваемый настил О.И. Домбровского, он являлся ничем иным, как не полностью сохранившимся полом андрона более раннего дома IV в. до н. э. Мозаичный рисунок был сохранен в силу своей художественной выразительности в доме II в. до н. э., но не в своем первоначальном назначении: строителям или владельцу жилища просто стало жаль уничтожать такой памятник искусства и мозаика была приспособлена к новым, весьма конкретным нуждам. Мнение О.И. Домбровского подтверждается не только археологическими наблюдениями, например, залеганием мозаики в бане значительно ниже уровня двора самого дома, к которому она принадлежала, или тем фактом, что сама она была перекрыта каменной сту-

пенью, установленной прямо на галечный настил, но, прежде всего, неправильным положением мозаичной композиции по отношению к входу. Достаточно напомнить, что все сюжетные мозаики Олинфа рассчитаны на восприятие их сразу при входе в андрон и, наоборот, мозаичные настилы в прихожих парадных комнат — при выходе из последних. Вместе с тем нет ни одного случая размещения мозаичного панно боковой стороной к двери. Видимо, первоначально настил был несколько шире и изображение на нем женщин обрамлялось фризом из пальметт, от которого сохранилась только одна, перекрытая упомянутой ступенью. Наконец, следует напомнить, что ширина выложенного из темной по цвету гальки обрамления центральной композиции — 90 см, — а также находки кусочков красной штукатурки обычны именно для андронов.

В свое время О.И. Домбровский обратился к детальному анализу художественного смысла самого сюжета херсонесской мозаики и пришел к выводу, что композиция эта суть некая аллегория: богиня Афродита изображена в двух ипостасях — Небесной Урании и Земной Пандемос. Такое философское изучение картины исключает ее первоначальное применение в столь утилитарных целях¹³⁶.

Качество штукатурно-малярных работ и галечное покрытие пола андрона Керкинитиды, а также техника кладок самого здания свидетельствуют о высоких профессиональных навыках строителей, возводивших рассматриваемый дом города. Вполне вероятно, что эти мастера принимали участие в отделке и других построек как внутри самой Керкинитиды, так и за ее пределами. Во всяком случае, в отдельно стоящей усадьбе у бухты Ветреной, вблизи Калос-Лимена, в одном из помещений был обнаружен абсолютно аналогичный галечный пол и оштукатуренные стены. А.Н. Щеглов интерпретировал саму упомянутую комнату, как баню, базируясь на сопоставлении ее с ролью рассмотренного выше мозаичного настила из Херсонеса. Таким образом, иное назначение херсонесской мозаики требует и иного объяснения назначения комнаты в сельском комплексе на херсонесской окраине, который принадлежал весьма состоятельному владельцу.

Анализ всего лишь одного памятника показывает, что даже на отдаленной периферии греческой ойкумены (более того, в провинции даже северопричерноморского региона) эллины оставались верны своим традиционным привычкам и обычаям, несмотря на более скромное материальное благосостояние и постоянные контакты с варварским миром.

Свидетельства нумизматики

До недавнего времени нам было известно лишь несколько типов чеканенных монет Керкинитиды, относящихся к IV–III вв. до н. э. И только в процессе археологических раскопок 80-х годов прошлого века были обнаружены 84 бронзовые литые монеты пяти разновидностей, четыре из которых выявлены впервые¹³⁷. Следовательно, Керкинитида, как и ряд других полисов Северо-Западного Причерноморья (Ольвия, Истрия, Аполлония), начала монетное производство с литья и только позднее переориентировалась на чеканку металлических денежных знаков. Причем все монетные выпуски не лишены оригинальности, о чем может судить сам читатель.

К числу первых из названных изделий принадлежат всего три сильно коррозированных монеты-стрелки узкой листовидной формы, отлитые в двухсторонней форме. Они профилированы невысоким продольным валиком, придающим им вид двухлопастных наконечников скифских стрел (*Рис. 84, 1–3*). Эти монетные подражания широко представлены не только в городах Северо-Западного, но и Западного Причерноморья (Березань, Ольвия, Истрия, Томи, Аполлония и др.) и в их ближайшем окружении. Новые поступления значительно рас-

ширяют ареал этих своеобразных денежных знаков. Многообразие форм, обилие коллекций, клады, и, наконец, сама топография находок убеждают нас в их одновременном производстве сразу в нескольких центрах. Определить, в каком именно месте изготовлены монеты, найденные в Керкинитиде, пока не представляется возможным. Однако, учитывая сам характер ее дальнейшего монетного обращения, представляется, что они иногородного происхождения. Важно также подчеркнуть, что имитирующие скифские стрелы монеты находились в обращении одновременно во всех перечисленных выше пунктах Причерноморья.

Монеты-стрелки первого типа в нумизматической литературе обычно датируются в пределах самого конца VII–V в. до н. э. Все наши предметы листовидной формы были найдены в слое конца V в. до н. э. Однако их производство, вероятно, относится к более раннему времени — к первой трети названного столетия, но они продолжались использоваться и несколько позже.

Все остальные монетные выпуски не были известны в нумизматике, а отсюда и особое отношение к ним. За описанными выше денежными знаками хронологически следуют монеты, также имитирующие двухлопастные на-

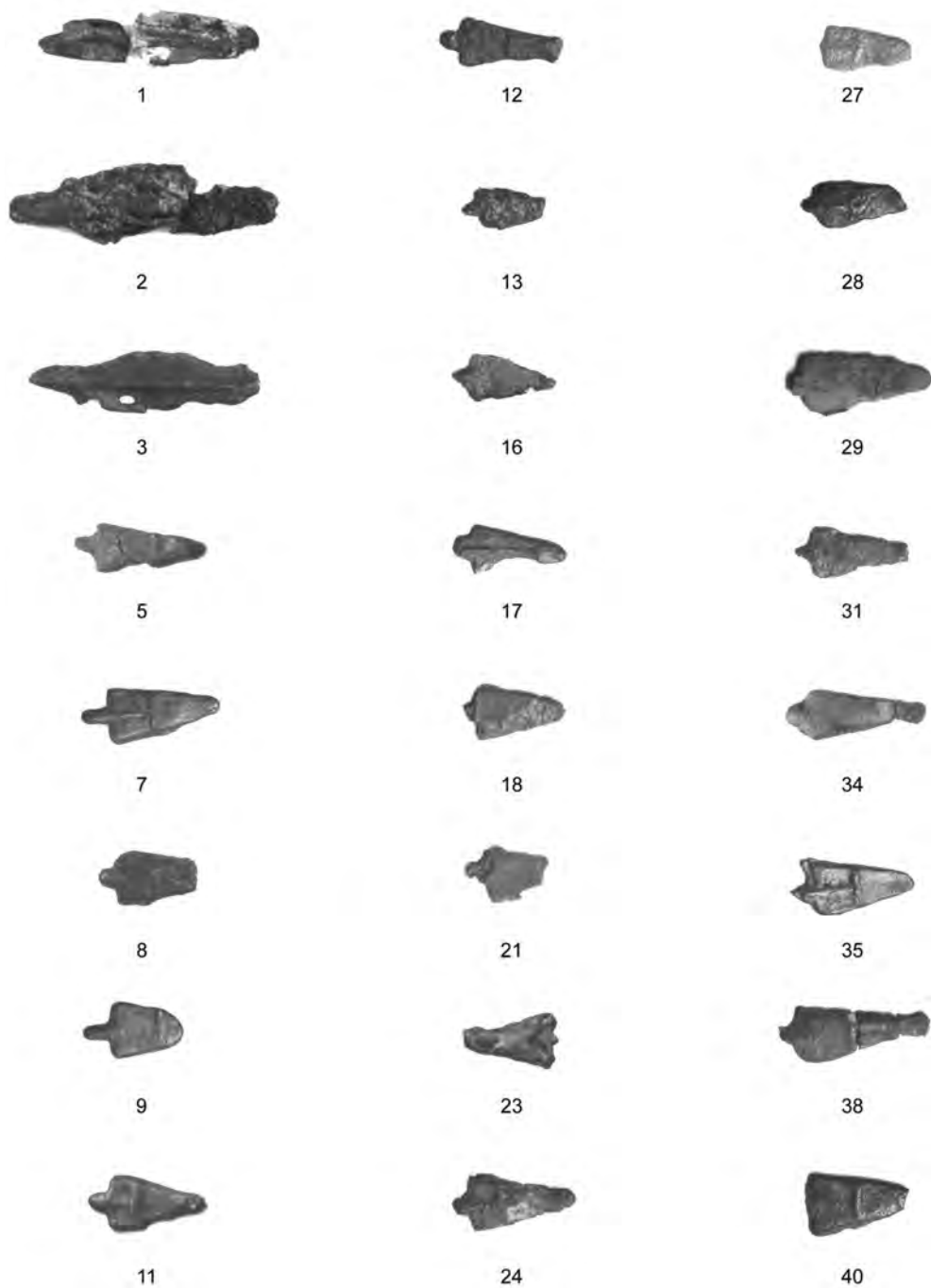

Рис. 84. Монеты-стрелки первой трети V в. до н.э.
из раскопок Керкинитиды

конечники стрел, но, значительно, более плоской формы (*Рис. 84; 86, 1–4*). Их поверхность профилирована слабо выраженными валиками (нервюрами). Все они имели очень небольшой вес (от 0,70 до 0,82 г) и длину от 17 до 21,5 мм. Находящиеся в нашем распоряжении монеты отлиты в пяти различных формах. С.Ю.Сапрыкин рассматривает последние денежные знаки не к производству Керкинитиды, а скорее Березани-Борисфениде, с чем категорически невозможно согласится¹³⁸. Во-первых, такие монеты встречаются только в Керкинитиде и неизвестны в Нижнем Побужье; во-вторых, здесь их встречено несколько десятков.

За стреловидными монетами поступили в обращение наиболее своеобразные предметы, сочетающие в себе два признака сразу: на одной их стороне изображена рыба из отряда осетровых с четко обозначенным хвостовым плавником, глазом и несколькими пересекающимися нервюрами, подчеркивающими ее видовые отличия, на оборотной — проходит один продольный валик, имитирующий наконечник стрелы и заканчивающийся в хвостовой части (*Рис. 83,4; 85; 86,5*). Следует все же подчеркнуть, что и с этой стороны монета напоминает рыбу. Однако в небрежно отлитых экземплярах (а таковых большинство) обратная сторона мало чем отличается от простой монеты-стрелки. Вес описываемых предметов достигает 1,65–1,78 г, длина наиболее сохранившихся изделий от 28 до 32,2 мм. Все такие монеты отлиты преимуще-

ственно в одной форме, а, следовательно, их выпуск осуществлялся продолжительное время.

И, наконец, два последних монетных типа V в. до н. э. относятся к одной нумизматической серии: старший ее номинал пока представлен всего лишь единственным документированным экземпляром («ассом») из раскопок памятника в 1982 г. Он имеет уже традиционную круглую форму с изображением на лицевой стороне рыбы и первых двух букв наименования города «КА» на оборотной. Форма монетного кружка — трапециевидная в сечении; на широком скошенном гурте — излом от небрежно обрубленного литника. На большой стороне реверса заметны следы усадки металла, указывающие на горизонтальное расположение модели при отливке (*Рис. 83, 1–2; 87, 1*).

Младший номинал данной эмиссии, представленный в настоящее время восемью экземплярами, содержал на аверсе стилизованное изображение рыбы и первую букву этника полиса «К» на реверсе (*Рис. 83, 3; 87, 2–7*). Все они отлиты в двух разных формах; в них заметно небольшое утолщение в противоположной от литника стороне. Вес малых выпусков, судя по наиболее полновесным изделиям, равнялся седьмой части старшего номинала (28,84 и 4,01 г). Сами же они, исходя из их реального веса, разменивались на две монеты-рыбки предшествующего выпуска¹³⁹.

Как видно из сказанного выше, упомянутая эмиссия является сейчас большой редкостью, особенно крупная монета. Тем не ме-

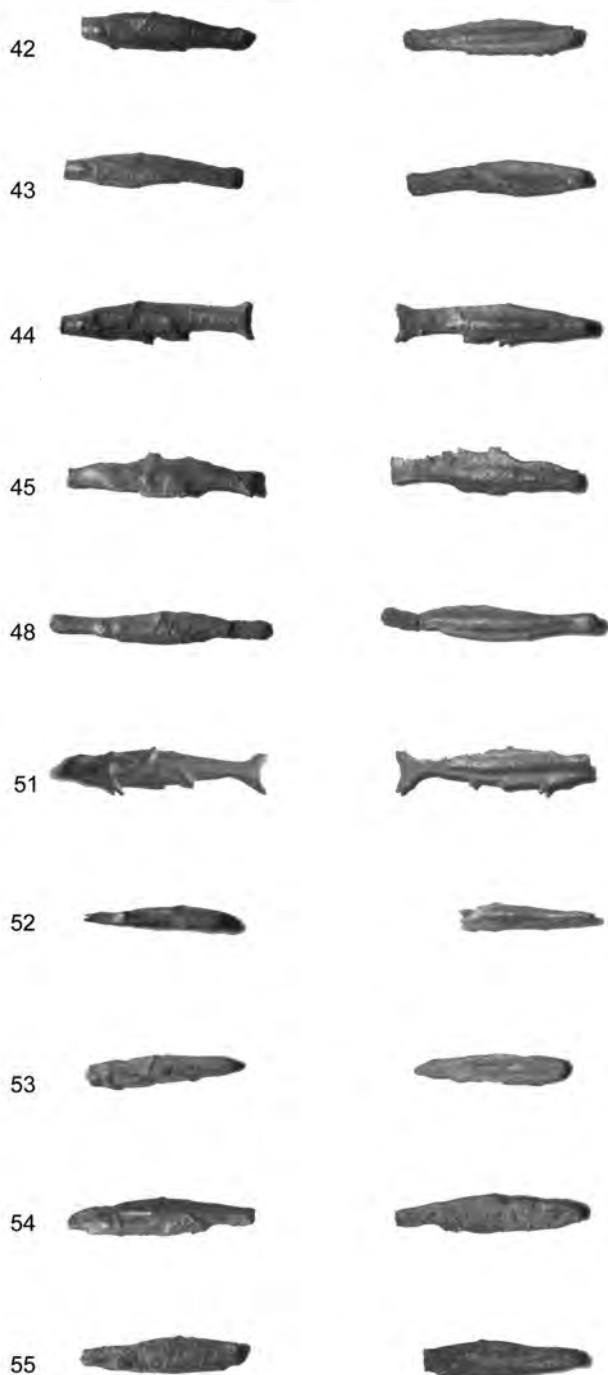

Рис. 85. Монеты-рыбки второй – третьей четвертей V в. до н.э. из раскопок Керкинитиды

нее, есть основания предполагать существование еще нескольких аналогичных изделий. Так, в 1987 г. к нам обратился один из школьников города Евпатории и сообщил о том, что в процессе самовольных «раскопок» в зимнее время группой ребят было найдено несколько монет, словесное описание которых полностью соответствует охарактеризованным выше. К сожалению, все наши попытки увидеть сами предметы или хотя бы слепки с них не увенчались успехом. Пользуясь случаем, обращаюсь ко всем начинающим и опытным нумизматам-коллекционерам с просьбой сообщить (при сохранении полной анонимности) какую-нибудь информацию о рассматриваемых уникальных монетах.

Наши надежды на получения новой информации стали оправдываться в последние годы. Так, Е.Я. Туровский опубликовал литую монету старшего номинала из частной коллекции, обнаруженную в пределах Севастопольского административного района. Ее диаметр — 30 мм, вес 24,5 г., толщина — 0,5 см. Отличительной особенностью изделия является не удаленный литник. К сожалению, представленная в публикации фотография не высокого качества, что не позволяет рассмотреть монету во всех деталях¹⁴⁰. С еще одним «асом» хорошей сохранности из частной коллекции нам удалось познакомиться в октябре 2013 г. (Рис. 83,1). Монета покрыта твердой серо-зеленой патиной. Ее вес — 29,18 г, диаметр аверса — 26–27 мм, реверса — 30–32

мм, толщина гурта — 4–5 мм¹⁴¹. Она, вполне возможно, была найдена в окрестностях села Соколиное Бахчисарайского района Крыма¹⁴². Если указание на местонахождение данной монеты достоверны, то это означает, что торговля тавров юго-западного Крыма в классическое время была ориентирована, прежде всего, на Керкинитский полис. Разница между паспортной монетой (т.е. найденной при раскопках памятника) и последней из описанных составляет всего 0,34 г., что для бронзовых изделий вполне допустимо. Следовательно, эталонный вес литых монет составляет в пределах 29 г.

Монеты второго и третьего типов обладают столь своеобразными и не свойственными другим центрам признаками, а их концентрация почти исключительно в Евпатории не оставляет сомнения в принадлежности их литью самой Керкинитиды. Последние типы содержат начальные буквы городского этника, что делает их атрибуцию однозначной. Датировка монет Керкинитиды была предложена известным нумизматом В.А. Анохиным. Она целиком построена на сопоставлении керкинитидских выпусков с ольвийскими, хронология которых в настоящее время разработана достаточно подробно. Так, денежные знаки, изображающие рыбу и стрелу, он относит к 450–425 гг. до н. э., а монетную серию круглой формы — к 425–400 гг. до н. э.¹⁴³. При этом, к сожалению, оказался совсем не учтенным тот стратиграфический контекст самих нумизматических находок,

1

2

3

4

5

Рис. 86. Монеты-стрелки и монеты-рыбки V в. до н.э.
из раскопок Керкинитиды

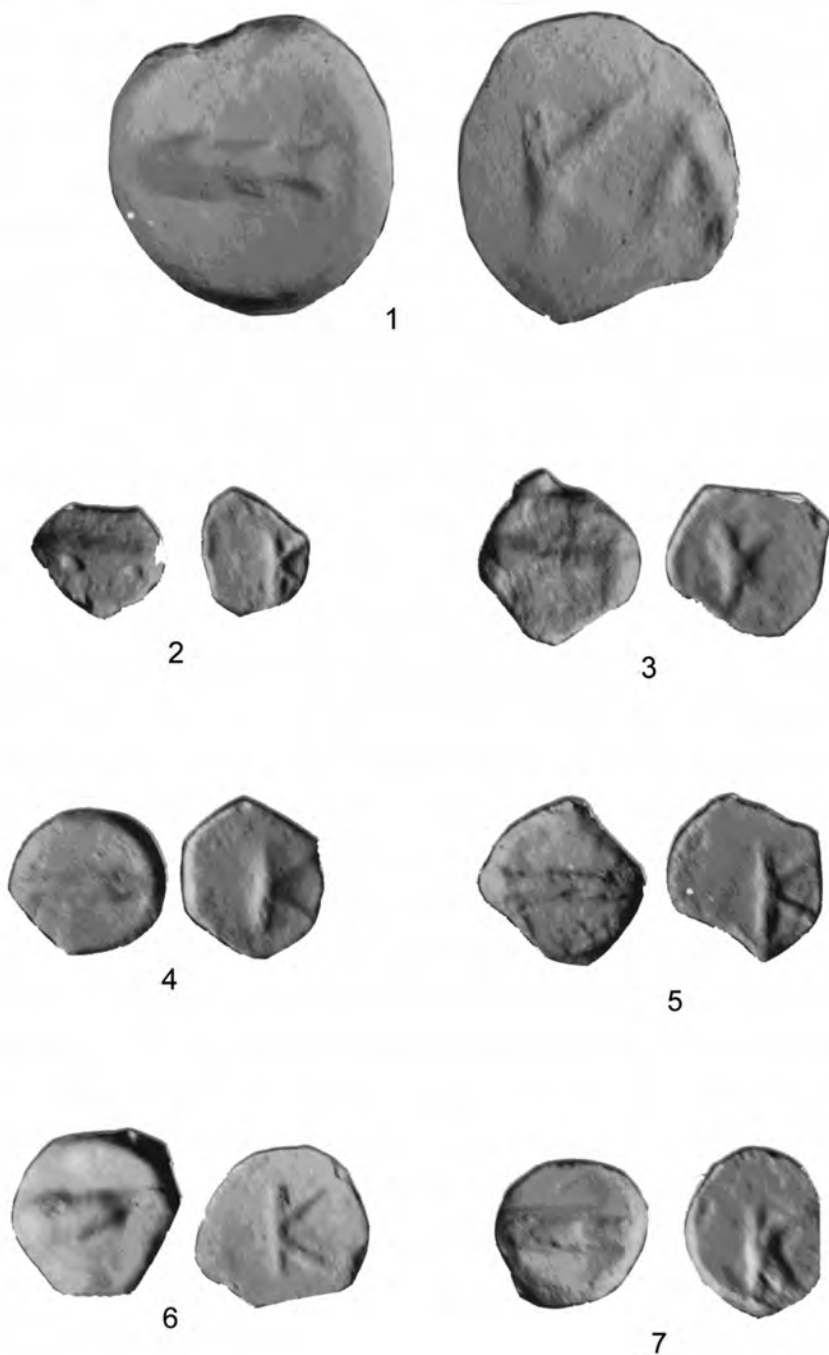

Рис. 87. Монетная серия Керкинитиды последней трети V в. до н.э.
из раскопок Керкинитиды

который позволяет сам по себе не только построить относительную типологию денежных знаков Керкинитиды, но и обосновать их абсолютную хронологию на основании вполне конкретных археологических данных.

Исходя из реальных археологических наблюдений, хронология монетного дела Керкинитиды в данный момент выглядит следующим образом: стреловидные поделки появляются здесь в первой трети V в. до н. э. Они достаточно часто встречаются и во второй четверти — середине того же столетия. Позднее их количество резко сокращается, хотя они, по всей видимости, не выходили из обращения на протяжении всего столетия. К тому же, необходимо сделать еще одну оговорку: древнейшие напластования второй половины VI — начала V в. до н. э. еще не открыты, а, следовательно, не исключена возможность обнаружения в будущем и более ранних нумизматических находок. Кроме того, надо принять во внимание тот установленный факт, что бронзовые монеты не сохраняются в культурных отложениях, сильно увлажненных естественными грунтовыми водами, в то время как наиболее ранние напластования памятника как раз залегают ниже их уровня.

Монеты гибридного типа, объединяющие в себе два символа, в основном сопряжены со слоями второй — третьей четвертей V столетия. Их изготовление, вероятно, началось накануне урбанизации Керкинитиды или одновременно с этим важнейшим в жизни апойкии событием. Оно

продолжалось и в последующие десятилетия. Такой их датировке нисколько не противоречит находка одной из них в Ольвии, в слое третьей четверти V в. до н. э. Монетная эмиссия, состоящая из двух номиналов, ранее относилась нами к последней четверти — концу V в. до н. э.¹⁴⁴. Однако ряд новых находок младшего номинала позволяет начало их литья относить еще к концу третьей четверти, а обращение до начала IV в. до н. э.

К сожалению, пока не обнаружены формы для изготовления керкинитидских монет. Тем не менее, все они, по всей видимости, отливались в групповых двухсторонних формах, в швы разных плоскостей которых проникал и застывал жидкий металл. Особенно это заметно на круглых монетах последних типов. Монеты-рыбки имели литники разной длины в головной их части. Судя по очертаниям литников, изображение монет в самой форме могло располагаться под углом друг к другу, как это видно на одной из так называемых бронзовых гирь из Березани. Последние на самом деле оказались (как убедительно доказал В.А. Анохин) не чем иным, как опытными образцами матриц для изготовления керамических форм.

Анализ металла керкинитидских монет пока еще не проводился. Сырье для их производства, вероятно, так же, как и в Нижнее Побужье, доставлялось из Балкано-Карпатской горно-металлургической области, наиболее богатой медной рудой, а возможно, даже непосредственно из окрестности Аполлонии (район

Странджи). Обращает на себя внимание и тот немаловажный факт, что номинальный вес всех керкинитидских монет-символов значительно уступает весам аналогичных изделий из других мест. Столь небольшой реальный вес денежных знаков — результат того, что масса металла в них практически не играла роли и не учитывалась, а велся лишь их количественный счет, то есть они обладали меновой стоимостью.

В литературе генезис стреловидных монет связывался с фракийскими племенами, скифами или греческими колониями. Ряд исследователей, признавая производство монетных подражаний в греческих городах, полагают, что они изготовлялись для торговых операций с туземным окружением эллинских апоекий. Против этого, тем не менее, свидетельствует почти полное отсутствие монет-стрелок на собственно варварской территории, а также весь характер развития монетного дела, например, Ольвийского и Керкинитидского полисов. И наконец, по мнению Ю.Г. Виноградова, сама идея появления таких мелких монет в греческих колониях в форме наконечников стрел могла исходить из варварского окружения милетских апоекий ¹⁴⁵.

Как бы то ни было, по крайней мере, в первой трети V в. до н. э. в Керкинитиде впервые начали выпускаться монеты-стрелки. Следовательно, уже на этом раннем этапе существования колонии остро ощущалась необходимость в мелкой разменной монете, обеспечивавшей внутренний рынок. Начало их производства в целом со-

ответствовало последнему периоду употребления стреловидных монет в других городах Северо-Западного Понта. Более того, в Ольвии в указанное время основным мелким платежным средством служили «дельфинчики» а монеты-стрелки, выпущенные в большом количестве ранее, лишь дополняли их в денежном обращении.

По мнению А.С. Русяевой и Ю.Г. Виноградова, изготовление стреловидных монет в Северо-Западном Причерноморье носило полисный характер, как результат зарождения здесь государственной структуры ¹⁴⁶. Напротив, известные советские нумизматы В.А. Анохин и П.О. Карышковский, исходя из существования многочисленных вариантов и отсутствия единой эволюционной линии, вполне справедливо подчеркивали частный характер их выпуска. Причем первый из двух названных авторов связывал появление таких оригинальных стреловидных изделий (равно как и «дельфинчиков») с использованием их первоначально в качестве вотивов (приношений в святилище) ¹⁴⁷.

Второй из названных исследователей с такой же настойчивостью отрицал это ¹⁴⁸. Не претендуя на окончательное решение поставленного вопроса, отметим другое немаловажное обстоятельство: монетное производство — результат достаточного экономического благополучия гражданской общины и, следовательно, существование у нее перспектив эволюции в традиционный полис. Обратим внимание также и на тот факт, что и в Ольвии, и в Керкинитиде

производство стреловидных поделок происходило в тот период, когда обитатели этих по существу русифицированных поселений располагались еще в полуземляночных строениях.

В конце первой трети V в. до н. э. практически одновременно с качественным изменением архитектурного облика Керкинитиды произошел переход к литью монет нового морфологического типа с изображением на лицевой стороне рыбы осетровой породы и имитации на оборотной двухлопастного наконечника стрелы. Четко выдержанное однообразие всех этих анэпиграфных изделий, по всей видимости, может свидетельствовать о полисном характере данного монетного выпуска, относящегося к периоду превращения Керкинитиды в типичный городской центр на причерноморской периферии. Ряд общих признаков (в том числе и технология отливки) сближает их с одним видом двухсторонних ольвийских «дельфинчиков», имеющих некоторое сходство с осетровыми рыбами, точная датировка которых пока еще отсутствует. Эти остромордые дельфины с четко обозначенным боковым и спинным плавником составляют в Ольвии отдельную стилистическую группу, не укладывающуюся в общую эволюционную схему. Учитывая сказанное, было бы весьма заманчивым объявить их керкинитидскими изделиями. Однако против такого предположения говорит полное отсутствие аналогичных монет в самой Керкинитиде. Остается, вероятно, только признать синхронность обоих монетных выпусков.

Таким образом, денежные знаки в Керкинитиде эволюционировали в том же направлении, что и в Ольвийском полисе. Причем в обоих случаях керкинитидские монетарии не просто копировали ольвийские оригиналы, а придавали своим изделиям отличительную индивидуальную форму. К тому же в Керкинитиде процесс смены символов произошел значительно позже, чем в Нижнем Побужье. Переход к производству нового монетного типа, вероятно, вытекал из самого характера денежного обращения в регионе: возможно, это было связано, как уже сказано выше, с полным вытеснением из товарного обращения стреловидных монет и заменой их новыми знаками в форме «дельфинчиков» в Ольвийском полисе. Последнее, по-видимому, потребовало аналогичных перемен и в Керкинитиде — для приведения в соответствие между собой обоих монетных систем. Объяснение же семантики монет-рыбок следует искать в современной им культовой атрибутике. Конечно, при нынешнем уровне вашего знания истории Керкинитиды исконные мотивы, повлиявшие на изменение монетной символики, остаются для нас не до конца ясными. Тем не менее, попробуем высказать по этому поводу несколько хотя бы самых общих предварительных соображений.

Как известно, ольвийские «дельфинчики» связаны с почитанием Аполлона Дельфиния — главного божества Милета, покровителя мореплавания. Напротив же, монеты-стрелки лишь совсем недавно, в силу tradi-

ционно ошибочного мнения об их варварском происхождении, были увязаны с весьма популярным в ранних ионийских колониях культом Аполлона Врача, который еще и являлся покровителем первых колонистов и выступал заступником всего вновь созданного полиса. Его атрибутом была стрела, выполняющая охранительные функции. Причем, по мнению В.А. Анохина, нет ничего странного в том, что их прототипом могли послужить реальные наконечники стрел скифов или каких-нибудь других северных народов, по преданию связанных с культом Аполлона.

Пока у нас нет никаких данных о существовании официального культа Аполлона Дельфиния в Керкинитиде, но в таком случае у керкинитидских монетариев не было никаких сакраментальных оснований для придания своим новым денежным знакам формы дельфина. И в этой ситуации ими был найден весьма оригинальный выход: с одной стороны, их монеты воспроизвели вид промысловой и, следовательно, всем хорошо знакомой рыбы, что и сближает их с ольвийскими «дельфинчиками», с другой — на реверсе было сохранено стилизованное изображение наконечника стрелы — символа Аполлона Врача. В результате такого не совсем обычного в монетном деле кантаминирования мог получиться новый гибридный тип, отвечавший и нуждам денежного обращения, и традициям культовой символики. С.Ю. Сапрыкин полагает, что выпуск стерлок рыбок в Керкинитиде произошел под прямым влиянием Ольвии и

даже проживания ольвиополитов не только в Северо-Западном Крыму, но и в самом полисе. Он не исключал некоторую зависимость Керкинитиды от Ольвии¹⁴⁹.

В начале последней трети пятого столетия в городе была отлита новая монетная серия обычного типа, состоявшая из двух номиналов. Появление на их оборотной стороне первых букв имени города, безусловно, указывает на полисный характер выпуска данных монет. При этом уже на реверсе монет традиционной формы была изображена рыба. Таким образом, основной символ предыдущей серии был перенесен на этот тип, зафиксировав соответствующим образом преемственность монетной типологии Керкинитиды.

Стратиграфия нумизматических находок хронологически сближает рассматриваемые монеты Керкинитиды с ольвийской серией из трех номиналов с изображением головы Горгоны в фас на аверсе и надписью БСЙЧ на реверсе, отнесенную П.О. Карышковским к 460–425 гг., а В.А. Анохиным — к 438–410 гг. до н. э. При этом старший номинал монетной серии нашей коллекции полностью совпадает по весу со средним номиналом упомянутой ольвийской эмиссии. Вместе с тем, на рассматриваемых монетах Керкинитиды так же, как и на последующих ольвийских знаках конца V — начала IV в. до н. э., помещено название города. Иначе говоря, она занимает как бы промежуточное положение между этими монетными выпусками Ольвии.

Сюжеты и символы

Чеканенные монеты Керкинитиды известны достаточно давно — еще до открытия реальных остатков самого древнего города. Уже в середине прошлого века немецкий нумизмат Г. Фридендер опубликовал три бронзовые монеты, поступившие из южной России в Минцкабинет Берлинского кайзеровского музея. Из них две принадлежали одному типу. На лицевой стороне их был изображен сидящий на скале скиф, на оборотной — конь. В 1875 г. П.О. Бурачков описал еще одну ранее неизвестную монету Керкинитиды с Тихе на лицевой стороне и всадником на реверсе. Вскоре были предприняты первые попытки систематизировать все известные в то время монетные выпуски Керкинитиды в «Общем каталоге монет» (1884) последнего из названных авторов и в специально посвященной этому статье А.В. Орешникова (1892 г.) (Рис. 88). Однако Н.Ф. Романченко сначала в 1893, а затем в 1897 г. при раскопках некрополя Керкинитиды обнаружил еще два новых выпуска. На первом — изображение льва, нападающего на быка, на лицевой стороне и — крылатой Ники на оборотной; на втором — голова Геракла и орел на молнии. Монетой с Никой пополнилась также коллекция Минцкабинета в Германии.

С тех пор новых денежных знаков, несмотря на широко проводимые полевые исследования античного города, больше обнаружено не было. По всей видимости, последнее указывает на крайне невеликую возможность существования каких-либо новых монетных типов Керкинитиды (не скроем, хотелось бы надеяться на ошибочность этого прогноза!). Керкинитидские монеты благодаря описанным открытиям были включены в основные нумизматические справочники и каталоги мира.

Таким образом, в нашем распоряжении сейчас оказалось пять различных монетных разновидностей Керкинитиды (Рис. 88–91). Прежде чем перейти к их анализу, приведем подробное описание монет в последовательности, примененной А.Н. Зографом и не потерявшей своего принципиального значения до настоящего времени¹⁵⁰.

1. А. с. Лев, терзающий быка, анфас; голова последнего на четверть повернута вправо. Под сценой борьбы — палица Геракла и надпись «НРАКЛЕ». Халк.

О. с. Крылатая Ника вправо; руки вытянуты вперед, в левой — пальмовая ветвь, в правой — трудно различимый предмет. Под рукой вдоль туловища — буквы «КАРК».

2. А.с. Голова богини в короне, украшенной пальметтами

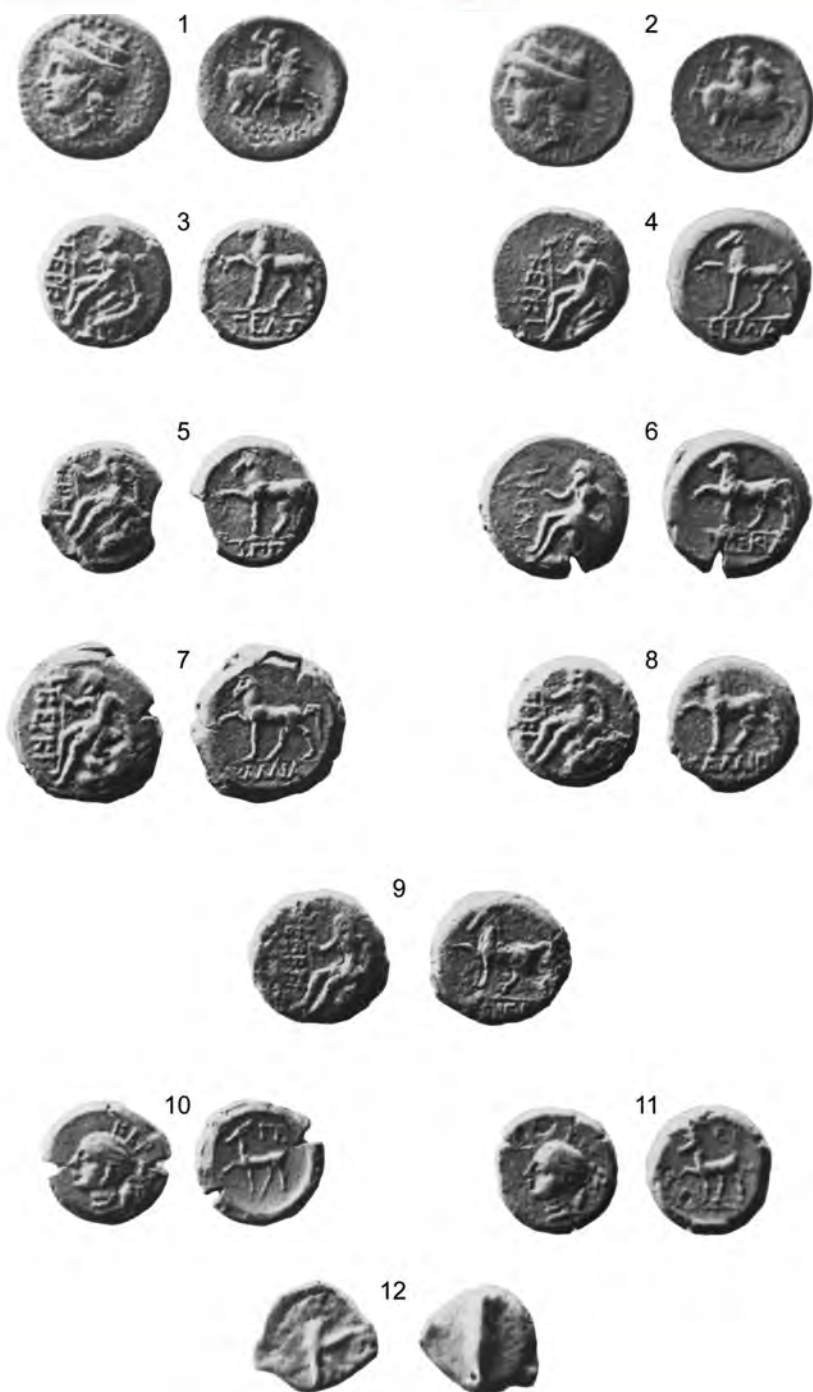

Рис. 88. Монеты Керкинитиды IV – III вв. до н.э. из собрания П.О.Бурачкова (по А.В. Орешиникову, 1892).

и розетой между ними, с тремя зубцами сверху. Волосы, охватывающие головной убор, перехвачены в пучок и волнистыми локонами спадают на плечи; в ушах серьги, на шее — ожерелье. Вдоль края монеты — обод из точек; гурт — острый.

О.с. Всадник на низкорослой скачущей лошади, передние ноги которой оторвались от земли; на ее шее уздечка, повод которой воин держит левой рукой; в правой, высоко поднятой над головой руке — копье, за спиной всадника — лук в колчане. Под лошадью надпись — «ΚΑΡΚΙΝΙ»; над ней — одно из имен магистратов — «ΕΡΜΑ, ΗΡΑΚ, ΗΡΟΝΥ, ΡΟΛΥΧ.». Дихалдк.

3. А.с. Голова вправо молодого Геракла в львиной шкуре.

О.с. Орел влево на молнии. Внизу по ним «ΚΑΡΚΙΝΙ»; сверху над орлом «ΗΡΑΚ, ΗΡΟΝΙ». Халк.

4. А.с. Бородатый скиф влево, сидящий на скале (?), опираясь левой рукой на сиденье, в правой — держит секиру, упирающуюся в колено, вдоль нее надпись «ΚΕΡΚΙ»; на левом боку — лук в колчане.

О.с. Конь, ступающий влево; под ним черта и одно из имен сменявшихся чиновников — ΓΕΛΩ, ΕΡΜΑ, ΠΠΟΚΡΑ, ΙΣΤΙΕΙ[ΟΥ], ΚΑΛΛΙΑ, ΚΑΛΛΙΠΠΟ, ΠΑΣΙ. Ди-халк.

5. А. с. Голова Артемиды вправо с серьгами в ушах и ожерельем на шее; волосы богини собраны на затылке в пучок, под которым — колчан со стрелами. Над ней надпись «ΚΕΡ».

О.с. Олень с ветвистыми рогами влево с высоко поднятой пра-

вой ногой. Над ним или вокруг животного в поле имя очередного магистрата — ΓΕ, ΕΡΜΑ, ΚΑ.

К сожалению, при разработке относительной хронологии монет А.Н. Зограф не обратил внимания на верное замечание Е. Миннза о синхронности двух последних типов с одними и теми же магистратскими именами¹⁵¹. Дополнив это наблюдение английского ученого указанием на стилистическую и технологическую близость этих монет, П.О. Карышковский вполне обоснованно объединил их в одну нумизматическую серию¹⁵². Сказанное выше полностью подтверждается идентичностью металлических сплавов обоих монетных типов¹⁵³.

В такую уже устоявшуюся схему недавно попытался внести коррективы В.А. Анохин. Так, после выпуска с Никой он поместил не монету с Тихе, а с изображением Геракла, поменяв их, таким образом, местами. В основу именно такого распределения монетных типов упомянутый автор положил степень полноты описания городского этника¹⁵⁴.

Вместе с тем, дополненная им восьмая буква в полисном дематиконе «дельта» не соответствует употребляемому правописанию наименования апойкии — ΚΑΡΚΙΝΙΤΙΣ, но ни разу не встречено ΚΑΡΚΙΝΙ(ΔΟΣ). В таком случае, на обеих монетах в одинаковом сокращении воспроизведено имя города, что не дает основания для их перегруппировки. Однако не в этом суть вопроса, даже если в дальнейшем

на каком-то экземпляре удастся распознать следующую букву рассматриваемого топонима — «тау». Более плодотворным, с нашей точки зрения, является подмеченное В.А. Анохиным сопоставление между собой монетных типов «Тихе-всадник» и «Геракл-орел», из которых первые служат двойным номиналом вторых. Развивая эту мысль, В.Ф. Столба справедливо предложил объединить их в одну серию¹⁵⁵.

Но тогда описанная выше перестановка последовательности монетных выпусков теряет какой бы — то ни было смысл. Иначе говоря, и резюмируя все сказанное выше — монетный чекан Керкинитиды распадается на две отдельные серии, ранняя из которых примыкает к одиночному выпуску.

Остановимся на топографии монетных находок Керкинитиды. Значительная часть их, особенно из ранних поступлений, как приходится сейчас признать, не имеет точного паспорта и происходит из различных коллекционных собраний, нередко с весьма расплывчатым обозначением места их нахождения, например, «из южной России». Это вполне объяснимо, если учесть те масштабы кладоискательства, которыми отличалась уже в дореволюционные годы Евпатория — популярный курорт, где среди отдыхающих всякого рода «меценатов» был велик спрос на древние монеты. Тем не менее, некоторые наблюдения можно сделать и сейчас. Так, паспортизированные монеты трех первых типов были обнаружены исключительно в районе

турецко-татарского Гезлева (15 шт.) Наиболее распространенный выпуск с сидящим скифом-конем концентрируется, в основном, в пределах Херсонесского государства, в районе Керкинитиды (городища и некрополя) — 24 шт.; недалеко от последней, на городище Чайка — 12 шт.; в Калос-Лимене — 1 шт. (из раскопок 1989 г.); на Сакской пересыпи — 2 шт. (из раскопок 1986 г. и случайных сборов) и в самом Херсонесе — 25 шт. Несколько экземпляров тех же монет (4 шт.) встречено в Ольвии и еще один в Очакове. Весьма любопытно полное отсутствие керкинитидских эмиссий на территории Боспорского царства, в то время как монеты Пантикапея, хотя и в небольшом, но по отношению ко всей денежной массе достаточно стабильном количестве постоянно встречаются на внутреннем рынке Керкинитиды. Такое положение в сочетании с находками многочисленных пантикапейских монет в Херсонесе, скорее всего, говорит о том, что экономические связи между Керкинитидой и государством Спартокидов не имели самостоятельного значения и могли носить опосредованный характер — через Херсонес.

Пространственное распределение нумизматического материала, по-видимому, указывает на локальное значение монетного чекана Керкинитиды, рассчитанного на обращение, преимущественно, на внутреннем рынке. Это утверждение в еще большей степени относится (в силу крайне небольшого количества монет) к первым трем типам: их выпуск

носил в значительной степени декларативный характер — своего рода показатель автономии гражданской общины, пережившей военную опасность, угрожавшую суверенитету полиса (см. ниже). Многочисленность же позднейшей монетной серии свидетельствует о ее ориентации скорее на денежное обращение. Однако продолжает удивлять частая встречаемость этих монет на всей территории Херсонесского государства и особенно в столице полиса. Это можно объяснить только тем, что Керкинитиды к тому времени были прочно включены в экономическую систему Херсонеса.

Обратимся теперь к рассмотрению сюжетов на самих монетах. Аверс наиболее ранних из них полностью совпадает с изображением на, вероятно, синхронных им херсонесских денежных знаках, с которыми они также близки по весу и хронологически — IV в. до н. э. (Рис. 90, 1; 91, 1–2). Вместе с тем, совпадая в сюжетах, изображения на монетах обоих городов отличаются в трактовке деталей: на херсонесских изделиях представлена предсмертная агония животного, которого оседлал хищник; на керкинитидских же воспроизведен сам момент атаки льва, не успевшего еще закинуть на быка все свои лапы. Одной из них он отталкивается от земли во время броска. Животное по инерции еще в движении, его голова на четверть повернута к зрителю. Рисунок на монетах Керкинитиды представляется более содержательным, сцена борьбы — более экспрессивной.

Тихе в башенной короне монетной чеканки Керкинитиды (Рис. 88, 1–2; 90, 1–7) находит самые близкие аналоги в изображении богини на реверсах гераклейской серии времени тирана Сатира (352–345 гг. до н. э.), представленной двумя номиналами, а также монет Амиса (после 360 г. до н. э.), Кромны (второй половины IV в. до н. э.) и Тарса (IV в. до н. э.)¹⁵⁶. Все эти центры, как нетрудно заметить, расположены на противоположном побережье Понта (кроме Тарса). Обратим, прежде всего, внимание на стефану, покрывающую голову божества: так, на всех малоазийских экземплярах головной убор украшен растительным элементом, помещенным между двумя розетками, в то время как на монетах Керкинитиды отмечено обратное сочетание названных признаков. Причем, если на гераклейских типах, в том числе и мелких, помещена хорошо проработанная пальметта, то на монетах остальных городов — лишь сильно стилизованное ее изображение, обозначенное несколькими черточками. На старшем номинале гераклейской серии зубцы стефаны гладкие, на младших же монетах Кромны, Тарса и на большинстве амисских типов они обозначены двумя валиками. На денежных знаках Керкинитиды, как, впрочем, и на некоторых амисских, последние смоделированы тремя валиками. И наконец, на керкинитидских и амисских, а также кромнинских изделиях вдоль всего края имеется точечный обвод, который полностью отсутствует на остальных

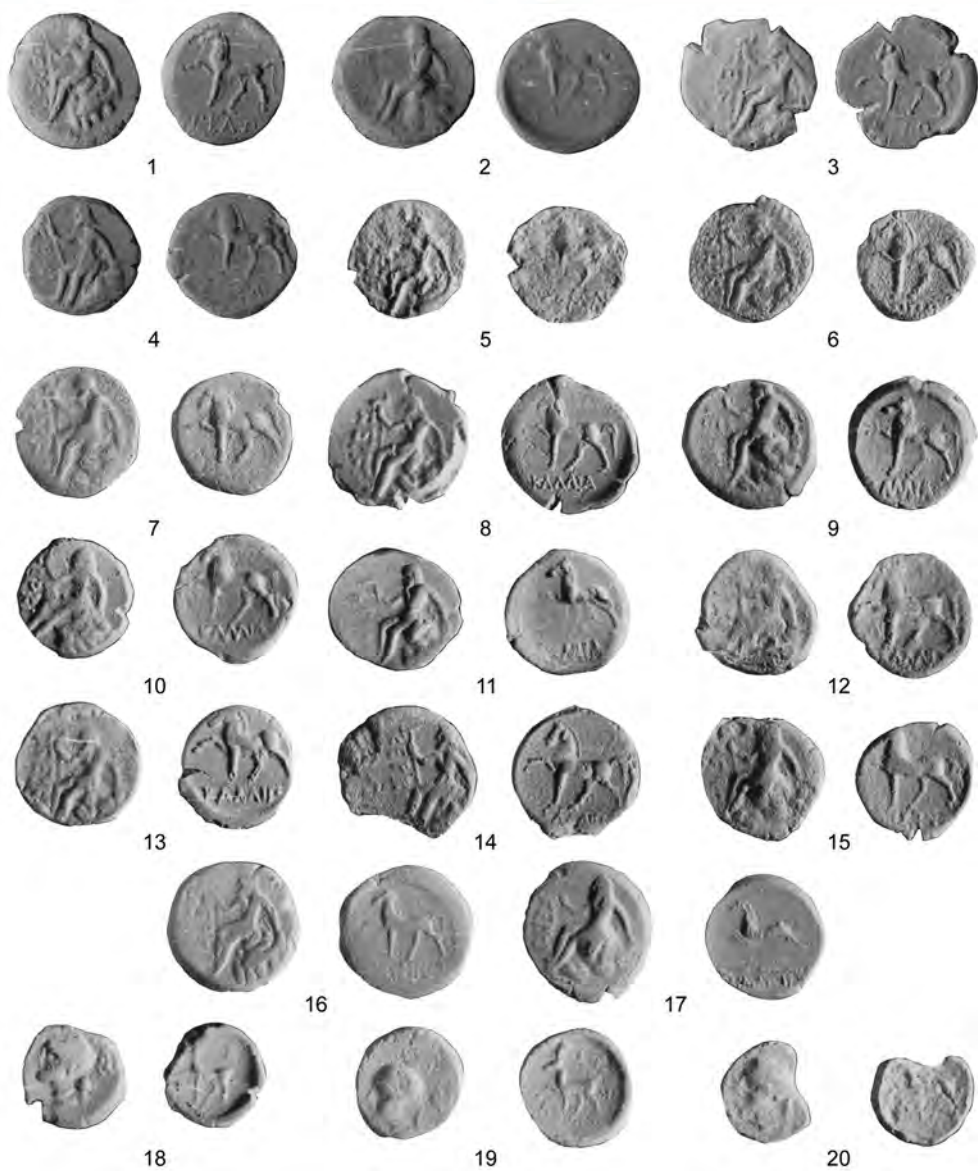
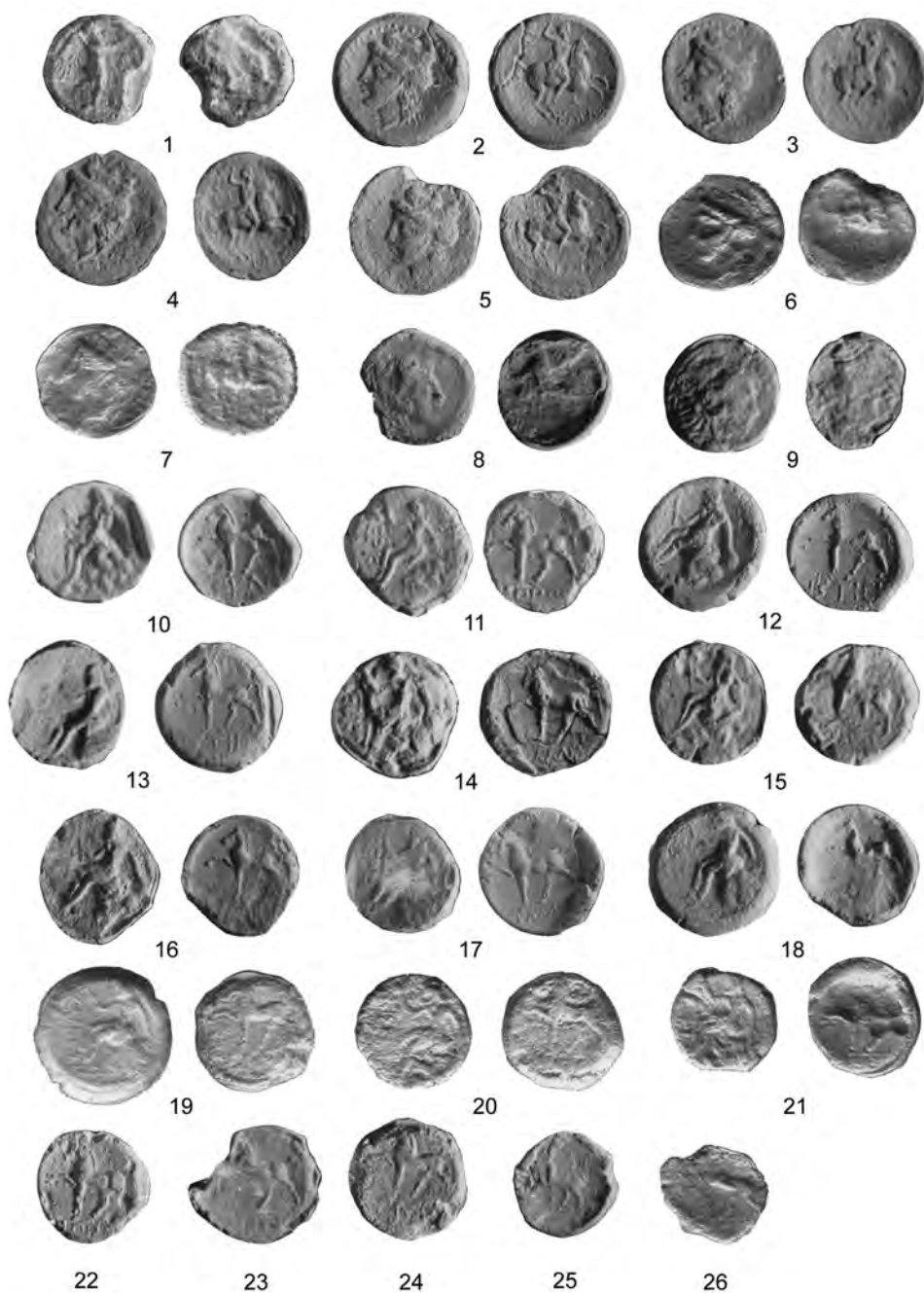

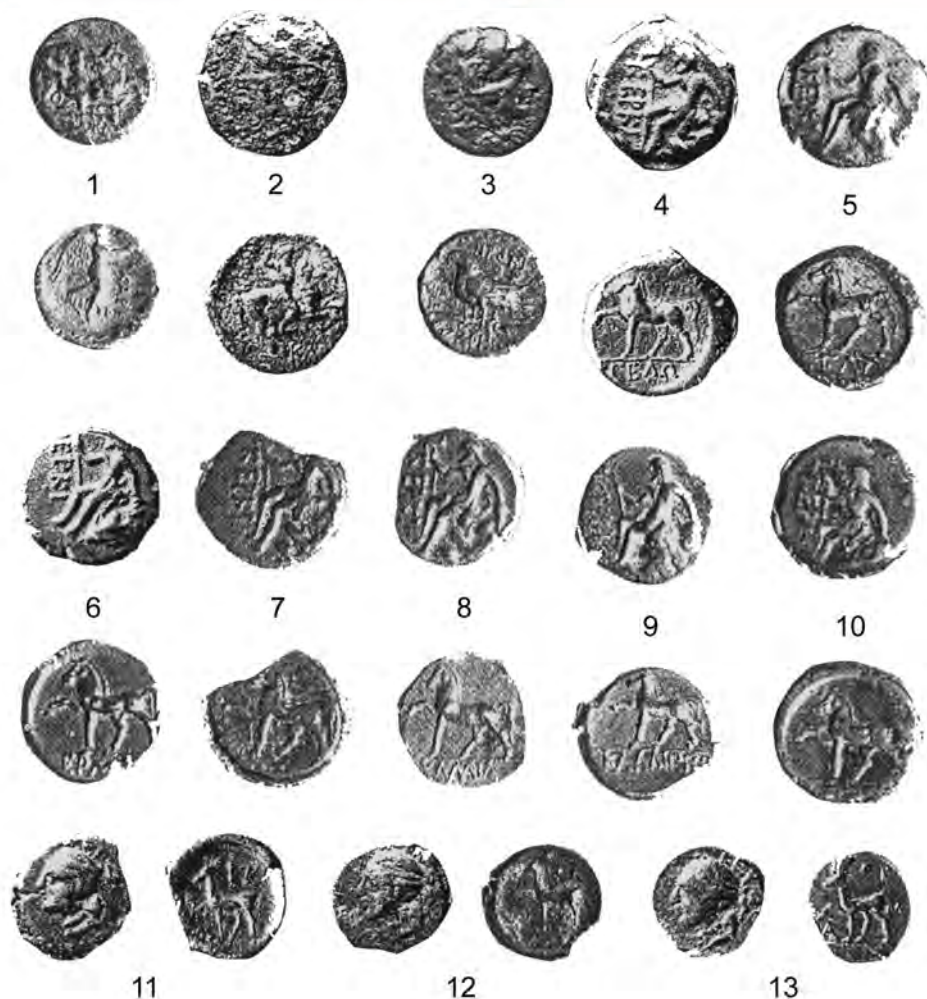
Рис. 89. Монеты Керкинитиды IV – III вв. до н.э.
из собрания Государственного Эрмитажа

предметах. Этникон на выпусках Гераклея и Кромны расположен над или за головой богини, Керкинитиды и Амиса — на другой стороне. Детальное сравнение чекана всех четырех причерномор-

ских центров позволяет с полной очевидностью судить о том, что мастер, вырезавший керкинитидский штемпель, творчески переработал сюжеты перечисленных южнопонтийских городов. Од-

*Рис. 90. Монеты Керкинитиды IV – III вв. до н.э.
из собрания Евпаторийского краеведческого музея*

*Рис. 91. Монеты Керкинитиды IV – III вв. до н.э.
из собрания Британского музея*

нако далеко не все приведенные нумизматические параллели равнозначны. Среди них доминирующую роль, несомненно, занимают гераклейские монеты, послужившие для остальных образцом подражания. Вероятно, именно поэтому, сравнивая образ Тихе на монетах Керкинитиды и Гераклея, трудно отделаться от впечатления идентичности

профилей воспроизведенной на них богини. Одинаковый рисунок глаз, надбровные дуги, уста и овал лица в целом создают улыбчивый (даже лукавый) облик обоих изображений женщины. Сходство мимики позволяет признать высокое профессиональное мастерство керкинитидского мастера, сумевшего уловить и передать характер и стиль ори-

гинала. Эти бронзовые монеты Керкинитиды без преувеличения следует назвать памятниками искусства.

Обратимся к обратной стороне данного монетного типа. Сцена на последнем находит ближайшие параллели с сюжетом на монетах первой группы сицилийского города Гелы, относящихся к 490/485–480/475 гг. до н. э., и в еще большей степени Тарента, датированных 344–334 или, по новым данным, 330–320/315 гг. до н. э.¹⁵⁷. где также воспроизведен осадивший лошадь всадник вправо с поднятой и согнутой в локте рукой, в которой он держит копье. Наездник на этих изделиях обнажен, четко проработана его мускулатура, в то время как на монетах Керкинитиды бородатый воин одет в скифский двупольный кафтан, подпоясанный на талии, с большим треугольным вырезом на груди, полы распахнуты, из-под них выступают ноги в узких штанах — анаксиридах. В экипировке лошади четко различаются петля повода и более широкий нагрудный ремень, прикрепленный к седлу в полном соответствии со скифской конской сбруей. Детали оголовной части узды не различимы. Художественная трактовка изображения коня сближает рассматриваемые керкинитидские монеты с показом животного на денежных знаках киликийского города Келендерида¹⁵⁸. Однако на первых, в отличие от всех монет упомянутых выше древнегреческих городов, несомненно, воспроизведена местная низкорослая порода лошади,

встречающаяся у скифов. Все сказанное еще раз подтверждает весь реализм данной композиции и хорошие знания мастером местных условий.

Все построение композиции, динамизм сцены передают момент то ли атаки неприятеля (как например на Солохинском гребне), то ли охоты на хищного зверя. Наиболее близкими, почти полными аналогами этого изображения являются всадники из рельефной композиции на серебряной с позолотой чаше из кургана Солоха¹⁵⁹: они облачены в такую же одежду и снабжены таким же вооружением. Здесь мы можем наблюдать не только стилистическую близость, но и полное совпадение поз и жестов наездников со взмахнувшей над головой в момент метания копья рукой, движений лошадей с той лишь разницей, что на сосуде морда испуганной лошади обращена к зрителю. В этом отношении обоим образам — на монетах Керкинитиды и на солохинской вазе — очень близка по своей экспрессивности сцена атакующего лучника на монетах Атея середины IV в. до н. э.¹⁶⁰. Однако мы бы не стали объявлять чекан Атея предметом подражания керкинитидских монетариев¹⁶¹. Прежде всего, монеты Керкинитиды в художественном отношении несколько не уступают выпускам скифского правителя, а в передаче отдельных деталей, их трактовки, они более точны и утонченны. К тому же, в них гораздо больше сходства не со вторым, а с первым — ранним типом скифских монет.

Момент атаки скифским лучником, воспроизведенный на монетах Атея (это любопытное совпадение следует отметить), полностью повторяет до мельчайших деталей образ всадника на том же самом серебряном сосуде из кургана Солоха. Разница лишь в том, что, естественно, бородастый Атей натягивает лук над головой лошади и, следовательно, стреляет вдаль, в движущегося противника; на чаше же стрелок целится в львицу, и поэтому его лук направлен вниз. Более того, всадник с копьем на монетах Керкинитиды и воин с натянутым для стрельбы луком на чекане скифского царя — это не что иное, как варианты в одной и той же сцене травли фантастического зверя, запечатленной древним торевтом на рельефе неоднократно упомянутой выше солохинской чаши. Все эти сюжеты (возможно эпические) столь близки между собой, что надо признать синхронными украшенные ими предметы. Они, несомненно, относятся к одной исторической эпохе — к расцвету Скифской державы в Причерноморье — непродолжительному периоду, подарившему нам целую серию первоклассных высокохудожественных произведений искусства. Среди других аналогов всадника на монетах Керкинитиды можно привести гравировку атакующего наездника на золотой пластине и на бляшке из кургана Куль-Оба, относящихся, однако, к несколько более позднему времени.

Рельеф на сосуде из кургана Солоха, особенно с той стороны, где изображена схватка со львом,

очень близок сцене на так называемом саркофаге Александра Македонского, хотя на нем показаны не скифы, а конные перс и грек. Композиция здесь усложнена еще одним персонажем в центре — пешим персом, замахнувшимся на льва секирой. Во всем же остальном — в выборе критического момента охоты, в позах всадников и сопровождающих их собак, в повадке хищника — они очень схожи ¹⁶².

Не лишено определенного смысла, несмотря на разные выразительные средства, сопоставление солохинского, а, следовательно, и керкинитидского всадника с Беллерофонтом, поражающим Химеру, на одной из олинфских мозаик первой половины IV в. до н. э. ¹⁶³. Все приведенные выше аналоги, как нумизматические, так и на памятниках изобразительного искусства, позволяют нам распространить вывод Н.А. Онайко по отношению к наездникам на сосуде из кургана Солоха и на монетный сюжет Керкинитиды ¹⁶⁴: верховой на них (при всем скифском этнографическом реализме) воспроизведен в полном соответствии с классическими греческими традициями.

Следующий монетный тип с безбородым Гераклом и орлом на молнии встречается достаточно редко (*Рис. 90, 8–9; 91, 3*). Лицевая его сторона полностью копирует уже упоминавшийся выше аверс серебряных монет Сатира. Реверс рассматриваемых изделий содержит изображение, очень близко напоминающее обратную сторону монет Абидоса

411 — 387 гг. до н. э. и последующего времени с той лишь разницей, что орел на последних имеет вертикальное положение с выставленной вперед грудью¹⁶⁵. Два последних монетных типа, как уже отмечено выше, принадлежат, скорее всего, к одной нумизматической серии. Сказанное вытекает не только из сопоставления их весовых характеристик и имен магистратов, но также (и это, пожалуй, самое главное) из того факта, что обе они копируют сюжеты сторон одного и того же гераклеийского оригинала.

Последняя эмиссия Керкинитиды — наиболее обильная, часто встречаемая как при раскопках, так и в различных коллекциях. На лицевой стороне старшего ее номинала изображен сидящий бородатый скиф в традиционном одеянии, хорошо нам известном по рельефным композициям торевтики причерноморских курганов (*Рис. 88, 3–9; 89, 1–17; 90, 1–13; 91, 4–10*). Можно даже предположить, что здесь помещен спешившийся всадник предыдущего выпуска, а лошадь его перенесена на обратную сторону. Иначе говоря, мастер мог преследовать цель как-то увязать между собой сюжеты различных в хронологическом отношении монет. Однако резчику штампа явно не хватило настоящего профессионального мастерства и технических средств, для придания подлинно художественной выразительности своему изданию: штемпель его выполнен (как приходится признать) на ремесленном уровне. Его про-

изведение явно уступает монетным выпускам предшествующей эпохи. Естественно, центральное место на рассматриваемой монете занимает изображение лицевой стороны, которое мы (по этнографическому признаку) назвали сидящим скифом. Уже М.И. Ростовцев сравнивал сюжет керкинитидской монеты с одним из персонажей на Воронежском серебряном сосуде¹⁶⁶, а А.В. Орешников и В.А. Ильинская (менее обоснованно) — с очень схематическим рисунком на аксютинской поясной пластине¹⁶⁷. С тех пор количество памятников «скифской» жанровой торевтики значительно возросло. Однако и до настоящего времени указанная М.И. Ростовцевым аналогия иконографически является самой близкой, хотя и несколько более ранней.

Местные варварские мотивы, воспроизведенные на описываемых монетах Керкинитиды в эпоху раннего эллинизма, по стилю напоминают наиболее популярные нумизматические серии таких греческих городов, как, например, Геракле Понтийской 302–289 гг. до н. э. и Кизьяка 330–280 гг. до н. э.¹⁶⁸, испытывающих влияние статоров и тетрадрахм Лисимаха. При этом, разумеется, они различались по уровню своего художественного исполнения. Поза молодого Диониса на реверсе первых и Аполлона на вторых в общих чертах и некоторых деталях совпадает с положением бородатого скифа. Еще большее сходство можно отметить между сценой на монетах Керкинитиды и фессалийского полиса Гомфи (Филиппополя) 302–286 гг. до н.

э. На последних в том же, что и скиф, ракурсе показан сидящий на скале Зевс со скипетром в вытянутой правой руке ¹⁶⁹.

Надо сказать несколько слов и о том основании, на котором сидит мужская фигура. Большинство нумизматов, анализирующих монеты Керкинитиды, видит в этом скалу (А. Заллет, А.В. Орешников, Б. Хэд, Б. Кене и др.). Вероятно, поэтому Б. Хэд и называет сидящую персону Посейдоном. Напомним также, что именно на камнях восседают или полулежат скифы с рельефных сосудов из курганных погребений. Однако при всем том на лучших из рассматриваемых монет в качестве сиденья изображен не бесформенный камень или скальный массив, а небольшой предмет — нечто вроде табурета на четырех рельефно обозначенных ножках, выступающих из-под двух косых полос, параллельно которым воспроизведен колчан с луком. Однако такой знаток античных монет, как А.А. Бертье-Делагард, не решился как-либо назвать этот предмет. Он не исключал возможность того, что к сиденью прислонен щит в виде пельты амазонок ¹⁷⁰. К сожалению, невысокое качество большинства штампов не позволяет нам детально рассмотреть эту часть изображения на монетах. При этом вспомним, что на уже упомянутых выше выпусках Кизика и Гераклея божества сидят именно на стульях; причем моделировка табурета под Аполлоном весьма сложна и он перекрыт краем ниспадающего гиматия. К тому же и на так на-

зываемой аксютинской бляшке (из курганного погребения в Полтавской области) показан бородатый скифский царь с секирой и ритонном, сидящий именно на табурете с четырьмя ножками. Вместе с тем, при осмотре нумизматической коллекции Керкинитиды не возникает сомнения в том, что на монетах, наряду с искусственными сиденьями, встречается бесформенная каменная глыба (на нечто подобное усажен в той же позе, например, Зевс со скипетром в руках на фессалийских монетах или молодой Геракл на выпусках Лами (все вместе взятые относятся к 302–286 гг. до н. э. ¹⁷¹). Если это так, а в этом можно убедиться еще раз на серии новых хорошо чеканенных монет, то перед нами, быть может, некоторое переосмысление первоначального сюжета: замена не свойственного варварам типично греческого сиденья аморфной грудой камней, на которых, как правило, они и усажены во множестве случаев (Воронежский курган, Гайманова могила, Куль-Оба).

И наконец, наиболее существенный для нас вопрос: кто изображен на аверсе монет Керкинитиды? Обычно ограничиваются лишь указанием на этническую принадлежность бородатой фигуры. Только Г. Фридлендер, а вслед за ним В.И. Павленков недавно предприняли попытки атрибутировать его в качестве скифского божества или героя. Действительно, иконография сюжета близка уже указанным выше образам божеств на эллинских монетах. Подчеркну-

В.И. Павленков с очередной археологической находкой: самосским кувшином последней четверти V в. до н.э. 1982 г.

тая официально-торжественная поза скифа с секирой в правой руке как раз свидетельствует не в пользу того, что перед нами «местный житель в туземном костюме»¹⁷² или отражение мирных бытовых сценок, как посчитал А.Н. Зограф¹⁷³, а скорее напротив — почитаемый в скифской среде героизированный деятель или, быть может, царь. Подобное предположение становится вполне правдоподобным, если учесть предложенную Д.С. Раевским интерпретацию многоплановых сцен на памятниках местной торевтики как иллюстрации скифской генеалогической легенды¹⁷⁴. Такие рельефы, как уже сказано, представляют в художественно-стилистическом отношении наиболее близкие параллели образам монет Керкинитиды.

Не последнюю роль в интерпретации сюжета играет предмет в правой руке сидящей фигуры, в котором усматривают обычно

секиру-сагарис. Только А.В. Орешников одно время принимал его, и это как будто отчетливо видно на некоторых оттисках, например, эрмитажной коллекции (кат. №№ 3, 7, 9), за дельфина на жезле; следовательно, сидящего можно было принимать как речное божество — что-то вроде Борисфена. Однако большое количество новых находок с достаточно четким чеканом аверса, а также близкое изображение на пластинке поясного набора из Аксютинского кургана заставило московского нумизмата вернуться к общепринятой точке зрения. Такая форма ритуального топорика с широким луновидно изогнутым или плоским треугольным лезвием и отогнутым кверху обухом позволила Е. Миннзу сравнивать его с секирами на синхронных монетах Керкинитиды и ольвийских «борисфенах»¹⁷⁵. По мнению М.И. Ростовцева, они, наряду со скипетром и нагайкой, являлись не боевым оружием, а одним из знаков царской власти наряду с ритонами и скипетрами¹⁷⁶. В.А. Ильинская принимала оформленные в зверином стиле сагарисы за отличительные знаки предводителей отдельных родов, отрядов или каких-либо других небольших подразделений скифского войска¹⁷⁷, но это противоречит их воспроизведению на изобразительных памятниках с мифологическими сюжетами (например, на Воронежском сосуде).

П.О. Карышковский, признавая подобное, преимущественно декоративное оружие знаком власти и достоинства, атрибутом

военачальника, не рискнул, тем не менее, определить, какого именно ранга особам они принадлежали — царям или военным предводителям среднего уровня¹⁷⁸. Ряд других исследователей трактовали подобные предметы тоже как признаки власти, но не раскрывали конкретного содержания последней (Б.Н. Граков, М.И. Артамонов, А.М. Хазанов). Носящие символический смысл однолезвийные секиры, опирающиеся на правую ногу воина (на монетах Керкинитиды), как нам представляется, требуют более обобщенной трактовки этого образа: в нем можно, прежде всего, увидеть Колаксия — первого царя скифов и как бы основателя целого слоя скифской военной аристократии, атрибутом и символом которого была именно золотая секира. При такой трактовке становится абсолютно понятным изображение на реверсе той же монеты коня: соляной ипостаси Колаксия — не только родоначальника скифских царей, но и воплощения солнца¹⁷⁹. Культ родоначальника скифских царей в свое время стал более значительным, чем почитание его отца и прародителя всех скифов — Таргитая¹⁸⁰. С.Ю. Сапрыкин видел в сидящем скифе местное божество или героев Таргитая и Колаксия¹⁸¹.

В настоящее время количество известных штампов обратной стороны рассматриваемого монетного типа Керкинитиды превышает число магистратских имен на них. Их стилистическая близость друг другу, а вернее, упрощенная до предела трак-

товка сюжета, может указывать на изготовление всех монетных штемпелей этой серии одним и тем же резчиком. Конечно, в идеальном случае следовало бы построить относительную хронологию монетных выпусков и магистратских имен на них, воспроизведенных по аверсам, штемпели для чеканки которых менялись не при смене чиновников, а по мере их физического изнашивания. Однако последнее затруднено, ибо сопоставление почти невыполнимо из-за крайне небрежной в большинстве случаев чеканки, нечеткости оттисков, нередко смещенных во время удара.

Монеты последнего типа стилистически и типологически полностью примыкают к предыдущему выпуску, который являлся старшим номиналом серии (*Рис. 88, 10–11; 89, 19–20; 90, 25–26; 81, 11–13*). Они, составляя половину крупной монеты, полностью совпадают с ней по форме монетного кружка, фактуре металла, потрескавшегося по краям в результате деформации линзообразной заготовки при ударе. Эта монетная чеканка более других связана с предыдущими монетными типами Керкинитиды. На ее реверсе помещен олень вправо, так же как и на старшем номинале, конь — с высоко поднятой правой ногой. Причем ремесленник совершенно в той же манере передал и анатомию животного, на удивление похожего на изображение лошади. Очень много общего также между Тихе в башенной короне на ранних эмиссиях и Артемидой на монетах рассматриваемого типа. Богиня на последних укра-

шена серьгами и ожерельем. Более того, мастеровой попытался в невысоком рельефе обозначить надбровные дуги. Однако глаза Артемиды чрезмерно выпуклы, а нос заострен, да и лицо в целом получилось с чересчур остро обозначенными чертами. В результате, в отличие от плавных и мягких очертаний облика богини на ранних монетах, на позднейших ее образ оказался слишком упрощенным; монетарий в данном случае был менее искусным, хотя, с нашей точки зрения, этот резчик если и не копировал, то, во всяком случае, имел перед собой первую монету.

На монетах рассматриваемого типа было известно до недавнего времени лишь два из семи знакомых нам по старшим номиналам магистратских имени — ЕРМА и ГЕΛΩ, что могло послужить основанием для предположения о менее продолжительном их выпуске. Однако совсем недавно нам попался оттиск аналогичной малой монеты с двумя буквами на реверсе «КА», видимо, сокращение одного из имен, воспроизведенного в более полной форме «КАΛΛΙΑ» или «КАΛΛΙΠΠΟ» на крупном номинале. Первая буква — над оленем, вторая — сзади. Эта новая находка, тем не менее, вряд ли меняет общую картину, связанную с последней нумизматической серией Керкинитиды: общее количество монет с Артемидой-ланью невелико, а новые поступления незначительны. Так, по каталогу Л.И. Медведевой их в шесть раз меньше, чем монет типа скиф-конь; в Херсонесе же приходится только

одна такая монета на тридцать обнаруженных здесь крупных выпусков¹⁸². Из раскопок последних лет на шесть монет старшего номинала приходится всего два экземпляра младшего. Данное соотношение весьма показательно, но в таком случае мы вправе признать монетные выпуски с именами «ГЕΛΩ» и «ЕРМА» наиболее ранними, в то время как в последующий период, по каким-то пока неизвестным нам причинам, более мелкие типы не чеканились.

Итак, монетный чекан Керкинитиды в художественно-стилистическом от ношении и технологически распадается на две обособленные группы, эволюционно не связанные между собой. Следовательно, между ними был определенный хронологический разрыв, настолько длительный, что была утеряна стилистическая преемственность. Такое заключение, в частности, подтверждается отсутствием одних и тех же магистратских имен на разновременных выпусках и, напротив, их встречаемость на разных монетных типах внутри самих групп. Такое заключение может быть опровергнуто относительно недавно увиденной в частной коллекции монетой типа Тюхе-всадник, на которой встречено магистратское личное имя ЕСМБ, то есть такое же как и на монетах типа сидящий скиф-конь¹⁸³. Однако, скорее всего, это не одно и то же лица, а анонимы или родственники: дед и внук?

Монеты первых трех выпусков, две из которых принадлежат к одной нумизматиче-

ской серии, в художественном отношении на порядок выше последующих и, повторяем, в полном смысле слова являются произведениями искусства малых форм, в то время как позднейшая монетная серия — обыкновенные ремесленные изделия, к тому же выпущенные достаточно массовым тиражом.

Абсолютная хронология монет Керкинитиды представляется следующим образом: за первым монетным типом, выпущенным в самой середине IV в. до н. э., последовала серия из двух номиналов, синхронная ранним монетам Атея. Все они столь тщательно копировали монеты гераклеяского тирана Сатира, что, вероятно, должны быть отнесены ко времени его правления — 352–345 гг. до н. э. Отправным моментом для датировки позднейшей и наиболее обильной монетной серии Керкинитиды, помимо приведенных выше нумизматических параллелей, послужило для наших предшественников вполне обоснованное сопоставление ее с херсонесским монетным типом — Дева, поражающая лань, — бодающий бык. Все они чеканились на двояковыпуклых линзообразных заготовках с острыми краями. Такая техника применялась в Херсонесе очень короткое время — в течение первого десятилетия III в. до н. э.¹⁸⁴

Иначе говоря, не приходится говорить о ритмичной и непрерывной чеканке монет Керкинитиды на протяжении четырех десятилетий. Напротив, после весьма краткосрочного и малочисленного выпуска одиночных

монет с Никой и серии из двух номиналов — Тихе-всадник и Геракл-орел — в середине IV в. до н. э. произошел длительный хронологический разрыв в работе керкинитидского монетного двора. Возобновление монетного производства Керкинитиды в начале третьего столетия ознаменовалось выпуском в обращение самой многочисленной за всю историю города нумизматической серии — Колаксай-конь и Артемида-олень. Эта эмиссия действительно осуществлялась на протяжении примерно десятилетия. Однако за прошедшее время (достаточно длительное) были утеряны местные традиции чекана, столь характерные для изделий постоянно действующего монетного двора.

Об этом говорит и сам состав нумизматической коллекции Керкинитиды. Если даже судить только по магистратским именам, то монеты ранней группы чеканились не более чем тремя штампами (Ника-лев-бык — 1 штемпель; Тихе-всадник — 3 шт.; Геракл-орел — 2 шт.), тогда как последняя серия насчитывает семь имен чиновников. Кроме того, детальное сопоставление между собой реверсов позднейшей группы позволяет говорить, что обратная их сторона билась, по крайней мере, в два раза большим количеством матриц (ΓΕΛΩ — 3; ΕΡΜΑ — 1; ΙΡΡΟΚΡΑ — 2; ΚΑΛΛΙΑ — 2–3; ΚΑΛΛΙΠΠΟ — 2–3; ΙΣΤΙΕΙΟ — 2; ΠΑΣΙ — 1). Весьма показательны также само соотношение между собой ранних и поздних монетных экземпляров — 19 против 95, то есть 1:5 (по ката-

логу А.И. Медведевой). Практически, оно полностью совпадает с сопоставлением, вытекающим из изучения монетных штампов.

Самый последний, с нашей точки зрения, решающий довод в пользу не эволюционного развития монетного чекана Керкинитиды состоит в том, что в разных хронологических группах сокращенное воспроизведение городского имени различно — *KAPKINITIS* и *KERKINITIS*. Причина перерыва кроется, вероятно, прежде всего, в изменении самого статуса Керкинитиды, в превращении ее из хотя и небольшого, но самостоятельного полиса в подчиненный Херсонесу город. Письменные источники практически не сообщают нам о том, как именно складывалась судьба древнего полиса на протяжении IV в. до н. э. Попробуем, поэтому извлечь возможную информацию опять же из самих монет.

Прежде всего, обращает на себя внимание четко выраженная военная символика ранних типов Керкинитиды (Ника, сцена терзания, башенный с зубцами головной убор Тихе). Причина ее появления на эмиссиях по-разному объяснялась в литературе. Так, А.Н. Гилевич, сопоставив между собой синхронные монетные выпуски Херсонеса и Керкинитиды с подобными триумфальными мотивами, пришла к выводу, что они, вместе взятые, отображают одно и то же событие — победу над скифами в ходе подчинения Северо-Западного Крыма дорийскому государству¹⁸⁵. Естественно, в таком случае, Керкинитиды

активно выступила на стороне Херсонеса (на правах союзного города)¹⁸⁶. Совсем иная, в полном смысле противоположная, точка зрения была высказана недавно не только автором, но и В.А. Анохиным. Суть ее в том, что весь характер изображений на монетах Керкинитиды имеет скорее антихерсонесскую направленность. Причем ранний монетный тип с Никой, равно как и с Тихе, по высказанному ранее мнению автора этой работы отражает успешное противостояние Керкинитидского полиса экспансии Херсонеса. Напротив, В.А. Анохин оценивал появление монет того же вида как результат обретения вновь независимости от Херсонеса, будто бы потерянной городом в самом начале IV в. до н. э. Это событие совпало, по его мнению, с падением власти олигархов в Херсонесе в 330 г. до н. э. Столь различное понимание политической ситуации заставляет вновь обратиться к рассмотрению данного вопроса.

В первую очередь отметим целый ряд фактов, противоречащих всем вышеизложенным взглядам и попробуем нащупать новое решение проблемы. На лицевой стороне самой ранней монеты Керкинитиды помещено изображение богини победы — Крылатой Ники, на оборотной — схватка льва с быком. На старшем номинале следующей серии изображена Тихе — божество случая и счастья, благополучия, а также, учитывая характер головной убора, спасительница и охранительница государства от какой-то внешней опасности.

Например, на монетах Кизика вместо зубчатой короны на голове Кору воспроизведена надпись — Сотера (спасительница). Такая военная символика монетной чеканки Керкинитиды, по-видимому, отражает изменчивый характер тех исторических событий, которые пережил город в IV в. до н. э.: какой-то военный успех, неизвестный нам по письменным источникам, а вслед за тем — новая угроза, избежать которую полису удалось благодаря «чудодейственному» вмешательству богини — покровительницы гражданской общины. Это и получило отражение в монетном сюжете. Аналогичное изображение, как известно, на монетах Гераклеи (послуживших керкинитидским монетариям образцом) появилось во времена внутренних смут и внешней угрозы. Голова Девы с таким же головным убором была помещена на монетах Херсонеса в критический для него период — накануне походов Диофанта, когда город был практически на осадном положении, а скифы то и дело нападали на него (однажды даже во время праздничного шествия в честь Диониса).

На обратной стороне монеты с Тихе помещен атакующий скифский всадник — символ той реальной силы, которая, по всей видимости, помогла божеству, а вместе с ним и полису уйти от военного поражения. Но в данном случае почти невероятно участие Керкинитиды на стороне Херсонеса и их совместная победа над скифами. С другой стороны, заимствование керкинитидскими

монетарными гераклейских сюжетов (Тихе, Геракл в львиной шкуре) и символов (палица Геракла), совпадение сцены терзания с образом на монетах Херсонеса, все это, казалось бы, не отвечает открытой конфронтации между двумя таврическими полисами. В.А. Анохин пытается снять такое противоречие признанием «участия Гераклеи в освобождении Керкинитиды от олигархического Херсонеса около 330 гг. до н. э.». Представляется, однако, маловероятным предположение о такой враждебности между метрополией и колонией даже при разном государственном устройстве. Поскольку немыслим без участия Гераклеи столь бурный экономический и территориальный рост тогда еще небольшого в середине IV в. до н. э. Херсонеса.

Приведенное выше попарное сравнение монетных типов понтийских городов не исчерпывает всех возможных сопоставлений сразу нескольких синхронных монетных выпусков разных политических образований. Поясним сказанное на конкретных примерах, которые открывают новые возможности в интерпретации всего нумизматического материала. Так, голова Геракла в львиной шкуре на лицевой стороне гераклийских монет была одновременно воспроизведена на аверсе монет Атея и младшей сестры Керкинитиды с той лишь разницей, что в первом случае была полностью сохранена ориентация силуэта, а во втором лицо героя обращено в противоположную сторону — вправо. На реверсе керкинитидского выпуска по-

мещен орел на молнии — символ Зевса, отца этого легендарного персонажа. Таким образом, обе стороны мелкой монеты семантически прочно связаны друг с другом. Богиня в башенном уборе с реверса гераклейского чекана украсила лицевую сторону старшего номинала той же серии Керкинитиды. Помимо того, всадники на керкинитидских и атеевых выпусках стилистически близки между собой. Приведенные выше сравнения не исчерпывают вопрос о возможных контактах между противоположными берегами Понта. Штемпель для изготовления как монет Гераклеи, так и Атея был вырезан, несомненно, одним и тем же художником, в обоих случаях отчетливо прослеживается рука одного мастера. Однако из этого еще не следует обязательное признание их чеканки в самой Гераклее. Они могли биться и на одном из северо-западнопричерноморских монетных дворов, хотя бы и (учитывая сказанное выше) в Керкинитиде или другом зависимом от скифов пункте. Следует также вспомнить, что второй монетный тип скифского базилевса был выпущен в гераклейской колонии — Каллатии.

Займствование гераклейских сюжетов отмечено и для несколько более раннего кратковременного чекана Фанагории и Феодосии (бодящий бык, голова Геракла и палица)¹⁸⁷. Дорийская эмблематика, по всей видимости, отражает не просто дружеские контакты и политическую ориентацию на крупный южно-понтский центр, а, прежде

всего, на союзные отношения (симмахию) между причерноморскими полисами, что особенно ярко проявилось в войне Гераклеи на стороне Феодосии против Левкона. Западная экспансия Боспорских правителей, захват Феодосии делали весьма вероятным (при существующей конфигурации полуострова) распространение влияния Спартокидов на всю Таврику. Такое развитие событий ни в коей мере не устраивало ни Гераклею, чьи экономические интересы были прочно связаны с Северным Причерноморьем, ни скифскую державу. На этой почве между этими двумя вполне реальными силами мог сформироваться временный, направленный против Боспора союз, к которому примкнули и гераклейские колонии — Херсонес, Каллатий и, быть может, Керкинитиды, что и получило отражение в их синхронной монетной символике. Последняя, как стало недавно известно, из нового эпистолярного документа, находилась, по крайней мере, в конце V в. до н. э., в трибутивной зависимости от скифов (см. ниже). Такое положение этого ионийского полиса могло сохраняться и в последующее время. Естественно, реконструируемая нами политическая ситуация в регионе предполагает распространение власти Атея на всех причерноморских скифов, а не только на территорию Добруджи. Напротив, симмахия Гераклеи, Херсонеса и Керкинитиды, как полагает С.Ю.Сапрыкин, была направлена не против Боспора, а скифов во главе со Атеем, с чем

нельзя согласиться¹⁸⁸. Прежде всего, сказанному противоречит тот не маловажный факт, что штемпели для варварских монет были вырезаны эллинским мастером и чеканены в Гераклее или Херсонесе

Все сказанное выше, конечно, является гипотезой, основанной преимущественно на анализе понтийских монет. Попутно отметим, что в нашем случае речь идет лишь о 50–40-х гг. IV в. до н. э. За столь же длительное правление этого скифского царя его отношения со Спартокидами могли не раз меняться. У рассматриваемой проблемы есть и еще одна важная сторона: при таком характере взаимоотношений между Гераклеей и Атеем трудно допускать вероятность захвата северо-западного побережья Крыма Херсонесом. Напротив, освоение этой части полуострова дорийским полисом осуществлялось, скорее всего, по инициативе метрополии, ибо без прямого ее содействия немыслима организация столь значительного мероприятия. Такая возможность могла быть оговорена заранее. К тому же, эта территория не имела оседлого скифского населения.

Итак, прекращение монетной чеканки вскоре после середины IV в. до н. э., вероятно, отражает факт полного подчинения ионийской Керкинитиды дорийскому Херсонесу. До сих пор, однако, остается открытым вопрос о том, как произошло присоединение этого небольшого города: путем простого поглощения (абсорбции) более крупным государ-

ством с последующим вливанием членов его гражданской общины в филы херсонесского сообщества или они образовали новую четвертую филу?

Не менее важным для нас остается вопрос о том, как воспринимать возобновление монетного производства Керкинитиды в самом начале III в. до н. э., после более или менее значительного перерыва: как чисто экономическое мероприятие или акт кратковременной автономии города? Ранее автор данной работы отдавал предпочтение второму предположению, основываясь на соотношении их с херсонесской присягой, относимой вслед за Е.И. Леви и другими авторами к 80-м гг. третьего столетия до новой эры. Не скрою, определенным образом на нас повлияла господствующая в советской нумизматической литературе оценка факта возобновления выпуска монет ранее зависимых городов как тенденция к сепаратизму. Правда, в последнее время все больше оспаривается и вполне справедливо «прочно осязаемая связь между абстрактным понятием суверенитета и правом чеканки»¹⁸⁹. Это особенно относится к эпохе Филиппа II, Александра Великого и его ранних преемников, то есть рассматриваемому нами периоду.

Вернемся, однако, к упомянутой клятве граждан Херсонеса. Ю.Г. Виноградов предложил расширенную аргументацию датировки данного документа рубежом IV–III вв. до н. э. или, по крайней мере, не позднее самого начала следующего столетия. Та-

ким образом, он несколько детализировал хронологию надписи, предложенную В.В. Латышевым и принятую другими авторами¹⁹⁰. Из сказанного следует, что и присяга, и последняя монетная серия Керкинитиды синхронны. Но в таком случае позднейшие ее монеты не могут свидетельствовать в пользу независимости города, поскольку в рассматриваемом эпиграфическом памятнике Керкинитида дважды названа как неотъемлемая часть Херсонесского государства без обозначения ее какого-либо особого положения. Подтверждением сказанному в еще большей степени служит бесспорная реальность перевода названия города с ионийского диалекта на ранних типах на дорийских на позднейших — КАРК, КАРΚΙΝΙ — КЕРΚΙ. Выпуск в обращение многочисленной серии бронзовых монет не только для местного городского, но и всего внутривхерсонесского рынка с принудительным курсом сулили немалые поступления в бюджет Керкинитиды. Следовательно, эта чеканка — суть экономическая уступка с целью предоставления городу возможности поправить свое финансовое положение в непростой период его существования. Вместе с тем, в представлении древних греков, несомненно, имелась определенная связь между идеей их независимости и выпуском в обращение собственной монеты. В свете сказанного, керкинитидская бронза начала III в. до н. э. могла восприниматься как проявление лояльности Херсонеса по отношению к недавно подчинен-

ной ионийской общине. Все эти послабления были той последней компенсацией, на которые пошел Херсонес с целью умиротворения населения поглощенного им керкинитидского полиса, прекратившего свое самостоятельное существование. Такие уступки со стороны Херсонеса были вызваны резким обострением внешнеполитической обстановки в Таврике в связи с возросшей агрессивностью кочевников, а также острой борьбой партий внутри полиса, способствовавшей расколу самой гражданской общины.

Помещенные на рассматриваемых монетах Керкинитиды имена чиновников хорошо известны также в ономастике Херсонеса. Так, ΙΣΤΙΕΙΟ повторяется с той же полнотой на херсонесских монетах 320–310 гг. до н. э., с коленопреклоненной Девой и грифоном¹⁹¹. Причем небольшой хронологический разрыв между ними — лишь одно десятилетие — может объясняться неточностью их абсолютной датировки, вполне возможно, что они стыкуются. Имя магистрата Καλλία в той же форме написания (ΚΒΛΛΙΒ) встречено на одном из остраконов IV в. до н. э. в отчестве некоего Сирика¹⁹², а также на керамических клеймах середины того же столетия метрополии Херсонеса — Гераклеи Понтийской. И, наконец, аббревиатура ΠΑΣΙ может принадлежать астиному ΠΑΣΙΩΝ. известному на амфорных штампах Херсонеса начала III в. до н. э.¹⁹³. Если же приведенные выше ономастические сопоставления дополнить использованием одинаковой

техники литья монетных заготовок, близостью их фактуры, химического состава металла, единством монетной весовой системы и к тому же сходством стиля, то мы должны признать большое влияние Херсонеса на монетное дело Керкинитиды. В чем оно конкретно заключалось: заведыванием монетным чеканом Керкинитиды херсонесскими магистратами или их выпуском на херсонесском монетном дворе? Но в этих случаях эмиссия монетных знаков Керкинитиды находилась под контролем херсонесской администрации и носила больше декларативный с точки зрения политики характер. Однако это не исключает всего вышесказанного о финансовой стороне дела.

Такая интерпретация нумизматического и эпиграфического материала является, разумеется, весьма спорной, и это, прежде всего, определяется недостаточностью нашей современной научной базы. Но автора не покидает ощущение того, что мы все находимся на рубеже крупного источниковедческого прорыва, в результате которого может появиться возможность наполнить конкретным содержанием и реальными историческими лицами картину политической борьбы в Херсонесском государстве, а следовательно, и в Керкинитиде, на рубеже IV–III вв. до н. э. Но уже и сейчас становится очевидным, что политическая ситуация в полисе была более сложной и динамичной, чем нам ранее представлялось, соперничество между партиями — ожесточен-

ным и переменчивым. В целом же в Херсонесе протекали те же процессы, что и во всем эллинском мире.

В литературе конца прошлого века упоминалось несколько монет скифского царя Скилура, изготовленных, судя по присутствию на них имени города, в Керкинитиде. На основании этих предметов делался вывод о завоевании Керкинитиды Скилуrom, что само по себе вполне возможно и отвечает общей ситуации, сложившейся в Крыму. При этом город, по мнению целого ряда исследователей, находился по отношению к скифам в тех же условиях, что и Ольвия. О двух монетных типах сообщает П.О. Бурачков. Причем имя скифского правителя нумизмат «прочел» на аверсе малой монеты серии конца V в. до н. э., описанной выше. Изображенная здесь рыба была принята им за колос пшеницы. Изучение же монет коллекции самого П.О. Бураčkова, равно как и найденных в наше время, не выявило какой-либо иной надписи, кроме первой буквы имени города на реверсе. Более значительные трудности вызывает оценка второго монетного типа с изображением на лицевой стороне головы Скилура, позади которой — сагарис (топор) и этникон КЕР, а на оборотной стороне — лук с палицей и надпись «царь Скилур». К сожалению, Бурачков не опубликовал рисунков монеты, хотя и упоминает ее в более поздней своей работе, а также в письме к московскому нумизмату А.В. Орешникову. Из последнего, кстати, становится

ясным, что П.О. Бурачков лишь однажды видел эту монету, но не имел таковой в коллекции. Видимо, какие-то сомнения по поводу когда-то увиденной монеты возникали и у самого херсонского нумизмата, поскольку он не включил ее в свой капитальный труд «Общий каталог монет», опубликованный в 1884 г. в Одессе.

При рассмотрении этих так называемых монет Скилура сразу бросается в глаза их типологическое и стилистическое сходство с монетными сериями данного скифского правителя, выпущенными в Ольвии. На них, в отличие от керкинитидских, этникон города не был помещен на лицевой стороне. Плохая сохранность почти всех известных в настоящее время ольвийских экземпляров склоняет нас к той мысли, что в действительности монет Скилура, чеканенных в Керкинитиде, не существовало. Заблуждение П.О. Бураčkова, быть может, вытекало из неверного прочтения и ошибочной интерпретации одной из наименее выразительных ольвийских монет, увиденных известным нумизматом в период его увлеченных поисков древнего города. В пользу сказанного, помимо близости ольвийским монетам, говорит неправильное восстановление самого имени скифского царя, орфография которого хорошо известна по документальным ольвийским монетам Скилура, а также из повествований античных авторов, из эпиграфических памятников. Причина такой досадной ошибки кроется, вероятно, в том,

что часть монет скифского царя имела на лицевой стороне надчеканку города Истрии в виде круга с четырьмя спицами. Поскольку же эта позднейшая надчеканка на некоторых экземплярах плохо пропечаталась, перекрестие колеса легко могло восприниматься за первую букву названия Керкинитиды, а неясная рельефная моделировка волос и головного убора, при определенной «целевой установке», позволила реконструировать еще две следующие буквы имени города. Кроме того, против факта существования такой монеты свидетельствуют и археологические данные — прежде всего то, что в руках скифов оказался не город, а лишь его руины. К тому же монетный двор прекратил свою работу за более чем полутора столетие до захвата города скифами.

Итак, изучение денежных знаков одного из малых, представленных самим себе полисов Северного Причерноморья приоткрывает новые грани изучения исторического развития Керкинитиды. Это позволяет по-иному подойти к освещению некоторых аспектов истории древнегреческой колонии на отдаленной периферии эллинской ойкумены. Нумизматический материал не позволяет нам согласиться с мнением тех авторов, которые лишают керкинитидских монетариев самостоятельного художественного творчества, приписывая им простое копирование разнообразных сюжетов и символов денежных знаков других центров. В действительности создателей монетных штемпелей

ранних серий Керкинитиды мы вправе назвать настоящими художниками малых форм; даже заимствуя те или иные сцены, они творчески перерабатывали их в соответствии с конкретными целями, насыщая эти сюжеты местным скифским колоритом. Так возникали оригинальные монеты, не только отвечающие требованиям денежного обращения, но и политической символике, созвучные эстетическим вкусам граждан полиса. Новые монетные находки, возможно, откроют и новые перспективы их изучения и исторического интерпретирования.

Познакомив читателя с нумизматической проблематикой интересующего нас древнего города, автор надеется, что это вызовет не столько стремление к частному коллекционированию, сколько желание выявить каждую новую монетную находку

уже известного типа или (если кому-то особенно повезет) ранее неизвестной серии. Главное — сделать такие находки достоянием науки, как поступали наши предшественники. К примеру, еще в 1899 г. евпаторийский купец И.Ю. Захио передал в Археологическую комиссию коллекцию своих монет из бронзы. Эрмитаж далеко, но свой Евпаторийский музей — совсем рядом. Таким благородным поступком вы заслужите уважение не только современников, но и потомков. Ведь только детальное изучение всех нумизматических серий и подробное знакомство с каждой отдельной монетой позволяет более детально разработать их типологию и хронологию, прийти к важным историческим выводам. Новые монетные находки, несомненно, откроют и новые перспективы их изучения.

Письма из V века до н.э.

Письмо *Апатурия*. В 1984 г. в процессе раскопок восточной окраины Керкинитиды был обнаружен обломок стенки амфоры с древнегреческой надписью — граффити из восьми строчек (*Рис. 92*). Столь уникальная эпиграфическая находка превзошла все наши ожидания. Правда, археологическое лето того года было весьма «урожайным» на прочерченные на черепках надписи. Вспомним, например, упомянутое выше посвящение на доньшке чернолакового скифоса Артемиде Эфесской — одному из главных божеств малоазийских греков. Эпистолярные памятники являются большой редкостью, и поэтому появление каждого такого документа — событие всегда радостное.

В этом жанре письменности — сама жизнь древнего эллина. Частное письмо, не рассчитанное на широкий круг читателей, естественно, не претерпевало какого-либо предвзятого редактирования из государственных, социальных или иных соображений. Письмо — чистый (для нас идеальный) исторический источник, в котором субъективное восприятие событий сочетается с наиболее объективным их освещением. Касаясь, казалось бы, вполне конкретных житейских вопросов, письмо неизбежно

(что для нас особенно важно) отразило определенный срез истории города.

Как известно, в Древней Греции пользовались различными материалами для письма: наиболее распространенными были восковые таблички (пинаксы), которые широко использовались не только для обучения детей в школе, но и просто для повседневных записей, включая деловые и финансовые, для черновиков и тезисов выступлений политических деятелей, ученых, поэтов, а также набросков, которые затем переносились на папирус и пергамент. Деревянными дощечками, покрытыми воском, пользовались постоянно, затирая каждый раз предыдущие тексты.

Папирус доставлялся из Египта — единственного производителя этого материала, где он благодаря жаркому климату и слою песка сохранился до наших дней. Наиболее известное место находок папирусных свитков — древний город Оксирих. Оптимальные для этого материала условия сохранили уникальные отрывки из сочинений античных авторов, в том числе произведений, ранее считавшихся полностью утраченными для человечества. Вообще, благодаря открытиям археологов, в Египте родилась новая вспомогательная историческая наука — античная папирология.

К сожалению, в условиях Северного Причерноморья с более влажным и прохладным климатом папирус не сохранялся, во всяком случае, пока ни один из них не открыт. Вместе с тем, древние свитки наверняка имелись на берегах Понта. Дион Христом, писатель II в. н. э., посетивший Ольвию, не без удивления сообщал, что почти все ольвиополиты — потомки милетских переселенцев, основавших колонию в VI в. до н. э., наизусть знали «Илиаду». Значит, они обладали текстами. Поскольку же папирус доставлялся из Египта, он в силу своей дороговизны использовался для тиражирования трудов древнегреческих писателей и ведения государственной документации, например, написания постановлений совета и народного собрания, международных договоров, правовых обязательств. Последние хранились в полисных архивах; о существовании одного из них в Тире мы узнаем благодаря одному из почетных декретов города. Конечно, сюда привозили и уже готовые книги-свитки, которые и служили оригиналами для местных переписчиков.

Самым дорогим писчим материалом служил пергамент (соответствующим образом обработанная кожа животных, преимущественно овец и телят). Для того чтобы переписать поэмы Гомера, требовалась кожа целого стада животных. И хотя в причерноморских степях было достаточно скота, в силу сложности обработки кожи пергамен употреблялся понтийскими гре-

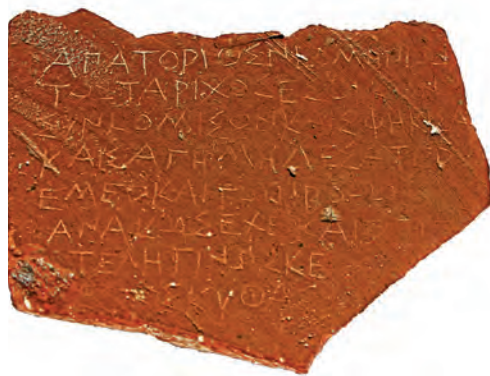
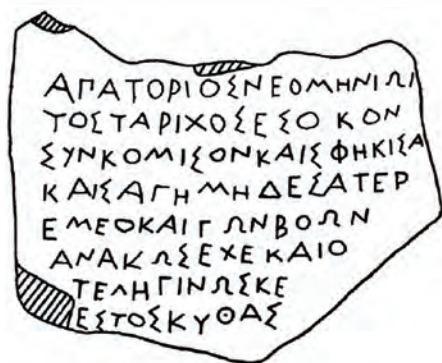

Рис. 92. Письмо Апатория к Невмению. Рубеж V — IV вв. до н.э. из раскопок Керкинитиды 1985 г.

ками очень ограниченно. К тому же, он вошел, так сказать, в моду значительно позже папируса, со II в. до н. э.

Гораздо более доступными, но зато более тяжелыми и потому неудобными были свинцовые пластины, на которых без особого труда можно было нацарапать острым стержнем любой текст. Этот материал в силу определенных природных качеств надолго сохранял нанесенные на него знаки. Из «Описания Эллады» Павсания — писателя и путешественника II в. н. э. — мы узнаем

о поэмах Гесиода, воспроизведенных на свинцовых пластинах. Наибольшей известностью в Причерноморье пользуется Березанское письмо на такой же скрученной в трубку пластине некоего Ахиллодора, относящееся к концу VI в. до н. э.

Эней Тактик, военный инженер IV в. до н. э., к примеру, советуется тайное послание нанести на оловянную пластинку, тогда ему не будет страшна сырость и его можно без опасения вшить в подошву сандалии.

Надпись можно сделать и на другом материале. В 1986 году было опубликовано уникальное по своему жанру и содержанию прорицание дидимского оракула на костяной пластинке, относящейся к третьей четверти VI в. до н. э.* Оно предназначалось для милетских колонистов в Нижнем Побужье и было найдено опять же на острове Березань. Пожалуй, самым простым было подобрать валявшийся прямо под ногами плоский черепок с гладкой поверхностью (благо таких фрагментов всегда в избытке на любом греческом поселении) и начертить на нем несколько строчек. Именно так и поступали эллины, когда им предстояло подать голос в народном собрании по вопросу изгнания какого-либо лица, внушающего подозрение. Такое голосование глиняными черепками (по-древнегречески — остраконами) было впервые введено афинским реформатором Клисфеном в конце VI в. до н. э. Оно получило распространение

в полисах с демократическим устройством. Эта особая мера, названная остракизмом, была направлена на ликвидацию опасности установления тирании. Правда, позднее остракизм нередко использовался для устранения своих политических противников в острой борьбе партий. В Афинах встречены сотни керамических обломков с именами известных политических деятелей. Остраконы в последние десятилетия стали находить и в Херсонесе, но пока в гораздо меньшем количестве. Черепки с мужскими личными именами и отчествами могли также служить, по мнению Ю.Г. Виноградова, своеобразными бюллетенями для голосования при выборе должностных лиц или их коллегий. Однако вернемся теперь к нашему эпиграфическому памятнику.

Керкинитидское письмо было извлечено из культурного слоя, залегающего ниже современного уровня грунтовых вод, то есть из сплошной полужидкой грязи, где почти каждый черепок приходилось извлекать из отдельных ее комьев земли, тщательно перебирая их руками. Сейчас трудно представить, что послание Апатурия могло быть в таких условиях, и не обнаружено в результате его залегания чуть-чуть ниже или расположения в слое под какой-нибудь более поздней неразобранной кладкой или помещением (а такие случаи не исключены). Детальный историко-физиологический анализ текста письма был выполнен Э.И.

* В Дидимах недалеко от Милета находился храм Аполлона Филесия.

Соломоник при его публикации¹⁹⁴. Стиль этого своеобразного источника, как и других эпистол античности, приближается к разговорной речи. Поэтому в данном конкретном контексте смысл одного из встреченных в нем терминов остается не совсем ясным. Ю.Г. Виноградов предложил свое понимание двух темных мест надписи, которым мы воспользуемся ниже. Во-первых, в личном письме к автору под термином «сфекиса» (ΣΦΗΚΙΣΑ) в третьей строчке он предло-

жил понимать не технический термин (кровельные брусья), а кукан, то есть шнур со связкой рыбы для ее переноса или сушения на солнце. Во-вторых, в последней строчке читать не «узнай, кто отправится в Скифию», а «узнай, каковы подати скифам», «выясни, каковы размеры подати скифам»¹⁹⁵. И, наконец, справедливо замечание В.А.Анохина о том, что под быками подразумевались не животные, а международная валюта, роль которой в V в. до н.э. выполняли электровые кизикины¹⁹⁶.

Итак, приведем текст надписи:

1. ΑΠΑΤΟΡΙΟΣ ΝΕΟΜΗΝΙΩΙ
ΤΟΣΤΑΡΙΧΟΣ ΕΞ ΟΙΚΟΝ
ΣΥΝΚΟΜΙΣΟΝ ΚΑΙ ΣΨΗΚ' ΙΣΑ
ΚΑΙ ΣΑΓΗΜΗΔΕΣ ΑΤΕΡ
5. ΕΜΕΟΚΑΙ ΓΩ ΒΟΩΝ
ΑΝΑΚΩΣ ΕΧΕΚΑΙ ΟΥΤ'Ι
ΤΕΛΗ ΓΙΝΩΣΚΕ
8. ΕΣΤΟΣ ΣΚΥΘΣ

Ἀπατόριος Νεομηνίωι
Τὸς ταρίχος ἐς οὐκὼν
συνκόμισον καὶ σψήκ' ἴσα
καὶ σ' ἄγῃ μηδὲς ἄτερ
ἰμ εὐ καὶ γῶν βοῶν
ἀνακὶς ἔχε καὶ οὐ...
τελὴ γίνωσκε
ὅς το(ς) Σκυῖθας.

Перевод: «Апатурий Невмению. Соленую рыбу свежи домой и равное количество связок для нее; и пусть никто не занимается твоими делами, кроме меня; и, конечно, тщательно следи за быками (кизикинами); и узнай каковы размеры подати скифам».

Совсем иное прочтение данного эпистолярного документа предложил В.А.Анохин. Прежде всего, во второй строчке вместо слова ΤΑΡΙΧΟΣ (соленая рыба) он предлагает читать ΑΡΙΧΟΣ, которое составлено из начальных букв двух слов: стрела (ΑΡΙΣ — ардис) и рыба (ΙΧΘΥΣ — ихтус). Следовательно, под данным термином понималось не что иное, как монеты второго типа рыба-стрела. Термином ΣΦΗΚΙΣΑ понимались керамические литейные

формы для отливки названных выше монет, поскольку они отдалено напоминают гнезда роющих гнезд. Σφήξ — по древнегр. оса. В окончательном виде новый перевод выглядит так: «Апатурий Невмению. Арихи и сфекисы свежи домой и пусть никто не занимается твоим делом без меня и тщательно смотри за быками: и определи, какова (насколько велика) прибыль в Скифию»¹⁹⁷. Однако, оставим комментирование такого перевода для спе-

циалистов-филологов. Отметим только тот факт, что в момент написания документа монеты с изображением рыбы и стрелы вышли из денежного обращения в Керкинитиде.

Прежде всего, следует иметь в виду то обстоятельство, что перед нами особый вид документа — деловая записка, распоряжение, направленное торговому партнеру или, судя по самому тону письма (повелительному наклонению) и фразе, «пусть никто не занимается твоими делами», скорее всего находящемуся в соподчиненном положении временному распорядителю имущества. Как Апатурию, так и Невмению, хорошо был известен предмет их переписки, что не требовало каких-либо дополнительных разъяснений или уточнений. Они прекрасно знали то, о чем идет речь. Нам же сейчас понять их заочный диалог несравненно трудней. К тому же, письмо составлено стилистически очень тяжеловесно (достаточно сказать, что в нем использовано четыре соединительных союза «и»), а также пропущено несколько связывающих текст слов. Складывается впечатление, что Апатурий изложил свое поручение в спешке, используя для этого первый подходящий черепок с ровной и гладкой поверхностью. Причем он твердо следовал правилу — не делать переносов слов.

Как бы там ни было, перед нами предстает предприимчивый человек, имеющий свой дом в черте города и связанное с ним хозяйство. Значит, он являлся полноправным гражданином

полиса, ибо никто другой не имел права на жилище внутри крепостных стен. Он занимался заготовкой для длительного хранения соленой рыбы или лишь перерабатывал приобретенный продукт. Апатурий вел какие-то дела и неплохо ориентировался во взаимоотношениях родного полиса с местным варварским окружением. Перед нами в таком случае вырисовывается образ типичного эллина, занимающегося разноплановой предпринимательской деятельностью — таким его рисует античная литературная традиция.

Для надежной интерпретации письма Апатурия, прежде всего, нам следует попытаться с максимальной точностью определить его дату. Для этого мы располагаем двумя методами: археологическим и эпиграфическим. Первый сводится к выяснению конкретных стратиграфических условий самой находки, второй целиком основывается на палеографическом анализе текста как такового, его шрифта и особенностей надписи. При этом следует иметь в виду необходимость дальнейшей детальной разработки хронологии древних надписей и особенно граффити в силу небольшого количества таковых. К тому же, в отличие от лапидарной эпиграфики, где тексты выбивались на стелах профессиональным резчиком от имени государства (всей гражданской общины), надписи на черепках могли принадлежать любому жителю апойкии, где уровень грамотности был в целом достаточно высок. Автором пись-

ма мог стать и ученик, осваивающий премудрость письменности, и старец, давно ею овладевший; следовательно, орфография текста бывала очень различной.

Сразу же после обнаружения письма Апатурия Невмению археологами оно было отнесено к самому концу V в. до н. э., ближе к рубежу V–IV вв. до н. э. (условно около 400 г. до н. э.). Такой вывод логически вытекал из следующих наблюдений. Послание Апатурия происходит из стратиграфического горизонта, связанного с важнейшей вехой истории Керкинитиды — дальнейшим пространственным расширением территории города, что потребовало полной перестройки фортификационных сооружений и жилых кварталов. В процессе такой капитальной архитектурно-градостроительной реконструкции города была, в частности, разобрана одна из куртин восточной оборонительной стены, а на ее месте, над стерильным песком, образовалось искусственное всхолмление высотой 1,6 м — проще говоря, отвал вперемешку с различным бытовым мусором, состоящий из золистых темных по цвету отложений с прослойками желтого суглинка (переотложенных развалов сырцовых стен). В ходе строительства, после переноса крепостной линии чуть восточней предыдущей оборонительной кладки, этот невысокий холм оказался в городской черте. Затем все это пространство было сnivelировано и занято жилыми постройками. Таким образом, рассматриваемая находка сде-

лана на участке между двумя оборонительными линиями — 470–460 гг. до н. э. и рубежа V–IV вв. до н. э., на самом краю зольника, на том месте, где позже прошла одна из поперечных городских улиц, между жилыми кварталами. Упомянутый зольник датируется на основании известных археологам типов керамической тары, ионийской посуды и аттического импорта последней четвертью — самым концом (или рубежом) V–IV вв. до н. э. Полное отсутствие здесь фрагментов гераклеийских амфор, заполнивших черноморский (в том числе и керкинитидский) рынок с самого начала IV в. до н. э., не позволяет относить появление тут данного черепка с граффити позднее указанного времени. Такой датировке не противоречит и сам фрагмент стенки амфоры, на которой была нанесена надпись. Черепок этого сосуда — коричневого в изломе цвета (с внутренней стороны с серым закалом), рыхлой структуры с примесью песка в тесте и с большим количеством видных на поверхности золотистых блесков. Эти данные говорят о том, что он, скорее всего, принадлежал одной из фасосских амфор третьей четверти V в. до н. э., так называемых сосудов пифоидного типа. Сама ее надпись была нанесена несколько позже — где-то около 400 г. до н. э.

Таким образом, основное направление палеографического поиска было сразу задано археологами. Детально проанализировавшая рассматриваемый текст Э.И. Соломоник констатировала

следующее: «Шрифт этой надписи наиболее близок к ионийскому письму V в. до н. э. и к упорядоченному аттическому шрифту конца V или рубежа V–IV вв. до н. э.». Иначе говоря, и археологические и эпиграфические данные в нашем случае полностью совпадают. Они однозначно указывают на отнесение этого эпистолярного памятника именно к рубежу пятого и четвертого столетий до нашей эры.

Э.И. Соломоник также детально выделила все черты ионийского диалекта письма. Ионийская огласовка его, как и ряда прочих надписей из Керкинитиды, а также ряд археологических фактов — таких как строительная техника построек, общий характер развития денежного обращения полиса, символика и эмблематика ранних монет города, — все это окончательно убеждает в ионийском происхождении Керкинитиды.

Интерпретация этого документа тесным образом связана с точным определением местоположения корреспондента и адресата письма. От этого в известной степени зависят и масштабы отраженных в послании торгово-экономических и политических связей: колонии с метрополией (т. е. Керкинитиды с Милетом или другим малоазиатским городом) или апойкии с одним из ближайших к ней полисов, например Ольвии, Истрии и т. д. В последнем случае, как нам кажется, более иных приемлемом, эти контакты носят локальный характер. Письмо Апатурия, по всей видимости, яв-

ляется одним из наиболее ранних свидетельств о прямых связях Ольвии и Керкинитиды, что также подтверждается и нумизматическими данными: находками, например, ольвийских монет в Керкинитиде и керкинитидских в Ольвии. Решение поставленного вопроса затрудняется еще и тем обстоятельством, что нет полной уверенности в том, что Невмений получил адресованное ему послание. Конечно, вполне логично предположить, что письмо дошло до адресата, и было выкинуто в конечном пункте. Однако нельзя до конца исключить и такую жизненную ситуацию: черепок с надписью так и не был по каким-либо житейским причинам отправлен, например, в силу дополнения первоначального текста другими поручениями или какими-то новыми разъяснениями. Наконец, Невмений, получив послание, к примеру, в Ольвии и выполнив его там, явился обратно в Керкинитиду, прихватив письмо с собой, где оно затем и было выброшено. Подобные соображения показывают лишь весь спектр возможных вариантов, из которых одни более допустимы, другие менее. Похоже, что рассматриваемый документ благополучно проследовал заданным маршрутом — от адресата к корреспонденту (не в пример нашей современной почте).

Текст письма после краткого обращения отправителя к получателю четко членится четырьмя соединительными союзами на пять самостоятельных пунктов. Причем лишь первых два из них логически как-то связаны между

собой; остальные же являются практически независимыми пассажами. Таким образом, надпись является перечнем отдельных распоряжений, поэтому текст ее в стилистическом отношении несколько неудобен для чтения.

Содержание второй и третьей строчек полностью соответствует нашим знаниям о характере занятий жителей Керкинитиды. Рыбный промысел был распространен вдоль всего побережья Тарханкутского полуострова в Крыму и особенно в Керкинитском заливе, который служил естественным питомником рыб осетровых пород. Ловля и засолка рыбы, по всей видимости, были столь привычным занятием керкинитов, что городские монетарии придали одной из ранних своих монет вид осетровой рыбы — белуги, и в дальнейшем ее изображение перешло на лицевую сторону следующей монетной серии последней четверти V в. до н. э. Как известно по свидетельствам античных авторов, в Греции очень ценилась именно рыба осетровых пород из Понта. Одним из таких экспортеров частично переработанного продукта могла быть и Керкинитида наряду с Боспором и Ольвией.

В пятой-шестой строчках высказана озабоченность Апатурия о быках, то есть по версии В.А.Анохина кизикинах. Они использовались в указанное время в качестве международной валюты.

Обратимся к последним уникальным по своему содержанию строкам письма Апатурия. Их исключительность определяется упоминанием скифов. Учитывая

множественное число термина, его можно воспринимать и как более общее географическое понятие — Скифия. Оно до сих пор остается самым ранним упоминанием этого этнонима как в лапидарных северопричерноморских надписях, так и в малой эпиграфике. В свое время известный эпиграфист Б.Н. Граков вынужден был констатировать факт полного отсутствия слова «скифы» в текстах классического времени (V–IV вв. до н. э.), которых к тому же оказалось очень немного¹⁹⁸. Такое положение почти не изменилось за прошедшие годы. Наше же письмо близко к повествованию Геродота об этом варварском народе. Причем в нем упоминаются не простые контакты с соседними скифами, а указывается на определенную форму зависимости Керкинитиды от последних, что и нашло свое отражение в уплате полисом скифам определенных податей. Такой характер взаимоотношений одного из малых северопричерноморских полисов со скифской державой требует более широкого взгляда на всю проблему контактов эллинских городов с местными племенами.

Детальный анализ этюда Геродота о понтийской Ольвии, лапидарных надписей и монет подвели Ю.Г. Виноградова к выводу об установлении в первой трети V в. до н. э. над Нижнебугским полисом скифского протектората¹⁹⁹. Это потребовало укрепления города оборонительными сооружениями. Такая же судьба постигла и Никоний. Скифская экспансия затронула также и Восточное

Причерноморье, что нашло свое отражение в консолидации апойкий Боспора Киммерийского под властью Археанактидов. Именно в начале — первой половине упомянутого столетия, как уже сказано выше, боспорские города почти одновременно были обнесены крепостными стенами.

При таком развитии событий номады, по всей видимости, не оставались безразличными и к Северо-Западному Крыму, где находилась Керкинитида. Город, как и другие перечисленные выше колонии, был в конце первой трети усилен мощными фортификационными строениями. Другими словами, Керкинитида, так же как и Ольвия и Никоний, могла оказаться, в отличие от Боспора, уже в первой трети пятого столетия в определенной зависимости от скифского царства. Однако это является хотя и весьма вероятным, но все же предположением, а не установленным историческим фактом. Реальностью же остается то, что Керкинитида в самом конце V в. до н. э. должна была платить подати скифам, то есть находилась под протекторатом последних, если только допустимо употребление подобного термина для античной эпохи. Курганный некрополь скифской знати располагался на водоразделе между озерами Донузлав и Сасык-Сиваш, на расстоянии всего 22 — 25 км к северо-востоку от крепостных стен Керкинитиды. В одном из курганов Чаян-Опан-Сарчи грабителями в 1914 г. был обнаружен вполне царский набор погребального инвентаря второй половины IV в. до н.э.,

состоящий из золотой обкладки ножен, золотой чаше, золотой гривны, золотого пояса и, наконец, фрагмента штампованной пластины нагрудного украшения и обруча²⁰⁰. Это означает, что в самой ближайшей округе полуса кочевала одна скифская орда, которой, вполне вероятно, Керкинитида уплачивала дань. Преодолеть столь небольшое расстояние конный всадник мог менее чем за час.

Письмо Апатурия к Невмению — пока единственный эпистолярный документ Керкинитиды, реально отражающий почти не освещенные в других источниках вопросы истории и экономики Керкинитиды. Поэтому предполагаемая выше интерпретация эпиграфического памятника является одним из возможных вариантов и нисколько не претендует на окончательность. Она в известной степени отражает уровень современных знаний о рассматриваемом нами древнегреческом городе. Новые открытия письменных свидетельств (если таковые будут) помогут значительно их углубить.

Представляется весьма перспективным проведение в ближайшее время текстологического исследования всех граффити из того же стратиграфического горизонта Керкинитиды, в частности, с целью возможного выявления других надписей (посвятельных, бытовых) Апатурия на различной посуде. К сожалению, его письмо к Невмению не привязано к конкретному жилому дому внутри города. Это лишает нас возможности персонифици-

ровать одну из анонимных жилых построек Керкинитиды, получить представление о материальном положении их владельца, благоустройстве его быта и многое другое. Привязка подобного документа помогла бы «оживить» один из городских комплексов.

Письмо моряка. Остракон был обнаружен в 1986 г. к востоку — северо-востоку от внешнего панциря самой ранней крепостной стены Керкинитиды, возведенной на восточной линии обороны города в конце первой трети V в. до н.э. (около 470 — 460 гг. до н.э.). Черепок был извлечен из слоя песка с глиной, толщиной 0,20 м, залегающего на уровне третьего сверху ряда внешнего лицевого панциря оборонительной куртины, ниже современного уровня грунтовых вод. Последнее с той отдаленной эпохи вслед за повышением морской глади поднялись на два — три метра. Иными словами, данное послание было найдено всего в нескольких метрах от широко известного письма рубежа V — IV вв. до н.э. Апатуия (см. выше). Оба документа происходят из одного и того же стратиграфического горизонта и, скорее всего, относятся к одному и тому же времени. Цвет черепка — от розового внутри и до палевого, телесного снаружи с включением в большом количестве мелких известняковых частиц, единичных

темно-красных железняковых вкраплений и многочисленных (в виде чешуек) золотистых блесков, отчетливо видимых на внешней и внутренней поверхностях обломках. Скорее всего, перед нами трапециевидной формы стенка фассоской амфоры. Археологический контекст определенно указывает нам на самый конец V — рубеж V—IV вв. до н.э. Самая широкая дата заключается в хронологическом интервале около 470 — 400 гг. до н.э., поскольку археологический слой с остраконом залегал между двумя крепостными стенами, фиксирующими пространственное расширение территории поселения.

Описываемая надпись совсем недавно по нашей просьбе была опубликована известным советским и российским ученым С.Ю.Сапрыкиным, за которым мы, безусловно, будем следовать²⁰¹. Граффито представляло собой две строчки древнегреческой надписи, под которой схематично изображен нос корабля (*Рис. 93*). Текст и рисунок отделены от остального поля амфорного обломка рамкой. В свою очередь надпись подчеркнута линией. К сожалению, правая часть граффито была отбита и утеряна еще в древности, что лишает нас возможности полностью прочесть документ.

Итак, надпись может быть прочитана следующим образом:

ΓΥΚΕΙΑΚΑ[...]
ΓΡΑΨΑΝΤ[...]

Γυκεια κα[λη ?...]
γραψανт[!.....]

Перевод С.Ю.Сапрыкина: «Гикейя, ты прекрасная? (... для написавшего (тебе...)».

Рис. 93. Романтическое письмо моряка к Гикее. Рубеж V – IV вв. до н.э. из раскопок Керкинитиды 1986 г.

Под надписью крайне небрежно начертан корабль, от которого сохранилась только носовая часть (прора). На уровне ватерлинии отчетливо выступает таран (ἔμβολος). Следовательно, изображенное судно было не простым торговым, а именно военным. Оно двигалось не только с помощью парусов, но и благодаря усилиям гребцов, на что указывают весла, обозначенные двумя косыми спускающимися в море линиями. Корабль имел боевой раскрас в виде глазверху носовой части. Видимо рот был нарисован непосредственно над тараном. Такого рода судна с одним рядом весел назывались унирема. На палубе в носовой части автор письма весьма схематично изобразил самого себя.

Взмахом левой руки он прощается со своей любимой.

Итак, перед нами любовная записка, которая продолжалась вправо вряд ли более, чем на длину изображения корабля. Во второй строчке не сохранившейся части наверняка было названо имя отправителя письма. Он, скорее всего, был не местным жителем, а иностранцем. Гикейя для него была либо невестой, либо возлюбленной, либо гетерой, но вряд ли женой. Невольно приходит на ум современное представление о моряках, у которых в каждом порту имелась подружка.

Само имя Гикейя, как полагает С.Ю.Сапрыкин, весьма редкое в Вифинии (страна на северо-западе Малой Азии) и дорийском городе Калхедоне, расположенном у Боспорского пролива. Оно в форме Гикия (Γῆκῖα) известно в I в. до н.э. в Херсонесе при описании событий времен боспорского царя Асандра. Согласно переданной византийским императором Константином VII Багрянородным (908–959) легенде она спасла свой родной город от его захвата Асандром, пожертвовав при этом своим мужем и огромным домом. За свои заслуги перед отечеством на центральной площади было установлено две ее бронзовые статуи. Гикия была удостоена такой исключительной почести как быть погребенной в центре Херсонеса²⁰².

Заход военного корабля в гавань Керкинитиды, да еще в столь раннее время, событие отнюдь не рядовое. Оно должно быть связано с неизвестными нам по письменным свидетель-

ствам важнейшими событиями в жизни Северного Причерноморья. Более того, судно это задержалось в порту на какое-то время: ведь должен был моряк познакомиться и подружиться с местной красавицей? Не удивительно поэтому, что до сих пор на северных берегах Понта встречено всего четыре изображения военных кораблей классического времени²⁰³.

По мнению П.О. Карышковского во время своей Понтийской экспедиции афинский стратег Перикл побывал в Ольвии, после чего она вошла в состав Афинского морского союза²⁰⁴. Добавим к сказанному, что Керкинитида также наряду с Ольвией была обозначена в Понтийском округе Афинского податного списка за 425 г. до н.э. Путь из Синопы, где базировался Афинский флот, в Ольвию, по кратчайшему пути через Черное море, проходил именно через Керкинитиду. Может быть в этом и кроется ответ на вопрос: каким образом военное судно было воспроизведено на керкинитидском остраконе? Западные берега Таврики могла так же посетить эскадра Ламаха, состоящая из 13 кораблей, оставленных Периклом в Синопе, после его отплытия на родину. Ведь встретить военный корабль в V в. до н.э. на отдаленных северных берегах греческой ойкумены было почти из разряда фанта-

стики. И.Е. Суриков вообще допускает возможность посещения эскадрой Перикла не только Ольвии, но всего северного Причерноморья, включая Боспор. Причем направление движения кораблей было каботажным по часовой стрелке и только от поселения Торик к востоку от Боспора эскадра по кратчайшему пути направилась сначала в Амис, а затем и в Синопу²⁰⁵. Но в таком случае афинский стратег не мог миновать Тарханкутский полуостров и Керкинитиду!?

Для нас так же весьма важным является тот факт, что гавань Керкинитиды в V в. до н.э. активно использовалась иногородними торговыми судами при каботажном, а, по крайней мере с конца названного столетия, и прямом плавании через Понт. Низкий песчанистый берег позволял вытаскивать суда на сушу для просушки и ремонта. В определенной мере Керкинитида оставалась важнейшей, а в V в. до н.э. единственной, точкой на всем западном побережье Таврики! В античной навигации, так же как и в современной, ключевым пунктом в плавании вдоль полуострова являлся современный Тарханкутский мыс: самый западный край Крыма. Сюда в первую очередь следовали все корабли и отсюда веерообразно расходились по заданным направлениям: от Ольвии и до Истра.

Наследники Керкинитиды (вместо заключения)

Мы познакомились далеко не со всеми, а только с некоторыми, хотя и очень важными, проблемами изучения одного из малых древнегреческих полисов Причерноморья. Подавляющее большинство своих тайн Керкинитиды еще хранит, ведь до настоящего времени (за весь период исследования памятника) раскрыто чуть более 4% (всего четырех!) его территории. Сколько же еще не познано и скрыто под землей? Но мы знаем главное — по сохранности архитектурно-археологических остатков Керкинитиды — уникальный памятник античной культуры в масштабах не только Причерноморья, но и всей древнегреческой ойкумены. Ведь город перестал жить в конце II в. до н. э. и более никогда не восстанавливался. Его классические и эллинистические напластования не были подвержены позднейшим перекопам и перемещениям древних отложений в процессе римской или средневековой застройки, как это произошло, например, с Херсонесом, с большинством боспорских и многих других городов Северного Причерноморья. Турецко-татарский Гезлев — с его пестрым, как в каждом восточном городе, населением — возник и развивался не на руинах Керкинитиды, а несколько в сто-

роне от нее — северо-восточней, на берегу Каламитского залива.

Но не только это предопределило особую сохранность античного городища. Как ни странно, но памятник и сам предохранил себя от последующих разрушений. Как уже знает читатель, основным строительным материалом, которым пользовались античные строители Керкинитиды, был сырцовый кирпич, а стены, построенные из него, возвышались на каменных цоколях. При каждой капитальной реконструкции города (а таковых было три) развалы сырцовых стен консервировали под собой каменные части строений, предохраняя их от всевозможных разрушений, причиняемых повседневной житейской деятельностью обитателей древнего поселения. Благодаря этим обстоятельствам мы открываем при раскопках полностью сохранившиеся каменные цоколи построек, основания оборонительных стен. Своего открытия ждут еще не обнаруженные, но, несомненно, существующие, расположенные на агоре храмы и другие общественные здания, например пританей (место заседаний дежурного состава городского совета).

Верхний горизонт греческого города частично пострадал (но далеко не везде) в ходе скифской

строительной деятельности. Однако убогим постройкам скифов досталось бед гораздо больше, чем они принесли Керкинитиде: любые земляные работы на территории памятника (например, разбивка санаторского парка) в самом лучшем случае приводят к неминуемому уничтожению скифского «горизонта».

Первооткрыватель Керкинитиды Л.А. Моисеев с нескрываемой радостью отмечал, что благодаря счастливому стечению обстоятельств она дошла до нас менее разоренной, нежели другие античные города. Действительно, судьба античного памятника первоначально складывалась вполне благополучно. Уже первые раскопки привели к организации в Евпатории местного музея, экспонатами которого стали археологические коллекции из находок на территории памятника. Она была объявлена заповедной. Политическая обстановка в нашей стране — интервенция и гражданская война — не позволили осуществить все эти вполне разумные планы. Тем не менее, уже вскоре после освобождения полуострова от Врангеля Ревком Крыма издал приказ № 450. В нем по Евпаторийскому уезду, который тогда включал Сакский, Черноморский, частично Раздольненский современные районы Крыма, собственностью Республики была объявлена территория раскопок у Большого Карантина и Мойнакского озера. Этим же постановлением запрещалось без разрешения органов охраны памятников истории и культуры* занятие, пользование,

переделка и перестройка перечисленных объектов. Это предписание адресовалось, прежде всего, советским учреждениям²⁰⁶.

Следует сказать несколько слов о причине появления этого распоряжения. До В.И. Ленина дошли слухи о разграблении коллекций великокняжеских дворцов и частных зданий крымского Южнобережья, отводимых под санатории. В присланной на место телеграмме от 26.11.1921 г. подчеркивалась необходимость предотвращения подобного безобразия и принятия безотлагательных мер по охране памятников искусств в Крыму (ПСС. Т. 52. С. 309—310).

Решение Ревкома было подтверждено в 1926 г. ЦИК Крымской республики — в развитие декретов Совнаркома РСФСР²⁰⁷. Ровно год спустя, 20 октября 1927 г., постановлением Евпаторийского городского Совета (протокол № 19) территория памятника была закреплена за Евпаторийским Государственным археолого-этнографическим музеем. Запрещено было также проведение работ по разработке здесь сада и других мероприятий по благоустройству этого пространства (не говоря уже о строительстве!)²⁰⁸. Таким образом, Керкинитиде попала в ведение Крымохриса и, казалось бы, после таких солидных государственных постановлений за нее можно было не волноваться.

Теперь остается только догадываться, каким же образом территория Керкинитиды оказалась в черте санатория РККА, а начиная с 30-х гг. стала активно

застраиваться без какого-либо предварительного археологического исследования (уж лучше бы здесь был городской сад!). Отчасти это объясняется тем, что музей не имел возможности оградить площадь памятника забором и охранять ее. Увы, бывшее не вернуть, можно лишь сожалеть о нем. Перед нами стоит конкретная задача — предотвратить дальнейшее уничтожение древнего города, которое постоянно продолжалось до 70-х гг., а время от времени и сейчас (*Рис. 3*). Все утраты в ходе любых земляных работ, как правило, непродуманных не только в отношении охраны археологических памятников, но и с точки зрения хозяйственной целесообразности, наносят невосполнимый ущерб науке и культуре. Как тут не вспомнить постановление Евпаторийской думы от 5 октября 1916 г., в котором, в частности, сказано: «Признать желательным производство раскопок с целью отыскания античных остатков во всех тех местах городской территории, где будут производиться какие-либо постройки» (ГАСРФ, ф. 681, оп. 2, № 609. С. 66—67). «Строя будущее — как сказал М.И. Ростовцев, — нельзя забывать о прошлом».

Действующее в Советском Союзе законодательство «Об охране и использовании памятников истории и культуры» было призвано оградить все древности Страны Советов (в том числе и крымские) от посягательств на них со стороны различных ведомств и учреждений. Во всяком случае, на это рассчитывали

составители закона, приняв за основу аналогичное зарубежное законодательство. Читатель невольно подумает — высоко поставлено было у нас дело охраны памятников! В действительности же, и каждый из нас мог это видеть на вполне конкретных примерах, далеки мы еще были от той цели, которую преследует закон. Бездейственность закона в окончательной его редакции была, как бы запрограммирована (уж не целенаправленно ли?) в некоторых его же статьях. Отсюда плачевный итог: за более чем двадцатилетний период его существования безнаказанно разрушено множество памятников, но официально не было выявлено ни одного нарушения закона и не привлечено хотя бы к формальной ответственности ни одно административное лицо! Более того, органы прокуратуры (по крайней мере, в Крыму) просто не принимали такие дела к рассмотрению, за исключением тех случаев, когда дело шло о хищениях драгоценностей.

Ныне, когда Крым вернулся в лоно России, в ней действует Федеральный закон от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». В нем предусмотрены строгие меры в деле охраны объектов археологии и, особенно, жесткие условия обследования территорий при выделении земельных участков под застройку. Следовательно, у нас появилась надежда на коренные изменения в спасении археологических памятников Крыма и Евпатории в частности.

Однако сейчас в результате непрерывно вносимых изменений в историческую часть города, отсутствия четкой градостроительной концепции ее развития, в которой бы предусматривалось рациональное использование первоначального ядра, мы подошли к той черте, за которой Евпатория окончательно потеряет свой целостный архитектурный облик. Не лучше обстоит дело и с состоянием отдельных памятников архитектуры, как «доминант», так и представляющих «фоновую» застройку (пользуясь излюбленной терминологией наших зодчих). Архитектурные объекты, как известно, существуют не сами по себе, не в некоем вакууме, а в исторически сложившемся окружении. При ликвидации последнего они теряют свою выразительность.

На евпаторийском курорте уже давно безуспешно ставится на повестку дня вопрос о создании тут (по опыту всех других стран Черноморья и Средиземноморья) настоящей индустрии туризма и отдыха. Местный краеведческий музей — одно из интенсивно посещаемых просветительских учреждений, и это при том, что пока в экскурсионных целях эксплуатируются лишь современные экспозиционные залы. Остальное остается за пределами музейной работы, ибо требует срочной консервации и реставрации, проводимой неохотно, крайне медленно и на низком профессиональном уровне.

Давно следует решить вопрос об организации в Евпатории на базе краеведческого музея

архитектурно-археологического территориального заповедника с выделением из хозяйственной деятельности всех памятников, а также целых участков (кварталов) средневекового Гезлева, с передачей переселяемых из старых зданий жильцов — творческим союзам или предприятиям, занимающимся народным промыслом²⁰⁹. Пора также вымежевать хоть какую-то часть античной Керкинитиды — сделать ее экскурсионным объектом. Ведь нельзя же согласиться с тем, что древнегреческий город, памятник всесоюзного, в Украине национального значения, находится в полной зависимости от расположенного на его территории детского санатория МО СССР. Даже археологи практически лишены реальной возможности проводить целенаправленное систематическое исследование Евпаторийского городища, возвращать к жизни (можно сказать — реанимировать) античный город, сделать его достоянием не только отдельного ведомства, а нас всех.

Все прошлые раскопки Керкинитиды были связаны, так или иначе, с какими-либо земляными и строительными работами. Эту порочную практику прекратить, пока не удастся. Уникальная сохранность этого памятника привлекает (и нет сомнений, еще более заинтересует) туристов, в том числе зарубежных, по мере раскрытия его новых архитектурных объектов. Керкинитиды может стать местом паломничества всех интересующихся античной культурой. Можно же извлечь и

Евпатории, так сказать, «повезло» на памятники всевозможных эпох: в ней античность соседствует с такими творениями мусульманской архитектуры, как мечеть Джума-Джами, построенная в середине XVI в. одним из крупнейших зодчих того времени Ходжой Синаном; теккие дервишей с мечетью Шукурла-Эфенди, до недавнего времени действовавшая баня XVI в. и другая, начала XX в., в одном из современных дворов. Неповторимы по своему изяществу караимские кенасы с затененной узкой галереей и внутренним двориком и многое другое. Словом, еще не все успели уничтожить бывшие «отцы города», пекшиеся о развитии современного курорта, не думая нисколько о том, что у него было и прошлое. Можно ли, к примеру, объяснить ничем не оправданный снос крепостных ворот турецкого времени? Старинные архитектурные ансамбли, паутина узких улиц старого Гезлева, по которым любят плутать отдыхающие в Евпатории, вызывают неподдельный восторг. Ведь все это еще не вполне утратило экзотику восточного средневекового города.

Третьим градостроительным элементом Евпатории (современная застройка не в счет) являются в полном смысле слова памятники общественной и жилой архитектуры рубежа XIX–XX вв., возведенные в тогда широко распространенном стиле модерн. Они нисколько не уступают по своей исторической значимости и выразительности перечисленным выше объектам предшествующих эпох. Причем евпаторийские

зодчие А.А. Генрих и П.Я. Сеферов не просто копировали модные и весьма популярные в то время столичные постройки, их отдельные элементы, а сумели создать вполне оригинальный, характерный только Евпатории вариант южнорусского «ар нуво» (нового искусства). Ими была удачно (не в пример современным архитекторам) решена извечная градостроительная проблема: сочетание нового и старого, взаимодополнение того и другого. Это удалось достичь, с одной стороны, формированием нового города в так называемом дачном районе, с другой — и это, пожалуй, самое главное — гармоничным включением в ансамбль средневекового Гезлева дореволюционных построек. Трудная задача была решена настолько тактично, что складывается полное впечатление их изначального существования здесь.

Нет ни одного путешественника, которого не привлекала бы в любом городе старая городская застройка, и нет ни одного путеводителя по Крыму или по Евпатории, который бы не приглашал бы вас посетить этот район Гезлева. Исторически сложившееся и потому органичное сочетание античной цивилизации, средневекового восточного зодчества и провинциальной русской старины с «урбанистской» архитектурой модерна создает неповторимый историко-архитектурный колорит, который так выгодно отличает Евпаторию от других прибрежных центров Причерноморья.

немалую экономическую выгоду из разумного использования памятника.

Наступило время, когда явно ощущается повышение общего культурного уровня, образованности и компетентности как ру-

ководимых (то есть нас с вами), так и руководства. Значит, есть надежда освободиться, наконец, от необходимости доказывать то, что по сути своей просто не требует доказательств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- ¹ Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. С. 265.
- ² Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 134.
- ³ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 96.
- ⁴ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 1. С. 279.
- ⁵ Латышев В.В. Указ. соч. // ВДИ. 1948. № 2. С. 238.
- ⁶ Латышев В.В. Указ. соч. // ВДИ. 1948. № 1. С. 272.
- ⁷ Латышев В.В. Указ. соч. // ВДИ. 1948. – № 4. С. 235.
- ⁸ Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Pontr Euxini, Graecae et Latine. – Petropoli, 1916, 1², 352, 401.
- ⁹ Вайер Ф.З. О местоположении Скифии каково было в лета Геродотовы // Краткие описания Комментариев Академии наук. Часть 1 за 1726 г. – СПб., 1728. – С. 152–154.
- ¹⁰ Peyssonnel Cl. Ch. Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont – Euxin: Avec cartes et figures taillées. – Paris, 1765. – P. 6; d'Anville M. Examen critique d'Herodote sur ce qu'il rapporte de la Scythie // Mémoires de littérature, tirés des l'Académie Royale des inscriptions et belles – lettres. 1770. № 35. P. 580.
- ¹¹ Тунманн. Крымское ханство /Пер. Н.А. Эрнста и С.А. Беляевской. Симферополь, 1936. С. 41.
- ¹² Friedlaender G. Kerkine citta del Chersoneso Taurico nella serie numismatica // Annali dell' Institute di corrispondenza archeologica. 1845. № 16. P. 232–234.
- ¹³ Спасский Г. О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах // ЗООИД – 1848. Том 2. С. 26; то же см.: Археолого-нумизматический сборник. – М., 1850. С. 180.
- ¹⁴ Гайдукевич В.Ф. [Рецензия] // ВДИ. 1949. № 3. С. 144. Рец. на кн.: Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
- ¹⁵ Бурачков П.О. О местоположении древнего города Каркинита и монетах ему принадлежащих // ЗООИД, 1875. Т. 9. С. 122; Он же. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 232.
- ¹⁶ Дашевская О.Д., Щеглов А.Н. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА. 1965. № 2. С. 255.
- ¹⁷ Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. По материалам Междун. Научно-практической конф. "Античный мир и археология", посвященной 2600-летию Евпатории. С. 26 – 41.
- ¹⁸ Аркас З. Сравнительная таблица эллинских поселений по Евксинскому Понту // ЗООИД, 1852. Т. 3. С. 144–145.
- ¹⁹ Кутайсов В.А. Караджинское городище в северо-западном Крыму // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15. С.5–15; Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н.

Предложения к охранному зонированию Караджинского античного городища и курганного некрополя // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2012. Вып. VIII. Часть 1. С. 6 сл.

²⁰ Невеский Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М., 1967. С. 140–156.

²¹ Лоция Черного моря. – Николаев, 1851. С. 60. См. также последующие издания “Лоций” за 1867, 1892 и 1903 г.

²² Орешников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892. С. 3–4; Дьяков В.Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. 1939. № 3. С. 72–73.

²³ Соломоник Э.И. Тавры и Таврика // Археология. 1976. № 20. С. 46–50; Щеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 206.

²⁴ Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116. С.

²⁵ Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. Одесса. Часть 2. С. 8.

²⁶ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 22.

²⁷ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 162, 236; он же. Два зороастризма в Иране (Иран Восточный – Иран Западный. Два лица одной этнической культуры) // ВДИ. 1990. № 4. С. 202.

²⁸ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958. С. 367.

²⁹ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика... М., 1991. С. 333. Правда, долгое время не обращали никакого внимания на вскользь высказанное замечание В. Диттенбергера о том, что форма слова KERKINIT характерна для ряда диалектов, включая дорийский: Dittenberger G. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Nunc 3 ed. – Lipsiae, 1915. P. 275.

³⁰ Брун Ф.К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии. – Вып. 2-е. 23. СПб. 1872.

³¹ Бурачков П.О. О местоположении... С. 122–123.

³² Бурачков П.О. Опыт соглашения... С. 245.

³³ Романченко Н.Ф. К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории // Археологические известия и заметки. 1894. № 1. С. 9–15.

³⁴ Протоколы заседаний // ИТУАК. 1893 № 19. С. 118.

³⁵ Романченко Н.Ф. Таврическая губерния. Материалы по археологии Евпаторийского уезда // Записки Русского археологического общества. Т. 8. Вып. 1–2. – 1896. С. 223–225.

³⁶ Романченко Н.Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИАК. 1907. № 25. С. 186–187.

³⁷ Кутайсов В.А. Материалы к истории изучения Керкинитиды // Историческое наследие Крыма. 2004. №№ 3–4. С. 32–36.

³⁸ ГАСРК, ф. 681. оп 2, № 609.-Л. 127-134. См.: Ростовцев М. И. О необходимости немедленного расследования античных остатков около нынешней Евпатории и о желательности основания местного музея в Евпатории – Евпатория: Изд-ние Евпаторийской Гор. управы, 1916, 8 с.; Кутайсов В.А. Материалы к истории изучения Керкинитиды... С. 33–35.

³⁹ Моисеев Л.А. Дневник № 1 раскопок в Евпатории в 1917 г. // НА НЗ “Херсонес Таврический”, № 1526. С. 99.

⁴⁰ Моисеев Л.А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУ-АК. 1918. № 54. С. 252, 259.

⁴¹ Наливкина М.А. Северо-Западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 163.

⁴² Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 3. С. 253; он же. Евпаторийский район. 1933–1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936. М.-Л. 1941. С. 268–269.

⁴³ Шульц П.Н. Евпаторийская экспедиция. 1933–1934 гг. // Архив ГАИМК. – Ф. 2, оп. 1. д. 202, л. 20.

⁴⁴ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым... С. 9–10.

⁴⁵ Филонычев П.И. Иллюстрации к отчету о разведывательных раскопках в Евпатории в 1941 г. // Архив Евпаторийского краеведческого музея. № 213. Рис. 1–6.

⁴⁶ Наливкина М.А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда // КСИИМК. 1952. № 45. С. 114–115; она же. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948–1952) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 261.

⁴⁷ Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1953. № 51. С. 133.

⁴⁸ Михлин Б.Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. 1981. № 3. С. 181–192; Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. – Киев, 1982. С. 28.

⁴⁹ Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории (предварительные итоги) // КСИИМК. 1955. № 58. С. 64; она же. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 183; она же. Керкинитиды и Калос-Лимен (некоторые итоги изучения) // Античный город М.-Л., 1963. С. 55.

⁵⁰ Анохин В.В. К хронологии строительных остатков западного района Керкинитиды // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988: Тезисы докл. Севастополь, 1988. С. 3–5.

⁵¹ Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды. Киев: Наук. думка, 1990.

⁵² Кутайсов В.А., Павленков В.И. Раскопки Керкинитиды // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь: "Таврия", 1994. С. 167–170; Кутайсов В.А., Павленков В.И. Раскопки античной Керкинитиды в 1997–1998 гг. // Археологічні відкриття в Україні. 1998–1999 рр. Київ: ІА НАН України, 1999. С. 15–16; Кутайсов В.А., Павленков В.И., Приднєв С.В. Исследование Керкинитиды в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. Київ: ІА НАН України, 2001.

⁵³ Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев, 1989. 80 с.

⁵⁴ Кутайсов В.А., Приднєв С.В. Охранные раскопки некрополя Керкинитиды // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 163–169.

⁵⁵ Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. New York, 1971. P. 29–30; Явленно В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. По данным эпиграфических источников. М., 1982. С. 241–242.

⁵⁶ Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.) Симферополь: "СОНАТ", 2008. С. 83, рис. 93; С. 346, № 99; Кутайсов В.А. Античный полис Керкинитиды // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XII. Симферополь: "Феникс", 2013. С. 94, рис. 119.

⁵⁷ Орешников А.В. Материалы... С. 7; Романченко Н.Ф. Таврическая... С. 231; Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 491; Дашевская О.Д. О происхождении названия города Керкинитиды // ВДИ. 1971. № 2 С. 127–128.

- ⁵⁸ Кутайсов В.А. К нумизматике Керкинитиды V в. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 97.
- ⁵⁹ Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. М., 1983. С. 140.
- ⁶⁰ Колесников М.А. О дате основания Керкинитиды / У Понта Евксинского (памяти П.Н.Шульца). Симферополь, 2004. С. 166–169.
- ⁶¹ Яйленко В.П. Древнегреческая колонизационная практика // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 69; он же. Греческая колонизация... С. 123, 242; Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 5.
- ⁶² Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 53–54.
- ⁶³ Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 7.
- ⁶⁴ Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории... С. 64, 68; она же. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена... С. 267; Она же. Торговые... С. 189; она же. Керкинитида... С. 55.
- ⁶⁵ Яйленко В.П. Греческая... С. 40, прим. 103; он же. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 90.
- ⁶⁶ Колесников М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма). Киев, 2003. С. 71–72.
- ⁶⁷ Яйленко В.П. Греческая... С. 241.
- ⁶⁸ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток С. 93; Козловская В.И. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М., 1984. С. 28.
- ⁶⁹ Кене Б. Музей покойного князя В.В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России. Т. 1. СПб. 1856. С. 109.
- ⁷⁰ Надеждин Г. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностью // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 53.
- ⁷¹ Моисеев Л.А. Херсонес Таврический... С. 247.
- ⁷² Романченко Н.Ф. Таврическая... С. 231.
- ⁷³ Наливкина М.А. Северо-Западное... С. 16–162.
- ⁷⁴ Белецкий А.А. Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология. 1967. – М.: Наука, 1969. С. 203, 207.
- ⁷⁵ Дашевская О.Д. О происхождении... С. 125.
- ⁷⁶ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Указ. соч. С. 359.
- ⁷⁷ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1991. С. 165; она же. Скифия глазами эллинов. СПб: "Алетей", 1998. –С. 26.
- ⁷⁸ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье / Античная Греция. Проблемы развития полиса Т. 1. М., 1983 С. 403–404.
- ⁷⁹ Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев: "Стилос", 2003, Рис. 1.
- ⁸⁰ Смекалова Т.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: каталог/ Материалы к археологической карте Крыма. Вып. II. Симферополь: "Доля", 2010. Рис. 112; она же. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в Северо-Западном Крыму / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. V. Симферополь: "Доля", 2011. Рис. 2.
- ⁸¹ Ščeglov A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969–1985) // Dialogues d'histoire ancienne. 1987. 13. P. 245–247.
- ⁸² Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. / Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.: Наука, 1985. С. 174; Завойкин А.А. Образова-

ние Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов // Боспорские исследования. Suppl. 10. Симферополь-Керчь, 2013. С. 451.

⁸³ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 244.

⁸⁴ Латышев В.В. Указ. соч. // ВДИ. 1948. № 2. С. 216–217; Аристотель. Указ. соч. С. 601.

⁸⁵ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 224–227; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Указ. соч. С. 335 сл.

⁸⁶ Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса". IosPE, I², 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. 104–123; он же. Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 59–62.

⁸⁷ Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 44–70.

⁸⁸ Яценко И.В., Турина Т.Н. Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант в реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: МГУ, 1991. С. 136; Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму. М., 2005. Рис. 1.

⁸⁹ Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев, 1989. С. 30–31.

⁹⁰ Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием из некрополя Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев: Наук. думка, 1983. С. 28 сл.; Нефедова Е.С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ, 1991. 197.

⁹¹ Голенко К.В., Щеглов А.Н. Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма // ВДИ. 1971. № 1. С. 41–47.

⁹² Латышев В.В. Pontica. СПб., 1909. С. 133.

⁹³ Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 17, 35–36.

⁹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древнейшие источники по истории народов СССР. М., 1989. С. 175.

⁹⁵ Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч. 1. С. 27.

⁹⁶ Рыбаков Б.А. Русские земли на картах Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. № 43. С. 18.

⁹⁷ Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. 1970. № 1. С. 259.

⁹⁸ Desimoni C., Belgrano L.T. Atlante idrografico del medio evo, posseduto dal cav. Prof. Tammar Luxoro, pubblicato a fac-simile dai socii cav. // Atti della Società Ligure di Storia Patria. – Genova. 1867. – Vol. V. P. 125; Desimoni C. Nuovi Studi sull' Atlante Luxoro // Ibid. P. 250; Брун Ф.К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872. Вып. 2. С. XXIII; он же. Atlante idrografico del medio evo, posseduto dal cav. Prof. Tammar Luxoro, pubblicato a fac-simile dai socii C. Desimoni, L. Belgrano // ЗООИД. 1872. Том 8. С. 289–300; он же. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Часть II. Одесса, 1880. С. 7; Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев: Комиссия для разбора древних актов. 1899. Вып. 1. карта I.

⁹⁹ Демосфен. Речи. – М.: Изд-во "Памятники исторической мысли", 1994. – Том 1. – С. 424, 441.

- ¹⁰⁰ Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 1995. С. 5.
- ¹⁰¹ Латышев В.В. Повтика. СПб., 1909, с. 157.
- ¹⁰² Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 231–233.
- ¹⁰³ Трофимова М.К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н.э.) // ВДИ. ВДИ. 1961. № 2. С. 55–56.
- ¹⁰⁴ Sallares R. The Ecology of the Ancient Greek World. L.: Redwood Press, 1991. P. 92.
- ¹⁰⁵ Подробнее см.: Кутайсов В.А. Античный полис Керкинитида / Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь. Вып. XII. С. 27 сл.
- ¹⁰⁶ Сергеенко М.Е. Ученые земледельцы древней Италии. Л.: Изд-во "Наука", 1970. С. 65.
- ¹⁰⁷ Феофраст. Исследования о растениях. Рязань: Александрия, 2005. С. 213; Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976. С.78-79,89-90, 93-95.; она же. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 45–50.
- ¹⁰⁸ Феофраст... С. 216, 218, 222.
- ¹⁰⁹ Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. М. Л.: Изд-во АН СССР. С. 63,
- ¹¹⁰ Богаевский Б.Л. Обряды, связанные с горшками в богослужении арвальских братьев / Б.Л. Богаевский. //ЖМНП 1907. № 10. С. 467–475; он же. Земледельческая религия Афин. Пг, 1916. Том I. С. 195.
- ¹¹¹ Кадеев В.И. Некоторые вопросы истории античного земледелия Херсонеса // Вестник Харьковского ун-та. 1981. № 214. С. 92–93.
- ¹¹² Страбон. География. Пер. Г.А.Страпоновского. М.: Науч.-изд. Центр "Ладомир", 1994. С. 284..
- ¹¹³ Подробнее см.: Кутайсов В.А. Античный полис Керкинитида...С. 43–50.
- ¹¹⁴ Garnsey P. Food and Food Supply in the Graeco-Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 39.
- ¹¹⁵ Фукидид. История. Л., 1981. С. 7; Ксенофонт. Анабасис. М.-Л., 1951. С. 169–170.
- ¹¹⁶ Winter F.E. Greek Fortifications. London, 1971. P. 69–70.
- ¹¹⁷ Филон Византийский. О фортификации // Архитектура античного мира / Сост.: В.П. Зубов и Ф.А. Петровский. М., 1940. С. 46.
- ¹¹⁸ Winter F.E. Op. cit. P. 157–158.
- ¹¹⁹ Аристотель. Политика... С. 610.
- ¹²⁰ Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 86.
- ¹²¹ Аристотель. Указ. соч. С. 583.
- ¹²² Витрувий. Десять книг об архитектуре /Пер. Ф.А. Петровского. М., 1936. С. 44.
- ¹²³ Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко- археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М., 2005. С. 67–69; Рис. 110 – 115.
- ¹²⁴ Витрувий. Указ. соч. С. 115–116.
- ¹²⁵ Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) Киев, 1982. С. 164, прим. 2; он же. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья: Тез. докл. и сообщ. Тбилиси, 1982. С. 47–49.

¹²⁶ О домашних святилищах в городах Северного Причерноморья см.: Крапивина В.В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. – Симферополь Керчь. 2012. Вып. XXVI. С. 182–217.

¹²⁷ Кутайсов В.А. Эллинистический дом Керкинитиды // СА. 1987. № 1. С. 169–182.

¹²⁸ Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976. С. 137–141. Археологические памятники Крыма.

¹²⁹ Наливкина М.А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940 № 6. С. 111–112.

¹³⁰ Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. Т. 1. Петроград, 1916. С. 136–145; Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 49, 71.

¹³¹ Кутайсов В.А. Раскопки Керкинитиды в 1989 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: "Таврия", 1993. С. 4–7.

¹³² Кутайсов В.А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. 1985. № 3. С. 178–190.

¹³³ Robinson D.M., Graham J.W. The Hellenic House // Excavations at Olynthus. 1938 Part 8. P. 171–185; Robinson D.M. Domestic and Public Architecture // Excavations at Olynthus. 1946. – Part 12. P. 9, 15, 58, 193, 229.

¹³⁴ Аристотель. Указ. соч. С. 433.

¹³⁵ Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 11.

¹³⁶ Домбровский О.И. Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты истории античного искусства // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 159 сл.

¹³⁷ Кутайсов В.А. Монеты Керкинитиды V в. до н. э. // ВДИ. 1991 № 1; он же. Античный полис Керкинитиды / Материалы к археологической карте Крыма. – Симферополь: Издательство ЧП "Предприятие Феникс", 2013. С. 129–136; Kutajsov V.A. Cast Money and Coins of Kerkinitis of the Fifth Century B.C. // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1995. № 2,1. P. 39–61.

¹³⁸ Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. С. 16–17.

¹³⁹ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 82.

¹⁴⁰ Туровский Е.Я. Некоторые соображения относительно нумизматики Керкинитиды // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности: Материалы II Междун. Научно-практической конф. Симферополь: Н.Ореанда, 2012. С. 146.

¹⁴¹ Кутайсов В.А., Кокоулин А.Г. Новые находки каркинитских монет в Крыму // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 307–308, 524.

¹⁴² Алексеев В.П., Лобода П.Г. Новые варианты редких монет античных городов Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вып. X. С. 26, № 9.

¹⁴³ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1989. С. 115, №№ 403–406; он же. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. К.: ИД "Стило-с", 2011. №№ 600–603.

¹⁴⁴ Кутайсов В.А. К нумизматике Керкинитиды V в. до н.э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 94–97.

¹⁴⁵ Vinogradow J.G. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IXe Congrès international d'épigraphie grecque et latine. Vol. 1. Sofia, 1987. P. 25.

- ¹⁴⁶ Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 49–50; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье... С. 386–387.
- ¹⁴⁷ Анохин В.А. Монеты античных городов... С. 5–9.
- ¹⁴⁸ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. – Киев, 1988. С. 38–40.
- ¹⁴⁹ Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре... С. 18 – 22.
- ¹⁵⁰ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 160–161; Античный полис Керкинитида / Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Издательство ЧП "Предприятие Феникс", 2013. С. 136–148.
- ¹⁵¹ Minns E.H. Op. cit. P. 490–491.
- ¹⁵² Карышковский П.О. Еще раз о книге А.Н. Зографа «Античные монеты» // ВДИ. 1953. № 1. С. 108.
- ¹⁵³ Смекалова Т.Н. Исследование монетных сплавов города Керкинитида // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы Керчь, 2001. С. 134 – 139.
- ¹⁵⁴ Анохин В.А. Монеты античных городов... С. 83–84.
- ¹⁵⁵ Столба В.Ф. Еще раз о керкинитидских монетах II–III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского: Тез. докл. конф. Одесса, 1989. С. 49–50.
- ¹⁵⁶ Wroth W. Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus. – London, 1889. – Tab. II. 11–12; XXIX, 19–20; XXX, 1–2; Waddington W.H., Babelon E., Beinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. – Tome 1, fasc. 2 – Paris, 1908. Pl. LV, 26–32; Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. – 2 partie, tome 2. – Paris, 1910. – Pl. CLXXXIII, 1–8; CLXXXIV, –3; CLXXXV, 8–10; Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. P. 283, № 1041.
- ¹⁵⁷ Evans A.J., M.A., F.S.A. The «Horsemen» of Tarentum // The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society. – 1889. – 3 series. – Vol. 9. – P. 79; Jenkins G.K. The Coinage of Gela (Deutsches Archäologisches Institut / Antike Münzen und Geschnittene Steine. Band 2) – Berlin, 1970. – Pl. 1–6; 42–44, 53; idem. Monnaies grecques. – London, 1972. – № 494; idem. A Tarentine Footnote // Greek Numismatics and Archaeology. Essay in Honor of M. Thompson. Wetteren, 1979. P. 113.
- ¹⁵⁸ Babelon E. Op. cit. Pl. CXL, 5–6, 8.
- ¹⁵⁹ ОАК за 1913–1915 гг. – Рис. 187 б; Веселовский Н. Серебро скифского царя из кургана Солоха // Старые годы. 1914 – март С. 29; Манцевич А.П. Курганы Солоха. Ленинград, 1987. – № 61.; Scythian Art. The legacy of the Scythians Word: mid 7-th to 3-rd century B. C. – Leningrad, 1986. – №№ 157–160.
- ¹⁶⁰ Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. 1965. № 2. Табл. 5; он же. Монеты Атея // Скифские древности. Киев, 1973. Рис. 1.
- ¹⁶¹ Павленков В.И. О монетах Керкинитида со скифскими сюжетами // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Севастополь, 1988. С. 14–15.
- ¹⁶² Уварова П.С. Саркофаги Оттоманского музея // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 21. 1907. Вып. 2. Табл. 13.
- ¹⁶³ Манцевич А.П. Курганы Солоха... С. 91.
- ¹⁶⁴ Онайко Н.А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в II–III вв. до н. э. / Свод археологических источников. М., 1970 С. 36.
- ¹⁶⁵ Wroth W. Catalogue... Pontus... Pl. XXIX, 19–20; idem. Catalogue of the Greek Coins of Troas, Aeolis and Lesbos. London, 1894. Pl. 1, 9–12; Babelon E. Traité des monnaies... Pl. CLXVIII; CLXXXIII, 1–8.

- ¹⁶⁶ Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // *Материалы по археологии России*. 1914. № 34. Таб. 1; он же. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 442; Rostowzew M. *Sythien und Bosporus*. Band I. Berlin, 1931. S. 391–392.
- ¹⁶⁷ Орешников А.В. Об изображении скифа на монетах Керкинитиды // *Нумизматический сборник*. 1911. Том 1. С. 629; Іллінська В.А. Скіфські сокири // *Археологія*. Т. 12. 1961. С. 43.
- ¹⁶⁸ Wroth W. *Catalogue... Pontüs...* Pl. XXX, 7–8; idem. *Catalogue of the Greek Coins of Mysia*. London, 1892. Pl. IX, Babelon E. *Traité des monnaies...* Pl. CLXXIX, 5–6.
- ¹⁶⁹ Gardner P., M.A., F.S.A. *Catalogue of the Greek Coins. Thessaly to Aetolia*. – London, 1883. Tab. III, 2–3.
- ¹⁷⁰ Бертье-Делагард А.Л. Монетные новости древних городов Тавриды // *ЗООИД*. 1912. Т. 30. С. 40.
- ¹⁷¹ Gardner P. *Op. cit.* Tab. III, 2–3; IV, 1–2.
- ¹⁷² Орешников А.В. Об изображении скифа... С. 629–630.
- ¹⁷³ Зограф А.Н. Античные монеты... С. 161.
- ¹⁷⁴ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. М., 1977. С. 30–39; он же. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 17–19, 156–157.
- ¹⁷⁵ Minns E.H. *Op. cit.* P. 72, 491.
- ¹⁷⁶ Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // *ИАК*. 1913. № 49. С. 8–9; он же. Воронежский серебряный сосуд. С. 82; он же. Иранский конный бог и юг России // *ВДИ*. 1990. № 2. С. 194.
- ¹⁷⁷ Іллінська В.А. Скіфські сокири... С. 47.
- ¹⁷⁸ Карышковский П.О. Ольвийские «борисфены» // *Нумизматика и сфрагистика*. 1968. № 3. С. 81–82.
- ¹⁷⁹ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. 51 – 52, 112.
- ¹⁸⁰ Бессонов С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 17.
- ¹⁸¹ Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического... С. 32.
- ¹⁸² Медведева Л.И. Монеты Керкинитиды // *Нумизматика и эпиграфика*. 1984. Т. 14. С. 44–49; Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // *Нумизматика и сфрагистика*. 1968. № 3. С. 10, 42.
- ¹⁸³ Алексеев В.П., Лобода П.Г. Редкие и неизданные монеты Керкинитиды и Херсонеса // *Вестник Одесского музея нумизматики*. Одесса, 2002. С. 5, № 5; Дубинина Л.И. Собрание античных монет Евпаторийского краеведческого музея // *Археология Северо-Западного Крыма*. Симферополь. С. 99.
- ¹⁸⁴ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 139, №№ 77–81.
- ¹⁸⁵ Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет II–III вв. до н. э. // *Нумизматика и эпиграфика*. 1970. Т. 8. С. 6.
- ¹⁸⁶ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 120.
- ¹⁸⁷ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 2; 77, 82, 90.
- ¹⁸⁸ Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического... С. 31, 43, 45.
- ¹⁸⁹ Martin Th. B. *Sovereignty and Coinage in Classical Greece*. Princeton, 1985. P. 219.
- ¹⁹⁰ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Указ. соч. С. 335.
- ¹⁹¹ Бертье-Делагард А.Л. Монетные новости... С. 40; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. № 74.
- ¹⁹² Соломоник Э.И. *Inedita* // *Іноземна філологія*. 1987. № 85. С. 112.
- ¹⁹³ Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // *ВДИ*. 1985. № 1. № 25.

- ¹⁹⁴ Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 114–125.
- ¹⁹⁵ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. С. 91; он же. С. 16. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995; Vinogradov Yu. G. Greek epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // Ancient Civilization from Scythias to Siberia. 1994. Vol. 1. № 1. P. 66.
- ¹⁹⁶ Анохин В.А. Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев: Издательский дом "Стилос", 2010. С. 68.
- ¹⁹⁷ Анохин В.А. Материалы... С. 62–69.
- ¹⁹⁸ Граков Б.Н. Термин «ΣΚΥΘΑΙ» и его производный в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. № 16. С. 86.
- ¹⁹⁹ Виноградов Ю.Г. Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху // История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 379.
- ²⁰⁰ Shcheglov A.N., V.I. Katz V.I. A Fourth-Century b.c. Royal Kurgan in the Crimea / A.N. Shcheglov, // The Metropolitan Museum Journal. 1991. № 26. P. 97–122; Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван Б. Курганы скифской знати в западном Крыму / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XI. Симферополь: "Предприятие Феникс", 2013.
- ²⁰¹ Сапрыкин С.Ю. Греческие моряки в Северо-Западном Крыму // Scripta Antiqua M.: «Собрание», 2015. – Том 4. – С. 138–139.
- «Saprykin S. Greek Sailors in the North-West Crimea // Studia Classica Serdicensia. София: Изд-во «Св. Климент Охридски», 2015. С. 300–302.
- ²⁰² Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: наука, 1991. С. 258–273
- ²⁰³ Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. С. 40–50.
- ²⁰⁴ Карышковский П.О. Ольвия и Афинский союз // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса, 1960. Вип. 3. С. 57–100.
- ²⁰⁵ Суриков И.Е. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 106–113.
- ²⁰⁶ Ревкомы Крыма: Сб. док. и материалов. Симферополь, 1968. С. 159–160.
- ²⁰⁷ ГАСРК. Ф. Р. 663, оп. 1., д. 567. л. 175–177.
- ²⁰⁸ ГАСРК. Ф. Р. 1036, оп. 1., д. 52 л. 64.
- ²⁰⁹ Кутайсов В.А. Культурно-историческое наследие Евпатории. Взгляд из XXI века // Междун. научная конф. "Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы". Севастополь, 2012. С. 38–40.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ
ГАИМК Вестник древней истории
Государственная архивная служба Республики Крым
ГАСРК
ЖМНП Государственная архивная служба Республики Крым
Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД Записки Одесского общества истории и древностей
ИАКИ Известия императорской Археологической комиссии
ИТУАК
Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА Краткие сообщения Института археологии СССР.
КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА Материалы и исследования по археологии СССР.
СА
IosPE, II Советская археология
Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, Graecae et Latinae. — Petropoli, 1916, I²

СОДЕРЖАНИЕ

П р е д и с л о в и е	
Один или два?	
Сто лет поисков	
Экскурс в историю	
“Хлеб, свозимый с равнины...”	
“Ни эллину, ни варвару...”	
Как строился город	
Город – жилище и быт	
Домашнее святилище	
Трапеза в андроне	
Свидетельства нумизматики	
Сюжеты и символы	
Письма из V века	
Наследникам Керкинитиды	
Список использованной литературы	
Список сокращений	

Научно-популярное издание

В.А. КУТАЙСОВ

ОТ КЕРКИНИТИДЫ К ЕВПАТОРИИ

Ответственный за выпуск *Ф. Д. Филатов*

Обложка *Т.Ф. Филатова*

Макет и верстка *Л. В. Семенюк*.

Корректор *Е. А. Смирнова*

Подписано к печати с оригинал-макета

Формат 70 х 100 1/16, Гарнитура «Mysl Nargow».

Печать офсетная. Условн. печ. л. 18,5. Тираж 000 экз.

ИП Филатов Ф.Д. «Бизнес-Информ»[™].

295048 г. Симферополь, ул. Трубоченко, 5.

Телефоны: (0652) 44-67-46 (факс), 44-27-46, +7-978-800-79-83.

E-mail: bisnesinform@mail.ru <http://bookcrimea.com>

Отпечатано ООО «Издательство Вперед», 295047, Россия.

Республика Крым, г. Симферополь, ул. Узловая, 12.